

ПИОНЕР

ИЮЛЬ 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1965 г.

ПО СЛЕДАМ БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ

Тише: говорит фотография...

В вечернем небе застыла на пьедестале фигура бойца, он часовой, охраняет покой и вечный сон своих братьев. Но кто именно, кто поименно лежит в земле, здесь, под Островерховкой, было неизвестно.

267 имен, судеб, 267 тайн хранила в себе эта братская могила, когда впервые пришли к ней островерховские ребята. Они взяли на себя заботу о памятнике и повели розыски. И вот уже тридцать имен есть, а поиск продолжается, поиск ширится.

К братской могиле пришли вместе с ребятами два старика, два старых солдата, за плечами у которых обе мировые войны. И такое они знают, эти старики, что замер и слушает, как один человек, весь пионерский отряд. Слушают ребята и понимают, что дело, за которое они взялись,— дело правильное, нужное, большое.

ПО СЛЕДАМ БЫЛЫХ СРАЖЕНИЙ

Год издания 42-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Этим летом по призыву ЦК комсомола туристские отряды и группы комсомольцев-следопытов ушли в БОЛЬШОЙ МНОГОДНЕВНЫЙ ПОХОД ПО МЕСТАМ БОЕВОЙ СЛАВЫ НАШЕГО НАРОДА.

Ушли на разведку по следам давних сражений, на поиски утраченных имен и неизвестных героев, за новыми фактами нашей славы и доблести.

Тысячи туристских отрядов идут в эти самые дни по дорогам и полям былой войны. Пробираясь тайными тропами, ищут места стоянок в партизанских лесах. Плывут по рекам к местам боевых переправ. Мчатся на велосипедах, держа курс к нашим славным городам-героям.

А ВЫ, ЮНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ, ГДЕ ТЕПЕРЬ ВАШ ОТРЯД? Где застала вас эта книжка нашего журнала? Тоже в походе? Или накануне, в часы сборов?.. Тогда торопитесь: время не ждет. Лето в самом разгаре, и весь простор земли открыт перед глазами.

А ЕСЛИ ВЫ УЖЕ ПОБЫВАЛИ В ПОХОДЕ, НАПИШИТЕ НАМ!

Нам интересно все, что вы смогли узнать о стойкости и храбрости, терпении и выносливости, о мужестве и героизме солдат великой войны, с которыми вам посчастливилось встретиться и поговорить.

Что известно вам о боях в ваших родных местах?..

Какие вы записали истории, чьи запомнили имена?..

Кого вы встретили, что разузнали о тех, кто сейчас стоит на страже рубежей нашей Родины?

САМЫЕ ИНТЕРЕСНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, ДОБЫТЫЕ В ВАШИХ ПУТЕШЕСТВИЯХ И ПОХОДАХ, БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ В ЖУРНАЛЕ.

ЦК комсомола призывает всех вас, где это потребуется, привести в порядок могилы солдат, поставить обелиски или мемориальные доски.

Составьте хорошую карту вашего похода, потому что лучшими, самыми интересными путями, что проложили сегодня туристы-разведчики, завтра пойдут по следам боевой славы наших отцов другие отряды.

ПУСТЬ МАТЕРИАЛЫ ВАШИХ ПОХОДОВ ПОЛОЖАТ НАЧАЛО ШКОЛЬНЫМ, ДРУЖИННЫМ МУЗЕЯМ БОЕВОЙ СЛАВЫ, ЧТОБЫ ВАШИ РАССКАЗЫ, ДНЕВНИКИ, НАХОДКИ УВИДЕЛИ И ДРУГИЕ.

ЮНЫЕ СЛЕДОПЫТЫ! «ПИОНЕР» ЖДЕТ ВАШИХ СООБЩЕНИЙ.

№ 7 ИЮЛЬ 1965 | ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

А. МОШКОВСКИЙ

Три рассказа

Рисунки Д. ПЯТКИНА.

Поездка в Красный бор

С нетерпением ждал я воскресенья: мы должны были поехать с Вовкой в густой сосновый лес — Красный бор. Там, говорят, водилось много белок и глубокие овраги были исчирканы следами куропаток. Еще говорили, что один мальчишка привез оттуда, из незабитого домика на территории летних военных лагерей, целую горсть гильз от малокалиберной винтовки...

Всю неделю мы с Вовкой только и говорили про этот бор. В субботу вечером мы хорошенько смазали лыжи, проверили крепления — толстые резиновые петли, привязанные к полукруглым ремням.

Спать я лег счастливый и немного встревоженный, как всегда перед дорогой.

Проснулся рано, еще раз оглядел кольца на палках и стал готовить бутерброд.

В дверь постучали, и я бросился открывать.

— Я не поеду, — заявил Вовка и добавил: — Здравствуй.

Я ничего не понимал.

— Почему? Мы ведь сговорились?

— Не смогу. Вчера приходила тетя Женя и позвала на день рождения Пети.

— А ты не ходи.

— Должен. Он мой двоюродный брат.

Я готов был ко всему, только не к этому. Ну что ему сказать?

— Тогда я пойду с Гавриком, — пригрозил я. — Он не подведет.

— А разве я нарочно? Петя — мой брат. Неловко.

— Твое дело. Мне все равно.

Я отвернулся от Вовки и стал завертывать в бумагу завтрак.

Вовка ушел. Я сунул в карман хлеб, оделся, вскинул на плечо лыжи и вышел. Когда Вовкины шаги стихли на лестнице, я зашагал вниз.

Гаврик любил лыжи и всегда составлял мне компанию. Стоило мне заикнуться, как он вытаскивал из кладовки свои самодельные, белые, с плохо загнутыми носами лыжи, и мы катались по Успенке и Двине...

Я спустился в подвал и постучал в дверь. Высунулся Гаврик. Лицо у него было заспанное, на щеках — следы пуговиц от подушки.

— Собирайся, — сказал я, — едем в Красный бор...

— Тссс! — Гаврик приложил к губам палец. — Брат спит, вчера поздно заявился...

— Боишься, поколотит?.. Вытряхивайся!

— Попозже бы, — вздохнул Гаврик, — тротуар надо убрать. Папка с мамой с вечера уехали в деревню на праздник, а мне наказали убрать. Столько снегу вчера навалило! Опять Карпилиха будет жаловаться на папку. Вот уберу и поедем.

— Смеешься? — сказал я. — Поздно будет: теперь ведь рано темнеет... А скоро управишься?

— Часа три прокопаюсь, тротуар-то большой.

— А если потом уберешь?

— Нельзя. Скажут, все воскресенье тротуар был нечищеный, да и снег притопчут за день. Ночью придется работать.

— Верно. — Я вспомнил, что после больших снегопадов всю ночь слышу иногда, как скрежещет за окном дворницкий скребок.

— А если я помогу? Быстро счистим — и в Красный бор.

— Ну давай.

Гаврик вынес в коридор источенные молью валенки, влез в них. Сунул руки в пальтецо. Принес из кладовки лом, лопаты и скребки. Вручил мне лом. Лом был тяжеленный, и я с трудом положил его на плечо.

— Лыжи оставь тут.

Мы вышли на улицу.

— Начнем с того конца, — сказал Гаврик.

Мне было все равно. Я прислонил лом к стене дома, взял обитую жестью деревянную лопату, всадил в снег и сильным рывком двинул на ручку. Снег поддался. Я отбросил полную лопату и снова нажал на ручку.

— Веди лопату до конца, — сказал Гаврик, — быстрее будет.

Я послушался и двигал лопату до края тротуара, сталкивая на мостовую целый сугроб. Работа мне нравилась. Приятно было ощущать, как хрустит под твоим напором снег, поддается, отступает, и сзади остается полоса асфальта.

Там, где пешеходы успели прибить снег, притоптать его к тротуару, лопата вхолостую скользила по наледи.

Тогда мы пускали в дело железный скребок. Со скрежетом вгрызался он в лед, строгал его, скоблил, превращая в белую муку.

Вдоль тротуара рос снежный вал. Днем приедет грузовик и увезет снег за город.

Стало жарко, майка прилипла к спине. Теперь я работал помедленней. С добрый час счищали мы снег, а дело продвигалось медленно: дом наш был огромный, и тротуар возле него длинный и широкий.

Скоро я сбросил пальто и повесил его на дверь.

Я уже немного жалел, что ввязался в это дело. Не мог Гаврик пойти со мной — не надо. Один бы поехал на худой конец в Красный бор. Дорога туда легкая: гони пятнадцать километров вверх по Двине — и гото-

во: как увидишь по правую руку бор на высоком берегу — это он и есть.

Сразу уйти было неудобно, и я решил поработать еще с полчасика. Скажу Гаврику прямо: «Знаешь, друг любезный, здесь мы и до вечера не управимся, пойду-ка я побегаю немного: больно наскучило махать руками». «Иди, — ответит Гаврик, — я кончу и прибегу к тебе».

Но когда же он успеет кончить один? До вечера пропыхтит. А разве я виноват? Очень нужно мне все воскресенье потеть на уборке! Его родители веселятся себе в деревне, а я тут отдувайся за них...

К чертям! Еще минут десять поскребу и уйду.

Из подъезда — руки в карманы — вышел Левка, зевнул и съязвил:

— В дворники решил наняться?

Я промолчал.

— Какой оклад положили?

Я не замечал его.

— С тебя уже пар идет. Как с лошади. Но это не страшно: трудись, трудись — спасибо скажут.

Я повернулся к Левке спиной и стал работать с еще большим остервенением. Левка ходил по очищенной части тротуара, гонял ледышку и без перерыва язвил. Я знал, что никуда не уйду теперь отсюда, что буду толкать лопату и скрести, пока не будет чист весь тротуар. Я боялся одного: встречи с Вовкой. Изругал его, уверил, что пойду в Красный бор с Гавриком, а сам с лопатой торчу на тротуаре.

И еще я не хотел, чтоб меня увидели мать и отец. Они, конечно, ни слова не скажут и, наверное, даже порадуются в душе, но и удивятся: почему я не в Красном бору, которым успел им все уши прожужжать...

Но уйти я не мог.

Я делал вид, что работаю без малейшего напряжения, что это одно удовольствие — держать в руках лом. А сам думал: «Заставить бы его часок поскрести! Да еще когда мимо тебя идут с лыжами мальчишки и девчонки и даже пожилые люди. Возись тут, как каторжный, и мечтай о своем Красном боре...»

Скоро Левка исчез в подъезде, но и теперь уйти было нельзя: три часа не уходил, убрал снег с половины тротуара, а потом вдруг взял и ушел.

— Не хочешь есть? — спросил Гаврик, и я ощутил, как рот заполнился слюной.

— Не прочь бы, а ты?

— И я.

Взяв пальто, сложив у стены инструмент, мы спустились к Гаврику. Он подогрел на примусе картошку с ломтиками сала, и мы набросились на нее. Умяли и мой бутерброд, налегли на чай. И снова вышли.

Работы оставалось немного — часа на полтора. Беспощадно боролись мы со снегом, атаковывали его, теснили, рубили и вышвыривали за границу нашего тротуара.

— Готово, — сказал наконец Гаврик, вытирая лоб, — быстро управились...

«Хорошенькое «быстро»!» — подумал я, неся в подвал инструмент.

Тело ныло и разламывалось. Горели ладони, поламывало спину и поясницу. Глаза болели и слезились от белизны и ветра. Еще было не поздно, часа четыре, и можно было побегать неподалеку от дома.

— Теперь покатаемся? — сказал Гаврик, вытаскивая лыжи из кладовой.

— Да нет, не хочется что-то... — Я потянулся и зевнул. — В другой раз.

Я взял лыжи и пошел по коридору.

— То так хотел, а то нет, — сказал вслед мне Гаврик. — Сходили бы...

— Завтра после школы, — ответил я.

— Можно и завтра, — сонно сказал Гаврик и зевнул, как зевают люди, намотавшиеся и выбившиеся из сил.

Я пошел с лыжами домой. Шел медленно и тяжело, ни о чем не думая, и останавливался на каждом этаже передохнуть.

Вызов на дуэль

В четвертом классе мы обзавелись личным оружием — рогатками из тонкой резинки. Резинка надевалась на пальцы и стреляла бумажными пулями, скрученными из газет или тетрадочных обложек.

Это оружие можно было мгновенно спрятать в рукав куртки, в ботинок и даже в рот — попробуй, найди!

В умелых руках это было грозное оружие, и бумажные пули разили точно и «насмерть». Самым метким стрелком в классе был Женька Пшонный. Он при мне на спор стрелял по мухам, выбил из трех возможных два очка: пули расплющили на классной стене одну за другой двух мух, и Женька выиграл два метра резинки.

Я в этом деле и в подметки ему не годился: из пяти возможных выбивал только одно очко. А другие и того меньше. Меткость Женьки была общепризнанна, и мы даже называли его «Снайпером».

— Эй, Снайпер, дай списать русский!

Или:

— Что сегодня идет в «Спартаке», Снайпер?

Это прозвище он любил больше своего имени и охотно откликался. Он один владел секретом производства особых пуль: так плотно крутил их и перегибал, что они не раскручивались в полете, были тугими и «убойными»: попадет на уроке в шею — взвоешь, какой бы выдержкой ни обладал.

Он же, Пшонный, возродил в нашем классе забытую традицию дуэлей. За какую-нибудь обиду или проступок любой мальчишка мог вызвать другого на дуэль. Женька даже дуэльный кодекс разработал: секунданты отмеряли шаги и мелом чертили на полу линии. С этих линий стреляли. На глаза дуэлянтам надевались специальные очки-консервы, их обычно употребляют мотоциклисты. Двое таких очков где-то раздобыл Женька и выдавал тем, кто не желал мириться перед поединком. Даже при Пушкине и Лермонтове не были, наверное, дуэли такими беспощадно-кровавыми, как в нашем четвертом «Б»!

Обычно на арифметике (ох, и скучно шел урок!) мы заготовляли пули, крутили их на коленях.

Хуже всех в классе стрелял Петя Мурашев, маленький, тощенький, с сыпью розовых прыщиков на лбу и серьезными глазами. Ему-то и десятка пуль не хватало, чтоб укокошить на стене одну-единственную муху!

Да и в общеклассных стрелковых соревнованиях он выходил на последнее место. Пули он крутил самые бездарные: они разворачивались, были мягкими, кривыми и летели куда попало, только не в цель.

Все это было понятно: когда ж ему тренироваться в стрельбе, если все свободное время он был занят Веркой, препротивнейшей девчонкой из нашего класса. Она корчила из себя большую умницу и, наверное, воображала, что она первая красавица в классе. Ходила Верка в черном платье с белым воротничком, была аккуратно причесана и до отвращения старательно слушала всех без разбору учителей, даже учителя пения.

Ну, понимаю, историю или географию нельзя не слушать, но чтоб всерьез относиться к пению или скучнейшей арифметике, к запутаннейшим задачкам про пешеходов, от которых голову ломит... А ей все было интересно!

Так вот, этот худенький Петя все время вертелся вокруг Верки: носил ей читать книги из отцовской библиотеки, делился завтраком, если она забывала. Помогал даже запихивать в портфель учебники. И терпеливо, как часовой на посту, поджидал ее после уроков у двери, если она куда-то отлучалась и не выбегала из школы со всеми...

Я страдал, глядя на его унижения. Я хотел открыть ему глаза на все.

Однажды на уроке рисования я бросил на его парту записку: «Петька, твоя Веруха полурока смотрится в зеркало. Как ты можешь терпеть это! Очнись, несчастный! Опомнись, жалкий раб! Встань наконец с колен и стань свободным человеком!»

Я пристально наблюдал за ним: вот его пальцы развернули мою бумажку в клеточку, вот он прочитал ее и порвал на мельчайшие клочки. У него даже уши не порозовели, и я очень разозлился. Я не ждал от него ответного послания, потому что он, как и эта Верка — заразился от нее, что ли! — был примерным мальчиком и едва ли мог рискнуть написать и тем более бросить во время урока записку на мою парту.

Даже на переменке не подошел ко мне Петя.

Но больше всего меня бесило то, что моя записка совсем не задела его. Значит, он счи-

тает, что это в порядке вещей? Скоро будет шнурки завязывать на Веркиных ботинках или на руках носить ее в школу!

Я не вытерпел и подошел к нему со свирепым лицом.

— Чего не ответил? Отобрал бы у нее зеркало, и дело с концом.

— Зачем? — И спросил он это таким тоном, что мне захотелось двинуть в его трусливую, рабскую физиономию. — Тебе тоже не мешает хоть раз в неделю подходить к зеркалу. Зарос, как дикобраз. Она девочка и аккуратная, ей нужно...

После этих слов я окончательно возненавидел Верку. Я не мог видеть ее тонких, прилежно поджатых губок и раскосо карих глаз, не мог слушать ее точные, спокойные ответы, ее смех на переменках...

Особенно меня поражала ее аккуратность. Даже в осеннюю грязь приходила она в чистых ботинках, на ее пальцах и лице никогда не было чернильных клякс, тетради ее ставились в пример другим, ее косички с бантиками всегда были тщательно уложены, ни прядка, ни один даже волосок не выбивались на ее лоб, чистый и умный. Ее внимательность на уроках была выше моего понимания.

Нет, нужны были срочные меры!

Долго не думая, я выдрал из тетради лист, сунул мизинец в непроливайку и вывел огромными фиолетовыми буквами: «Я дурочка». На переменке сбегал в канцелярию, мазнул обратную сторону листа клеем и незаметно приклеил лист на спину Верке.

Успех был полный. Ни о чем не подозревая, ходила она по школьным коридорам, и вслед катился смех. Верка ничего не понимала, краснела, металась из угла в угол, как затравленный волчонок, пока лист не отвалился от ее спины: клей в канцелярии оказался неважным.

На следующий день Верка носила по коридорам огромное объявление «Срочно ищу мужа!» — и хохот всей школы громыхал за ней по пятам. Верка укрылась в классе, где Петя и сорвал с ее спины мой лист.

Верка глянула на лист, и глаза ее наполнились слезами. Она села за свою парту, отвернулась к стенке, и мне было видно, как вздрагивает ее спина.

Я торжествовал: получила по заслугам!

Но кто-то выдал меня. В классе нашелся предатель. Меня отчитал классный руководитель и пообещал рассказать обо всем отцу. Но это было еще не все. На большой переменке ко мне подошел Петя, этот раб и слюнтяй, подошел, маленький, бледный, с серьезными глазами, и, заикаясь, сказал:

— Вввы-вызываю тебя на дуэль!

Я даже опешил: он и дуэль — это просто не вязалось. Ни с кем еще он не дрался и драться не собирался.

— Проваливай! — сказал я. — Что с тобой связываться? Сначала стрелять научись.

И здесь случилось непостижимое. Все ребята, как сговорившись, заорали:

— Нет, ты не должен отказываться! Это против закона!

Я даже отступил к стене. Я ничего не понимал. Ну что я сделал им плохого? Только

проучил эту самую Верку, и здорово проучил. То все были за меня и смеялись, а то вдруг переметнулись на сторону Петьки... И среди них был даже Женька Пшонный... Вот она какая, оказывается, жизнь!

«Ну что ж, драться — так драться», — твердо решил я и поклялся посильнее влепить в Петькин лоб пулю. Пусть знает, как иметь со мной дело. И всем им отомщу!

Тут же были выбраны секунданты, отмерены десять огромных шагов в проходе между партами. Всеми приготовлениями распоряжался сам Пшонный. Он провел мелом на полу две черты и приказал закрыть на стул дверь, чтоб не вошел дежурный по этажу учитель.

— Уважаемые дуэлянты, — обратился к нам, как требовали правила, Женька, — в последний раз предлагаю вам помириться и подать друг другу руки. Ты виноват перед Верой, извинись, и все будет...

— Нет! — закричал Петя. — Никаких извинений, будем стреляться!

— А я и не собираюсь извиняться! — отрезал я. — Принимаю вызов.

Я был уверен, что Петя доживает свои последние минуты на этой земле, и твердо, сквозь зубы произнес:

— Прощайся с жизнью, презренный!

Нам были выданы очки-консервы и по одной пуле Женькиного производства: они должны быть одинаковыми. Потом Пшонный оглядел наши «пистолеты» — надетые на пальцы резинки — и важно сказал:

— Противники, на линию огня!

Мы стали возле начертанных мелом линий, и Пшонный проверил, чтобы никто из нас не переступил их.

— Начинайте! — деловито сказал Пшонный.

Мы стали целиться.

Большие квадратные очки, туго сжатые на затылке ремешками, больно врезались в лоб и щеки. Все, кто был в классе, выстроились у стен. Я хладнокровно целился в розоватый Петькин лоб. И здесь кто-то задергал дверью. Стул, одной ножкой продетый в дверную ручку, запрыгал.

Я, сжав губы, оттянул, насколько мог, назад резинку — удар должен быть убийственным! — и готов был уже разжать пальцы с пулей, как вдруг — нет, в это нельзя было поверить! — в мою грудь ударила пуля.

— Падай! — заорали ребята. — Падай, ты убит!

Я продолжал целиться, но кто-то схватил мой «пистолет», меня приподняли и силой уложили на пол — таков был ритуал.

Потом я встал, сорвал с лица очки-консервы, сдернул с пальцев резинку и ушел в коридор. Я не мог никого видеть. Они предали меня и были рады моей гибели. И как это он попал? Но что я мог поделать? По принятому нами же закону отныне я на неделю лишался права участвовать в дуэлях и должен был подчиниться этому.

Я был убит на дуэли и, как понял это попозже, в седьмом классе, был убит по заслугам.

Боря, который улыбался

В апреле я послал в Москву деньги с просьбой выслать мне марки. Ответа долго не было, а так хотелось получить его поскорее! У меня было несколько одинаковых марок, и на них я старался выменять что-нибудь в коллекцию. При обмене мы отчаянно спорили, переменок не хватало, и обмен продолжался на уроках.

Помню, на арифметике кто-то решал у доски задачку про резервуары с водой, а я громко шептал Леньке, сидевшему впереди меня:

— Что дашь за Гаити? Смотри: какая пальма и пушки!

— А что хочешь?

— Ну хотя бы Кубу. Ту, красненькую, тоже с пальмами.

— Не пойдет, — шептал в ответ Ленька. — Дай что-нибудь в придачу.

— Что? — спрашивал я.

— Ну, так и быть, Алжир.

— Это какую? Синюю, с пустыней и маленьким верблюдом?

— Ага.

— Захотел! Ушлый какой! За одну — две да еще с верблюдом! Две «гермашки» могу дать, даже три. А верблюда не отдам.

— Ну тогда дай Камерун. Или острова Самоа, — шептал Ленька.

— С кораблями?

— Ну да.

— Хитрый какой! Это ж германские колонии! Их отобрали у немцев в ту войну, и теперь это редкие марки. Она одна лучше твоей...

— Пушкарев, — вдруг раздался голос учительницы, — выйди к доске и помоги Наде.

Застигнутый врасплох, красный и встрепанный, еще полный марочного азарта, шел Ленька к доске и, конечно, хлопал ушами.

Итак, деньги я послал в Москву еще в апреле, а уже начинался июнь, но марок все не было.

Сколько раз в день высовывался я из двери, оглядывая почтовый ящик! Мама сказала, что филателистическая контора должна прислать марки заказным письмом и нечего смотреть на ящик, но я не мог утерпеть.

И вот марки принесли. Короткий стук в дверь — на пороге почтальон. Он вручил маме фирменный пакет. Мама расписалась в тетради, и я бросился вскрывать пакет.

Я разрезал краешек ножницами, вытащил письмецо с «перечислением вложения» и несколько прозрачных пакетиков с марками. Я вскрывал их, и на стол, сверкая краской и глянцем клея, падали марки серии «Спасение челюскинцев». С марок смотрел бородатый Шмидт, начальник экспедиции и командир лагеря на льдине; молоденький, с военными кубиками в петлицах летчик Каманин; усатый Воронин — капитан «Челюскина», и сам корабль, затертый льдами...

Потом я разложил на столе антивоенную серию. Это была страшная серия. Марки были мрачных тонов: черная, синяя, коричневая... Из черных туч на небоскребы ночного города летят бомбы; мать с ребенком на руках бежит по дороге из горящего города; на фоне уходящих на фронт войск бредут два инвалида: один ковыляет, опираясь на костыль, второй, безногий, катится на доске с шарикоподшипниками...

Я разложил на столе треуголки «Спартакиады», серию памяти двадцати шести бакинских комиссаров, архитектурную...

Меня распирало от радости, и я не мог больше оставаться дома. Никого из хороших знакомых «марочников» во дворе не оказалось — ни Леньки, ни Вовки, ни Ледика. Я заметил у подъезда одного только Борю, семиклассника.

У него, говорят, была отличная коллекция, но никто не видел ее: Боря не показывал. Он был старше нас, редко играл в футбол и городки, все больше сидел где-нибудь на лавочке или бревне и листал филателистические журналы. Нам даже посмотреть не давал, отгонял. Как-то я попросил его показать свои марки. Он прищурился и хмыкнул: «Разрыв печенки будет...» И не показал. Ну и леший с ним: не хочет, и не надо.

Я б никогда не позвал его к себе, если б не такой случай. Никого другого поблизости не оказалось!

— Боря, — сказал я, задыхаясь, — хочешь посмотреть, какие у меня марки?

Он лениво повернулся ко мне, почесал пальцем длинный нос.

— Откуда у тебя могут быть ценные марки?

Я обиделся, но вида не показал.

— Идем... По почте прислали... Только что... Из Москвы.

— А-а-а-а... — протянул Боря, скрутил в трубку журнал и быстро пошел за мной. Он был молчалив и озабочен.

Я подвел его к столу, уложенному яркими, сверкающими, слегка выгнувшимися марками.

Боря спокойным взглядом окинул стол и сказал:

— Ничего.

Потом попросил показать мои тетрадки с марками, лениво полистал их и спросил:

— А Бермудские острова у тебя есть?

— Нет.

— А остров Святого Христофора?

— Нет.

— А острова Фиджи и Тринидад?

— Нет, — снова сказал я, слушая таинственные и певуче-звонкие имена островов.

— Ну ясно, — ответил Боря и улыбнулся. — Откуда же они у тебя могут быть! Это редкости. Сам с трудом раздобыл их.

И снова улыбнулся. Я ни разу не видел на его лице улыбку. Это была первая, и это была улыбка своего парня, соседа и единомышленника. Я вдруг понял, что совсем не знал его. Он не такой, каким кажется со стороны. Внешний вид часто обманчив.

— А эти у тебя есть? — Я показал на присланные по почте серии.

— Конечно. У кого ж их нет? Марки недавно вышли, и наши. Это тебе не заграница. Ты ведь представляешь, сколько надо времени и труда, чтобы попала к нам марочка какого-либо Тринидада?

— Верно, — сказал я и вздохнул.

— Мог бы кое-что уступить... Что за коллекция без таких марок?!

— Продашь? — оживился я, уже разду-

мывая, как лучше предпринять новую атаку на маму, на ее кошелек.

— Зачем за деньги? — сказал Боря. — Обменяться можно.

— Но ведь у меня ничего для тебя нет! — горестно воскликнул я. — У тебя ведь такая коллекция!

— Ну что ж... На худой конец кое-что из этого мог бы выбрать. — Боря рукой покрутил над столом и добавил: — Ты, между прочим, убери их: выгорят на солнце и еще больше согнутся.

— Так ведь ты сказал, что они у тебя все есть!

— Правильно. Но некоторые в худшем состоянии, мог бы заменить... Хочешь посмотреть мою коллекцию?

И это он спрашивал у меня?!. Что мог я ему ответить?!.

Через несколько минут я сидел у него дома на диване, листал страницы альбомов, и меня бросало то в жар, то в холод. Я сидел с убитым видом, потому что понимал: никогда не соберу таких марок.

— Ну как? — спросил он.

— Да... — сказал я. — Вот это да!..

И больше ничего не мог сказать.

— Не огорчайся, — стал утешать меня Боря, — не все сразу. У тебя будет коллекция не хуже. Вот увидишь. Ты парень толковый, не жмот и азартный, а это главное для коллекционера — быть не жмотом и идти на риск.

Никогда еще не хвалил он меня, и слушать его мне было приятно. Я знал, что мальчишки считают его скрягой и хитрецом. Но почему? Они ведь не имеют с ним никаких марочных дел, потому что все их коллекции по сравнению с его — мусор. Наверно, они считают его таким по слухам, по догадкам или из зависти... Как глубоко ошибаются они! Что они знают о настоящем Боре? Да ничего!

Я смотрел на него. Он улыбался мне не только губами. Глаза его лучились вниманием и расположенностью ко мне. Улыбка до странного преобразила его лицо: худые щеки чуть округлились, лоб, всегда нахмуренный и озабоченный, разгладился, тусклые глаза оживились. Даже уши его, маленькие и плотно прижатые к голове, казалось мне, приветливо улыбаются.

Два дня не решался я обменивать новые марки: уж очень нравились они мне.

Два дня я крепился и держался: так не хотелось расставаться с бородатым Шмидтом, с синей, прыгающей в воду ныряльщицей, с черной гостиницей «Москва»...

Утром следующего дня, идя в школу, я вдруг встретил у своего подъезда Борю.

— Приветик! — Он опять весь залучился. — А ты, оказывается, и прекрасный авиаконструктор?

— Откуда ты взял?

— А кто вчера пускал самолеты из окна? Далеко летели! Один даже весь двор пересек...

— А, — сказал я, — ты про это... Мои не очень. Вот Ленька делает самолеты, видел бы...

— Лучше твоих?

— В сто раз!

— Не может быть... Ну, пошли в школу... Да, забыл тебе сказать: вчера я достал такие Гавайские острова и Борнео, закачаешься!

— Ну! — вскрикнул я. — Где ж ты их достал?

— Да так, в одном месте... Могу показать. — И он ослепил меня удивительнейшими, редчайшими марками. Как долго добирались они сюда, к нашему городу на Западной Двине! — И у тебя когда-нибудь будут такие, ты не жмот, ты широкая душа и настоящий коллекционер.

Вечером этого же дня я отнес ему все, что мне прислали из Москвы. Он быстро перебрал марки пинцетом, отложил несколько в сторонку, остальное вернул мне. А на большой перемене следующего дня Вовка отвел меня в угол.

— Что это Борька несет там про тебя?

— Несет? — спросил я. — Что он может нести? Мы с ним менялись, он дал мне первоклассные марочки, и вообще, по-моему, он очень неплохой...

— Не знаю, какой он, — сказал Вовка, — но он говорит, что здорово вчера облапошил тебя: взял из твоих полных серий самые хорошие марки, а отдал за них экзотическую ерунду да еще с браком, что ты здорово клюешь на яркий цвет...

— Хватит, — сказал я, — врешь ты все!

— Спроси у Галки, она тоже слыхала.

Вовка не врал, и у меня заныло, закололо внутри.

Это было давно, четверть века назад. Может, я не очень прав, но до сих пор не очень верю улыбкам, которые не сходят с лица, и губам, говорящим в глаза только приятные слова.

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО МОЛОДОСТИ

Открыв этот номер «Пионера», ребята обрадуются: есть про Кассиля! Читать его книжки — одно удовольствие: так пишет, точно сам знаком со всеми мальчишками и девчонками. Словно их мечты и беды — это его личные радости и переживания. Все ему интересно, важно. Обо всем он умеет рассказать, весело шутит. Одним словом, свой человек.

И нет ничего зазорного в том, что ребята не подсчитывают с почтением по пальцам, на сколько же писатель старше их самих. Хороший писатель всегда остается их сверстником. Он никогда не приучается смотреть на мир, как на что-то обыкновенное, немного надоевшее. Он замечает каждую мелочь, которую обычно взрослые не видят. А для него она полна значения и может быть поразительно интересной. И потому его мир остается так же полон открытий, света, запахов, красок, как бывает у всех в детстве и юности. Вот почему книжки детского писателя Льва Кассиля читаются всегда взахлеб. И когда дети становятся взрослыми, они все равно помнят и «Кондуит», и «Швамбранию», и «Великое противостояние», и «Дорогие мои мальчишки», и «Ранний восход». Так же будут вспоминаться и «Ход белой королевы», и «Чаша гладиатора», и особенно «Про жизнь, совсем хорошую».

Эти книжки не забываются, потому что за чтением каждой из них были пережиты какие-то хорошие минуты. Каждая научила чему-то нужному и доброму.

У Кассиля есть одна хорошая черта, такая нужная детскому писателю. Что бы он ни подметил в жизни, все, что заинтересовало, удивило его самого, он хочет рассказать детям. Помню, вскоре после войны мы с Львом Абрамовичем участвовали в походе группы советских морских судов вокруг Европы. Были мы в Польше, Германии, Англии, Франции, прошли Гибралтар, были у острова Мальта, в Турции. Кроме очерков «Европа слева», которые мы написали вместе, Кассиль сочинил книжку для малышей «Далеко в море». Это был интересный рассказ о нашей поездке. Особенно понравилась эта книга читателям еще и потому, что Кассиль, хорошо зная морскую жизнь, говорит о ней точно, интересно, понятно даже для малышей.

Точность, писательская зоркость — эти черты отличают прозу Кассиля. Его книгой «Ранний восход» зачитываются не только потому, что в ней рассказано о замечательном, талантливом и очень много обещавшем художнике, который погиб рано, в пятнадцать лет. Книга эта интересна главным образом тем, что в ней ярко, с волнением говорится о пробуждении в душе человека чувства прекрасного. Все в этой книге какое-то ясное, солнечное. И видение жизни, и людей, и природы совершенно необычно. Тут даже не хочется говорить привычными словами: писатель тонко понимает и чувствует природу. Нет, просто видишь все в этой книге глазами юного художника: и раннее, серебристое от росы и тумана северное утро и нарядные городские улицы и бульвары. И не только видишь эту привычную городскую суету, но, кажется, даже слышишь их ритм, какое-то мажорное звучание. И вскоре начинаешь понимать: здесь все — каждая встреча, разговор, каждое впечатление — это чудо, которое поджидает человека на каждом шагу, если у этого человека зоркий взгляд и доброе сердце.

Лев Абрамович Кассиль.

Я не буду подробно разбирать здесь все написанное Кассилем, не буду говорить о том, какое большое воспитательное значение имеют его книги, как учат они быть храбрыми, правдивыми, любить Родину. Это и так известно. По-моему, многие детские писатели могут позавидовать Кассилю хотя бы и потому, что на библиотечных полках просто не найти его книжек новыми, непотрепанными. Они всегда читанные и перечитанные, потому что ребята их любят. И так было всегда, с тех самых пор, как появилась книжка Кассиля «Кондуит», а молодой автор пришел работать в редакцию «Пионера». С тех пор и до сего дня Лев Кассиль остается одним из самых дорогих для советских ребят писателем.

Тридцать лет дружу я со Львом Кассилем. Три десятилетия бок о бок работаем мы в литературе для детей. И в день рождения друга, которому исполняется 60 лет, мне хочется пожелать ему еще много хороших книжек для мальчишек и девчонок.

Сергей **МИХАЛКОВ**

О счастье мы всегда лишь вспоминаем.
А счастье всюду. Может быть, оно —
Вот этот сад осенний за сараем
И чистый воздух, льющийся в окно.

И. БУНИН

Летний день

Эдуард ШИМ

Рисунки Д. ПЯТКИНА.

Соседский мальчишка, Веня Забелкин, вчера принес домой два крепеньких, чистых белых гриба. Значит, пошла первая грибная волна; бывает она в конце июня, когда колосится рожь; эти грибы так и называют — «колосовики».

И на другой день все наши мальчишки и девчонки вдруг собрались по грибы. Даже те ребятишки, что и осенью-то в лес не ходят, вдруг подхватились, повытаскивали из сараев корзинки, а кое-кто и совсем без корзинок побежал, налегке... Как я понимаю, дело тут не в добыче, не в человеческой жадности, просто июньские грибы, хоть и бывают каждый год, все равно остаются чудом, нечаянной радостью, и вот навстречу этому чуду и покатились ребятишки,— ведь не одному же Вене Забелкину счастье...

И я, взрослый человек, тоже загорелся вдруг мальчишеским нетерпением, и в этот жаркий день, когда лучше всего полеживать бы дома, на терраске, на прохладном, вымытом полу, я взял корзинку и пошел за своим нечаянным счастьем.

Богатых грибных мест нету возле нашей деревни; осенью грибники едут на электричке, на автобусах куда-нибудь подальше, в сторону Загорска, забираются в самую глушь. Но то ведь настоящие грибники, добытчики. А мы с ребятишками идем за околицу, в бедные наши перелески, разрезанные дорогами и тропками, высоковольтными линиями, канавами, все повытоптанные, со следами кострищ, с ломкими, пожелтевшими обрывками газет под кустами... Ну, да ничего. Наше счастье и тут может встретиться. Грибы-колосовики чаще всего и высыпают где-нибудь на опушке, на краю поля, в редком, ободранном придорожном кустарнике, а иной веселый гриб выскочит прямо в дорожной колее, не боясь, что расплющат его колесом.

Едва выбежали ребятишки за деревню, как разошлись, рассыпались по сторонам дороги. Ищут и на склонах канавы, и на

краю ржаного поля, и под старыми одинокими березами, где особенно плотна сухая земля, где уже соломенно хрустит, ломается под ногой трава, и хрустит пепельный мох, растущий круглыми подушечками. А я смотрю на поле и вдруг чувствую, что оно особенное сегодня, что-то с ним должно произойти, оно меняется... Из дальних далей памяти возникает у меня это предчувствие, и я подхожу ближе, присматриваюсь. Рожь только-только начинает колоситься. На каждом стебле, из матово-зеленой лопнувшей трубки проглянул колосок, тоже зеленый, плотный, еще похожий на гусеницу. А на спинке гусеницы — нежная фиолетовая щетинка, тонкие усики. Набегает ветер, кладет набок всю рожь, задираются кверху все бесчисленные усики, и тогда прозрачная сиреневая волна медленно проходит над зеленым полем — необыкновенная волна, невесомая и тающая, как дым. И я мгновенно вспоминаю, что уже видел это — давным-давно, мальчишкой, когда жил в деревне,— летучие, нежно-сиреневые волны над зелеными полями; это было так удивительно, так прекрасно, что я не понимаю, как же смог это забыть. Впрочем, нет, я же не забыл, воспоминание жило во мне, оно бы явилось когда-нибудь, только гораздо поздней. Если бы сегодня я не прошел полем...

Мальчишки, собравшись кучкой, дергают ржаные стебли,— со скрипом вытягивается из трубки бледно-зеленое колено, у него мягкий, с солодовым привкусом кончик,— и мальчишки, причмокивая, жуют быстро, как зайцы, и поглядывают друг на дружку.

А девчонки наши успели уже далеко уйти. Молчком, тишком прочесали они край поля, и теперь их цветные платьишки мелькают вдали, на опушке березняка.

— На мое вчерашнее место бегут,— говорит Веня Забелкин.— Айда, пока все не обобрали!

Главный среди мальчишек — Шурка Легошин, молчаливый, сухощаво-костистый, от загара весь в шоколадных и лиловых пятнах, сосредоточенно чешет одной ногой другую.

— Ну, да, еще чего...— говорит он снисходительно и, не торопясь, двигается к лесу в середине мальчишеской ватаги.

Плещет, струится под ветром плакучая березовая листва; плещутся, зыбко скользят солнечные пятна по высокой с проплешинами траве, по кустам шиповника и ольхи, по березовым стволам, таким сияюще белым, будто их меловой побелкой обрызгали. И впрямь — меловая пыльца остается на ладони, когда дотронешься до коры; как мелованная бумага, поскрипывают в пальцах тонкие, глянцевые, закрутившиеся в трубочку слои бересты...

Девчонки сидят на пригорочке и, нагнувшись, что-то быстро, торопливо собирают. Неужели грибы? Да нет... Это они землянику берут, земляника уже поспела на песчаном бугре, на солнцепеке, возле источенных муравьями пней! И я тоже сажусь на горячий пенек, выглядываю, где закраснеется, поблазнит из-под листа спелая ягода. Если приглядеться, то ягод уже порядочно, и есть совсем переспевшие, отдающие в черноту, сорвешь одну такую ягоду, и руки долго будут пахнуть земляникой.

Я приглядываюсь и замечаю еще кое-что. Вон там, в сырой низинке, в сумраке, цветет медуница, весенний цветок, и еще держатся, еще не опали с мохнатого стебля ее розовые, лиловые и синие колокольчики; вот тут, на пригорке, в разгаре красное лето со спелой земляникой, с ромашками, с растрепанными головками клевера; а там, на самом припеке, уже обозначилась осень — там уже трава обсеменилась, пожухла, и лысые одуванчики пускают по ветру последний пух. И весна, и лето, и осень встретились тут, в лесу, в этот июньский полдень... И я думаю, как смешно мы стараемся делить времена года по календарю, по клеточкам дней, и ругаемся на свой календарь, что он слишком часто обманывает, а он не виноват. Времена года неделимы, как неделим человеческий возраст и человеческие чувства; рядом с весельем — грусть, рядом с твоей старостью — твоя молодость...

Я собрал полную горсть земляники, хотел было опрокинуть в рот, да вдруг вспомнил, как мы ели эту землянику четверть века назад, в детском доме. Было тогда голодно, в те военные годы, и для нас, малолетних, чувство голода сделалось постоянным, привычным. Но мы все-таки с ним боролись, мы обманывали его, мы придумывали себе удивительные кушанья. Мы выскребали мякиш из темной, вязкой хлебной горбушки, наполняли ее вареной картошкой из супа, и это был «пирог», мы ели весной крапиву, жарили пёстышки на костре, а летом, когда поспевала земляника, мы горсть ягод заворачивали в листья

малины, в шершавые зеленые листья, и так ели, и это называлось «пирожное».

И сейчас я оглянулся, нашел куст малины, сорвал несколько молодых листьев. Ссыпал в них землянику, завернул и съел вместе с листьями. Нет, это было не так уж невкусно; вполне приличное получилось «пирожное», я даже пожалел, что только на одну штуку хватило ягод. Я подумал, не показать ли этот способ ребятишкам, но, поразмысливши, все-таки отказался — нет, не стоит... И, усмехнувшись, пошел догонять их, прислушиваясь к их голосам, доносившимся из-за кустов. По березняку, потом сквозь непролазные заросли черемухи, потом через просеку с мачтами высоковольтной линии — все дальше и дальше уходили мы от деревни, а грибов не попадалось. И уже приустали самые младшие ребятишки, и девчонки перестали аукаться, шли стайкой, и Веня Забелкин, весь потный, обтирая с толстых своих щек прилипшую паутину, все поглядывал на главаря Шурку — не пора ли обратно? Но как пойдешь обратно, если каждый пригорочек, каждая поляна все-таки манит, обещает, и все кажется — вон под теми елочками уж непременно дожидается тебя крепыш в круглой шляпе желудевого цвета, надетой набекрень?

И мы еще по двум перелескам прошли, обогнули клеверное поле и вступили в сосновый бор. И тут, едва мы вошли, прохладная тишина и сумрак обняли нас; сырой и темной была земля с редкими фонтанчиками папоротников, и черны были полусгнившие пни и коряги-выворотни, черно, мокро отблескивали понизу голые сосновые стволы. И только впереди, в проемах синей тяжелой хвои, редко сияли косые столбы солнечного света — вроде бы чуть пыльные и радужно переливающиеся, как в грозовой туче. И тут все мы примолкли окончательно, словно нельзя было говорить, невозможно и страшно разбить словом эту величественную тишину, этот великолепный покой... И когда я останавливался, затаив дыхание, было слышно, как вверху с легким щелчком отваливалась чешуйка сосновой коры; я поднимал голову — крутясь, янтарно-розовый лепесток падал вниз, вспыхивал в солнечном луче, живой и танцующий, как бабочка...

А потом ребятишки мои, шедшие впереди, вдруг закричали разом и побежали, побежали, по-козлиному сигая через пни и валежник, — они что-то увидели там, впереди; я тоже заспешил, заторопился... Забелело, высветилось за темными стволами — сосновый бор неожиданно кончался, ровной границей, будто отрезанный, — и

открылось впереди озеро. Ах, как оно сразу открылось взгляду — с пространством голубовато-льдистой воды, чуть сморщенной ветром на середине, с извилистой полосой красного, песчаного берега, с перепутанными, поседевшими гривами камышей, с молоденькой березой-двойняшкой на обрыве, которая вся струилась, летела навстречу ветру, отбросивши далеко назад блестящие свои зеленые пряди,— словно бы тоже бежала, бежала к воде...

Тотчас были забыты все грибы и ягоды, мальчишки на бегу скидывали рубашки, майки, трусы; заплескалась, забурлила вода под обрывом, и через минуту никого не осталось на берегу, кроме самой махонькой девчонки, пятилетней Тошки Копыловой: у нее, у Тошки, еще не зажила сломанная рука в гипсовой повязке, купаться нельзя, и Тошка приплясывает на песке, бьет по воде босыми ногами, взвизгивает и высоко задирает от брызг прибинтованную к дощечке руку...

После долгого купания, такого, что пробирает невольный озноб, я лежу на берегу, в траве. Слышно, как чмокает вода в камышах, как переговариваются на обрыве ребятишки, ругают Веню Забелкина: все убеждены, что он не показал грибное место, утаил. Затем Шурка Легошин говорит: «Ладно, пойдем назад — отыщем! С кем хочешь спорю — отыщем!»... А солнце уже незаметно сваливается к закату, небо холодеет, проясниваетcя, и с удивительной резкостью видны в нем неподвижные, блистающие ледяной пылью облака. За озером, за лесом проходит электричка, отчетливо достигает сюда тупой, чугунный перестук ее колес, внезапный гудок, низкий, даже как будто ноздреватый, и эти звуки плывут над озером, слабеют, но все не исчезают... А я думаю, отчего мне жалко, что кончается этот июньский день. Было же много, много прекрасных дней, полжизни прожито, перевидано всякое, и уж пора бы привыкнуть, успокоиться, а мне жаль. Так жаль, словно этот день особенный, словно что-то случилось, словно не было прежде таких дней и уже не будет больше никогда...

А вечером, когда я один возвращаюсь в деревню, меня встречает торжествующий Шурка Легошин, ведет на «пятачок» — вытоптанную, убитую ногами площадку, где обычно гоняют в футбол да танцуют вечерами под гармошку, и рассказывает, что здесь, на краю площадки, среди бурой, пропыленной, в пятнах мазута травы, на каменной этой, мертвой земле наши ребятишки нашли сегодня целую семью грибов-колосников.

Не забыть нам годы огневые

Ранним утром 22 июня прибывали в Москву поезда. В шесть ноль-ноль к Белорусскому вокзалу подошел скорый из Минска. Пятью минутами позже у другого вокзала — Казанского — остановился пассажирский из Новороссийска. В шесть двадцать семь на Киевском встречали почтовый из Воронежа...

С каждым из этих поездов приехали в Москву ребята — туристы и красные следопыты.

Многие группы прибыли раньше. Другие должны были приехать несколькими днями позже. Но мы выбрали именно этот день, 22 июня,— день начала войны, чтобы встретиться с красными следопытами и послушать их рассказы о последних походах по местам сражений, о встречах с героями, ветеранами войны.

Конечно, на этих страницах уместилась лишь малая часть того, что мы услышали и записали в этот день.

Блиндаж в лесу

Рассказ ЮРЫ МАРТЫНОВА из Калуги

Когда начались каникулы, стали мы сговариваться с ребятами из нашего двора, чтобы в поход куда-нибудь пойти. Чтобы заночевать в лесу, а утром, еще до солнышка, половить на зорьке рыбу. У нас во дворе все, как на подбор, рыболовы. Вместе с Валерой Ивановым — он студент уже — нас, конечно, отпустили.

Вышли мы из города и прямиком по старой каменной дороге пошли на деревню Шопино. Там лес и места на Оке самые рыбные. Я-то еще в прошлом году тут был, знаю. Но в этот раз мы не очень-то рыбой увлекались. Пошли мы втроем под вечер за водой: Валька, я и Валера. На ручей пошли, там вода самая чистая. Шли, шли и вдруг видим: над ручьем, в холме, какая-то дырка! Стали ее раскапывать — вход! Влезли в него, а это старая, но еще крепкая землянка, только вход самый засыпало.

Валера говорит:

— Ребята, это блиндаж!

А я думаю: «Ух ты! Никогда в блиндаже не был, только в кино видел, а это самый настоящий!»

Стали мы осматриваться. Сквозь полузаваленные амбразуры проникал в блиндаж слабый свет. И вдруг Валька из угла как заорет:

— Ребята! Сюда! Смотри, чего я нашел — каска!

И правда — каска. Наша, советская. И стали мы себе представлять, кто здесь, в этом блиндаже, вел бой с фашистами.

Блиндаж был построен, видно, на совесть, и место для него выбрали самое, наверно, удобное. Мы стали смотреть в эти амбразуры, и вся река перед нами и тот берег и луг как на ладони. Наверно, тут у наших был пулемет.

В Шопино нам рассказали, что бои в этих местах были жаркие. И захотелось нам узнать имена тех солдат, которые воевали тут. Может, еще жив кто-нибудь, найдется, ответит....

Вот приеду из Москвы и снова пойдем к нашему блиндажу.

Штык с поля боя

Рассказ ВОЛОДИ МАЛЫШЕВА из г. Кинеля

Как-то, день был жаркий, пошли мы вчетвером: Сашка, Генка, мой тезка Володя и я — на речку Кинель. Туда, где был прежде старый железнодорожный мост, его в гражданскую войну взорвали, а насыпь осталась, здесь наши ребята раскопки вели.

В наших краях в девятнадцатом году сражалась Чапаевская дивизия, и тут, у переправы, вела она однажды бой с двенадцатой дивизией Колчака. Мы узнали: это

было утром 30 апреля. Весь день гремело сражение, а потом колчаковское войско откатилось, разбитое Чапаевым наголову. Это у нас все мальчишки знают. И в земле ищут следы того боя.

Ну и мы тоже решили вести свои раскопки: вдруг найдем что-нибудь?

Полезли вверх по заросшей насыпи, а Сашка Цыретьев сзади и выкрикнул:

— Ребята, я себе ногу чем-то распорол!

Мы к нему. Смотрим, торчит из земли что-то острое. Раскопали — штык! Поржавевший, но целый...

Перевязали мы Сашкину ногу. Сели на насыпи, смотрим на этот штык, и вдруг вся картина того давнего боя словно бы предстала перед нами...

На лыжах в девятнадцатый год

Рассказ **СВЕТЫ ШАРАЕВОЙ** из села Голькимансво, под Тюменью

В прошлом году я ездила в Ишим, в зимний лагерь. И там однажды пришел к нам в гости старый большевик. Мы сами пригласили его, чтобы расспросить о сражениях гражданской войны, поговорить с ним. Этот человек в молодости был красногвардейцем и воевал в этих местах с колчаковцами. Рассказывал он нам о многом, а потом и показал...

Он позвал нас с собой в лес!

Мы встали на лыжи и пошли следом за стариком, по его лыжне, по старой партизанской тропинке, в лес, где в четырех или в пяти километрах от нашего лагеря был когда-то штаб колчаковцев, где до сих пор еще сохранились землянки.

А на другой день он повел нас туда, где стояли части красных и где был он сам, тогда молодой, с винтовкой и гранатами за поясом. Здесь на этом месте мы услышали от него про сражение, в котором красногвардейцы разбили белых, и это было то, самое интересное, что я узнала за последнее время.

Старшина разведчиков и тридцать бойцов

Рассказ **ВИТИ ГЕОРГИЦУ, ЮРЫ СИМЕНКА** и **ЮРЫ САВВЫ** из Котовска

Трудновато было слушать трех этих мальчишек, когда они говорили разом и перебивая один другого, но уж зато и интересно. Все трое они красные следопыты у себя в Котовске. Их всего тридцать в отряде, и Витя Георгицу у них командир.

Памятник героям стоит неподалеку от школы. На нем имена двадцати восьми бойцов и командиров, погибших в бою. А на другой стороне обелиска надпись: имена еще тридцати солдат и старшины-разведчика, похороненных здесь, остались неизвестными.

Навсегда неизвестны?

Этого не должно быть!

Идут следопыты в военкомат. Военком встретил их серьезно. Военком взялся за картотеку. Сказал:

— Вот вам один адрес. Это дочь майора Давыдова, одного из тех погибших, чье имя известно. Напишите ей. И напишите еще в Центральный архив Советской Армии, это вам второй адрес.

Два первые письма были скоро написаны и отправлены...

А потом письма полетели на самолетах, поехали на поездах. Пошли по улицам почтальоны с сумками на боку. Они стучали в двери, звонили в звонки, часто спрашивали тех, кто давно уже не живет в этом доме и в этом городе. Но люди не забывают людей, люди стараются помогать людям. Вот и получилось так, что после долгих мытарств, побывав в десятках рук, некоторые письма все же нашли родных погибших...

Что бывает, когда приходит такое письмо? Мать снова плачет о сыне, жена о муже, сестра о брате, сын об отце. Это — горе. И все же во всех ответах люди благодарят от всего сердца ребят из Котовска за доброту, за память. И помогают ребятам чем могут.

И вот уже шесть имен отвоевано у неизвестности.

Шесть — хорошо! Но это еще не все. Как же с остальными?

Еще фамилия, еще имя, фотография, номер ордена.

— А сколько же сейчас открыто неизвестных имен? Уже тринадцать!

Ребята не просто говорят цифру — они называют фамилию за фамилией, имя за именем, они бережно помнят обо всех.

Поиск продолжается и будет продолжаться.

А 28 августа, в день освобождения Молдавии от фашистов, в память о героях Ясско-Кишиневской операции поднимется в Котовске новый прекрасный обелиск. И золотом будут выбиты на нем имена, воскрешенные ребятами из отряда красных следопытов.

ПЕСНИ

6 августа 1945 года. Нет более трагичного дня в истории человечества, и нет более позорного дня.

6 августа 1945 года в 8 часов утра была сброшена американская атомная бомба на город Хиросиму. В одну секунду световая вспышка взрыва сожгла заживо восемьдесят шесть тысяч человек. В одну секунду семьдесят две тысячи получили тяжелые ранения. Тринадцать тысяч бесследно исчезли, пропали без вести. Около семи тысяч домов мгновенно превратились в пепел. Три с половиной тысячи строений рухнули. На полтора километра во все стороны от места взрыва разлетелись смертоносные лучи, проникая в живые ткани всех живых существ, готовя им замедленную смерть через много лет и десятилетий.

В Хиросиме среди огромного парка стоит памятник школьнице Садако Сасаки. На вершине постамента, имеющего форму атомной бомбы, стоит бронзовая фигурка девочки с золотистым журавликом в протянутых к небу руках. Садако было четыре года, когда горячей воздушной волной швырнуло ее на землю. Она находилась достаточно далеко от эпицентра взрыва и уцелела. Садако умерла от лучевой болезни, когда ей было четырнадцать. Через десять лет пришла в действие атомная смерть, затаившаяся в ее теле.

Врачи делали все, чтобы спасти девочку, но не помогали ни лекарства, ни уколы, ни переливания крови. А Садако не хотелось умирать, и она по-своему старалась победить болезнь. Она вырезала бумажных журавликов. В Японии журавль — символ долголетия, и, по народному поверью, надо сделать тысячу журавликов, чтобы атомная смерть отступила. Садако успела сделать девятьсот восемьдесят. Ей так хотелось жить! Но она умерла.

Двадцать лет прошло с тех пор, как взорвалась та бомба, а люди умирают от нее и сейчас.

Памятник Садако построен на средства японских школьников. Мальчики и девочки всей Японии отдавали для этого свои маленькие ребячьи «богатства». Они хотят, чтобы люди всей земли помнили про Садако. Помните и вы, ребята! Вы станете взрослыми, сильными, смелыми. И вы не позволите, чтобы когда-нибудь повторилась Хиросима.

Тамики ХАРА

ДАЙТЕ ВОДЫ!

Дайте воды! Дайте воды!
Аа-а!.. Напоите!..
Ах, умереть бы скорей!
На помощь!.. На помощь!..
Воды!
Воды!
Где хоть одна живая душа?
Оо-о!.. Оо-о!!
Рушится небо,
Улиц не видно.
Клокочет река.
Оо-о!.. Оо-о!!
Ночь наступает.
Ночь наступает.
В глазах невидящих — пламя.
На губах запекшихся — пламя.

«Воды!.. Воды!! Воды!!!»—
Стон человеческий слышится.
Толпы обугленных тел,
Бегущих, ползущих на четвереньках.
«Пить!.. Пить!.. Пить!..»—
Стонут в огненном море.

Кисиро ТАНАКА

ХОЛМ

На зеленом холме
Островка Ниносима
Покоится дочь моя...
Имя ее
Среди тысяч имен затерялось...
О, как душит тоска...

Хиросима —
Атомный город!

ХИРОСИМЫ

Сумако ФУКУДА

СНЕГ

Снег, бесшумно идущий,
Снег, так долго летящий,
Закрывающий медленно-медленно,
Как бинтами, черную землю...
На ветвях обнаженных — снег,
На столбах телеграфных — снег,
И на крышах — повсюду снег.

Воробьи, что, нахохлившись, прыгали
На дворе больничном, — исчезли.
За окном — лишь белые хлопья,
За окном — снежинки танцуют,
А внутри — лишь гнетущие думы,
Отражение черной жизни...

Снег, бесшумно идущий,
Снег, так долго летящий,
Закрывающий медленно-медленно,
Как бинтами, черную землю...
На ветвях обнаженных — снег,
На столбах телеграфных — снег.
И на крышах — повсюду снег!

Только сердце мое по-прежнему
Пепельно-серого цвета...

Кадзуо НАКАСИРО

ПОДПИСЬ ЗА МИР

Их было две, лишь две на всей планете,
И обе на Японию упали,
Те бомбы атомные. И в Стокгольме
Посланцы мира приняли Воззванье—
Пусть никогда кошмар не повторится!
Поставь же подпись под Воззваньем мира!
А если ты считаешь, как иные,
Что это лишь «затея коммунистов»,
Тебе отвечу я: «А разве бомба,
Что вдруг взметнется смертоносным
пеплом,
Копаться станет в разногласьях наших
И убежденья наши разбирать?
Ей все равно: ты белый или черный,
Социалист иль коммунист — не важно!
Ты станешь горсткой тлеющего праха
И даже травами не прорастешь вовеки...
Пускай не хочешь ты служить, быть может,
«Затеям коммунистов», но — подумай!
Хотя б о жизни собственной подумай
И под Воззваньем мира подпишись!»

Коити ОСЭКИ

* * *

О синева безмятежного неба!
В тот день,
Умирая от ран,
Девочка плакала:
«Не хочу, не хочу воздушных
налетов!..»

Стихи японских поэтов
в переводе Анатолия МАМОНОВА.
Рисунки Я. МАНУХИНА.

Владимир СТЕПАНЕНКО
Рисунки Н. БОРИСОВОЙ.

Десять выстрелов

Во всем был виноват капитан Сорвиголова. Я скакал рядом с ним на горячем коне. В руке сжимал винтовку.

В комнате было темно. Зимние сумерки незаметно подкрались к городу. Занавески на окнах посинели, как будто намокли в воде. На повороте, за углом нашего дома, ошалело звонили трамваи. С их горбатых дуг дождем сыпались искры. Они казались мне пулями. Я прятался от врагов, переползал, опрокидывая стулья, и сам метко стрелял.

Мама пришла с работы и щелкнула выключателем. На ее пальто длинными прядями висели белые нитки — цех шил мужское белье. От яркой электрической лампочки я зажмурился. Когда открыл глаза, на клеенке, рядом с чернильными пятнами, лежали тетради и ненавистные мне учебники.

— Коля, что ты натворил! Весь дом перевернул вверх тормашками. За уроки еще не брался? Посмотришь, отцу расскажу!

— Успею. Нам мало задали.— Я принялся подымать стулья.

Несколько раз подряд я перечитывал условие задачи, но ничего не мог понять. Перед глазами скакали на горячих конях буры, шло сражение.

Я посмотрел в угол, где сиротливо стояла щетка. «Разве это ружье? Надо настоящее!» Желание родилось случайно, но сразу же завладело всеми моими мыслями. Я уже не мог смотреть на учебники, не мог ни о чем думать.

Ночью опять выпал снег. Из-за горбатых сугробов трудно было узнать нашу улицу и маленькие двухэтажные домики. Под снежными шапками они показались мне большими, как будто привстали на носки.

Ружье не давало мне покоя. Утром, вместо того чтобы идти в школу, я решил отыскать магазин, где продают охотничье снаряжение. Я недавно переехал жить в Москву и еще не отваживался уходить далеко от дома. Знал дорогу в школу, магазин и булочную.

В те годы у нас на улице стояла пожарная каланча. Перед высокой башней я остановился и по скрипучим намороженным ступенькам полез наверх.

Дежурный со свекольно-красным лицом, в огромном бараньем тулупе тяжело повернулся ко мне.

— Ты куда? Сматывайся вниз!

— Дядь, мне магазин отыскать надо.

— Какой еще магазин?

— Где ружьями торгуют.

— Не увидать, далеко больно!— Пожарный показал рукой в центр города и свернулся.

Скоро кончилась наша улица. Надо было идти дальше. Я испуганно втянул голову в плечи и сжал в кармане пальцы в кулак. Незнакомые дома смотрели угрюмо и неприветливо. Особенно я боялся подворотен, откуда каждую минуту могли вылететь мальчишки.

Шел, шел — и вдруг оказался перед большим магазином. С витрины на меня летели дикие утки. Подымался густой камыш с метелками.

Я чуть не задохнулся от волнения. Стоило мне перевести взгляд, и я увидел ружья. Вороненые стволы блестели от масла. В одном ряду были одностволки и двустволки. Дешевые и дорогие.

Долго я стоял перед витриной, замерз. С опаской двинулся к двери.

В магазине какой-то мужчина выбирал одностволку. Он поочередно вскидывал ружья, которые ему подавал продавец, переламывал стволы и, прищуривая один глаз, долго смотрел.

На голове у мужчины был большой заячий треух. Когда мужчина взмахивал головой, с треуха сыпались волоски, как легкие снежинки.

— Двустволку советую купить! — сказал продавец.— Есть штучные!

— Не к чему деньгами сорить! — Мужчина улыбнулся.— Мы из одностволки сколько хошь зайцев набьем. С ней и расход меньше. Сам знаешь, дробь в цене, а много ли я на сковороде накатаю.

— Понятно,— кивнул продавец.

Я простоял в магазине до самого закрытия и хорошо уяснил: с двустволкой — лишний расход. Лучший бой у одностволки.

При свете электрических лампочек снег казался желтым, как медовые конфеты. Перед нашим домом толпились жильцы. Впереди в длинном бобриковом пальто стоял домоуправ. У него болели зубы, и щеки были завязаны большим теплым платком. Деревянной лопатой он делил снежные сугробы: каждая квартира должна будет убрать свой участок.

— Колька, ты где шатался? — накинулась на меня мама.— Отец в ночь работает. Кто будет снег возить?

— Я свезу.

Быстро перекусив, я установил на сани большой фанерный ящик из-под папирос «Дукат» и принялся набивать его снегом. На улице было много ребят, и работалось весело. Я быстро управился с кучей и подрядился возить снег соседке.

— Колька, — спросил высокий, как жердь, Мишка Серганов,—сколько запросил?

— Пятьдесят копеек.

— Дурак! Продешевил. За такую кучу рубль берут.

Скоро у меня в кулаке были зажаты первые заработанные деньги. Кошелька не было, и для надежности я завязал медяки в угол носового платка.

— Кольк, пойдем завтра в кино?— Мишка зашмыгал носом.— Две серии идут «Мисс Менд».

— Не хочется.

— Мировецкая картина! Все время стреляют. Ребята рассказывали. Он убегает, а его ловят. Здорово! Я у тебя на билет не попрошу, не бойся. У меня деньги есть. Не пойдешь?.. Деньги копишь?

— На ружье собираю.

— Какое ружье?

— Настоящее.

У Мишки хищно блеснули глаза.

— Деньги достанешь?.. Есть у меня двадцатка.

— Что? — не понял я.

— Одностволка, двадцатого калибра. Эх ты, тюха-матюха!

У меня сперло дыхание. Я с удивлением разглядывал Мишку, его разные глаза: левый зеленый и правый голубой.

Через некоторое время он появился во дворе с настоящей одностволкой. Я бережно взял ее в руки. Попробовал переломить, как это делал мужчина в заячьем треухе, но мне не удалось.

— Не умеешь! — Мишка переломил ружье.

Я припал глазом к круглому стволу. Но сколько я ни смотрел, ничего не смог увидеть.

— Ты на свет веди,— подсказал мне Мишка.

Перед глазами мелькнула электрическая лампочка. Но ствол был черный: в нем гас свет.

— Тебе не купить. Где пятнадцать рублей достанешь? Я бы в придачу дал еще патронташ и десять патронов.

— Дорого,— нерешительно сказал я.— В магазине... я сам видел...

— Да чего говорить! Денег у тебя все равно нет!

— Я достану.

— Будут деньги, тогда поговорим.

Я двинулся вдоль домов и принялся считать снежные кучи. Я не заметил, как оказался на чужой улице. Если заработаешь с каждой кучи по пятьдесят копеек, то возить снег мне нужно две недели подряд.

Утром я снова прошелся по улицам и сосчитал все кучи. Около углового дома на чужой улице меня остановил мужчина.

— Снег с крыши будешь сваливать?

Я сразу догадался, что это домоуправ. Подумал, не родной ли он брат нашего домоуправа: на нем было такое же длинное бобриковое пальто и большие подшитые валенки с кожаными задниками. У него не болели зубы, но жилистая шея была старательно обмотана большим шарфом.

С головы у меня слетела шапка, когда я посмотрел на крышу четырехэтажного дома.

— Пять рублей заплачу. Сосульки собьешь — еще полтинник подброшу.

Я спрятал портфель с учебниками в сугроб и полез по пожарной лестнице на крышу. Пусть решают в школе задачи, а я буду зарабатывать деньги на ружье! Трудно было начинать. Снегу навалило много, и мне казалось, что я никогда не доберусь до кровли. Когда на крыше пролегла длинная дорожка, стало легче.

Взмокший, тяжело дыша, я через несколько часов предстал перед домоуправом.

— Ты чего на меня выставился? — домоуправ посмотрел строго поверх очков.

— Сбросил снег с крыши. Платите.

— А убирать с тротуара кто будет?

— Не договаривались...

— А я не рядился с тобой только на одну крышу. Свезешь снег во двор — получишь деньги.

— Я отца позову. Ему заплатите.

— Малец, постой! А отца твоего как звать? Может, я его знаю?

— Гринчиком зовут! — Я назвал самого сильного пожарного, которого боялись даже хулиганы.

— Какой ты парень нескладный! Почему сразу не сказал? С тобой и пошутить нельзя. Будешь снег возить — еще два рубля заплачу.

Снег возил я до самого вечера. Хорошо, что чужие ребята помогли мне, а то бы я никогда не справился.

Через несколько дней со всех улиц снег свезли во дворы. Мне пришлось отправиться в школу. Вместе с мамой. Ее вызвал директор. Так прекратилась моя «рабочая» деятельность.

Вскоре я установил, что можно скопить деньги, если бегать в булочную, в магазин и в лавку за керосином, а сдачу оставлять себе.

...Настал день, я вручил Мишке все деньги. Мишка долго считал. Хитро прищуривал свои разные глаза. Левый — зеленый — странно темнел и сверлил меня, как острый буравчик.

— Деньги не украл?

Мишка вынес двадцатку поздно вечером. Только теперь я разглядел, что расколотый приклад стянут медной проволокой.

— Хочешь, поедем на охоту? — сказал неожиданно Мишка. Его правый — голубой — глаз выражал товарищеское участие.— Я возьму ружье у старшего брата. Он у меня тракторист. Знаешь, какая у нас в деревне охота! И собака есть!

— Не врешь? — Я не мог поверить привалившему счастью. Удивительно, как меня еще держала земля!

В субботу вечером поезд увозил нас в деревню. Мы с Мишкой уселись на одной лавке. В вагоне темно. Около свечки лежит рыжий кружок света. Темные углы меня пугают. Мишка разлегся на лавке и скоро захрапел. Я боюсь уснуть и крепко сжимаю руками ружье. За плечами у меня холстинный мешок для дичи. В мешке краюха хлеба, бутылка ситро, кусок колбасы и колотый сахар. Поверх пояса у меня надет патронташ. В кармашках десять патронов. Их красные глазки в упор смотрят на меня. Я иногда торопливо поглаживаю их пальцами, чтобы не видел Мишка. Задерживать руку на патронах боюсь: вдруг они от нагревания взорвутся.

Незаметно мерный стук вагонов меня укачал. На остановках машинист резко тормозил, и я ошалело вскакивал. Первым делом хватался за ружье...

Проводник светит мне в лицо фонарем. Трещит стеариновая свеча.

— Михнево будет... Вам сходить? — Проводник трясет меня за плечо.

Мы шагаем с Мишкой по скрипучему снегу. Здорово морозит. Поле залито лунным светом.

— Идем скорей. Посидим около стога. Зайцы туда завсегда прибегают. Прошлый раз я трех штук убил.— Мишка трет варежкой щеку.

— Трех?

Мне неизвестно, нужно ли сидеть около стога или это Мишкина выдумка, но я сразу соглашаюсь. От высокой стены леса на дорогу легла черная тень. С кустов свешиваются ошметки сена. Я не могу понять, откуда на кустах сено, но стараюсь держаться дальше от тени.

На поле ослепительно белый снег в серебристых блестках. Я еще никогда не видел его таким красивым.

— Кольк, ты дыши глубже. Воздух у нас пользительный! Братень рассказывал,— сообщает мне Мишка.— Раньше женщины в деревне клали стираное белье на снег отбеливать. А теперь нельзя: сажа летит с Москвы.

Но я не слушаю Мишку. Не верю его зеленому глазу, хитрому и обманчивому. Доносится глухой скрип. Я вздрагиваю и выжидающе смотрю на товарища.

Мишка не оглядывается назад, шагает как ни в чем не бывало. На плече висят две сумки с булками и баранками.

— Овраг будет. Заяц может выскочить. Ты заряди ружье!— спокойно говорит Мишка.— Их здесь, как в лукошке, набито!

На меня смотрит правдивый голубой глаз. Я не могу понять, как о таких вещах можно говорить спокойно. От волнения никак не могу собрать ружье. А когда поломаны все ногти на руках и ружье собрано, не лезут патроны.

— Курок взвести?

— А как ты думал? Заяц будет сидеть и ждать тебя? Проходи вперед.

Мишка уступает дорогу. Посмотришь на него — настоящий товарищ. Даже зайца ему не жалко! Но мне страшно идти первым. Я взвожу курок. Если Мишка попросил бы у меня ружье, я с удовольствием отдал бы ему. Пусть он сам убьет зайца. Но Мишка молчит. Делать нечего, и я выхожу первым. По сторонам темные кусты. Я держу ружье осторожно и боюсь, чтобы оно вдруг не выстрелило.

— Варежку сними, охотник! Как стрелять будешь?

Дорога скатывается вниз. Овраг глубокий. В тени скрылись кусты, высокий бугор. Я останавливаюсь.

— Топай!

Хорошо приказывать Мишке, а мне страшно. Но в этом нельзя признаться. Я закрываю глаза, тяжело вздыхаю. Осторожно делаю шаг. Постепенно дорога светлеет, и мы подымаемся в поле. Снег блестит под лунным светом.

— Обманул косой. Видал, сколько он набегал?

— Ага! — Я обрадованно киваю головой и боюсь, чтобы Мишка не вздумал послать меня снова в овраг искать зайцев.

Острый серпик луны опустился ниже к земле. От деревни несется многоголосый собачий лай. Желтыми квадратиками светятся окна. Я вижу, что избы завалены снегом по самые окна.

— Надо снег возить,— говорю я Мишке со знанием дела.

— Избу выхолодишь.— Мишка смеется.— Снег, как одеяло: чем больше навалит, тем в избе теплее.

В ноги Мишке бросилась лохматая собака.

— Аза, Аза! — Мишка принялся ласкать собаку.— Кольк, гладь Азу, не бойся... Обрадовалась. Завтра с нами пойдет на охоту. Дай ей колбасы. Страсть колбасу любит!

Я развязываю мешок и принимаюсь искать колбасу. Неизвестно, куда она запропастилась. Я с головой скрылся в мешке, а колбасы все нет и нет. Наконец колбаса в руках. Я отламываю кусок и хочу бросить Азе.

— Дай сюда! — Мишка понюхал колбасу. Зеленый глаз смотрит на меня строго.— Хочешь собаку испортить? Кто с чесноком дает? — Он громко зачавкал.— Тебя еще учить и учить надо!

Мишка затопал по обледенелым ступенькам. Я вошел в темные сени. Пахло кислой капустой.

За столом, рядом с самоваром, сидел Мишкин брат — высокий, рослый парень.

— Садись чай пить. Небось, намерзлись?

— Пусть поедят вначале! — Невысокая женщина с добрым лицом — Мишкина мать — суетливо забегала по комнате, загремела ухватом и достала из печи чугунок со щами.

Никогда еще мне не приходилось есть такие вкусные щи. Вслед за щами на столе появился чугунок с картошкой.

— Я сейчас бруснику достану.— Женщина погладила Мишку по голове.— Учишься как? Двойки есть?

— К доске не вызывали.— Мишка дул на картошку и, повернувшись к матери, смотрел на нее голубым глазом.

— Хорошо сегодня посидеть на зайца! — сказал я и посмотрел на Мишкиного брата. Его звали Сергеем.— Луна вон как светит.

— Завтра еще находитесь. Азу возьмите! У меня работа есть, а то бы с вами походил. Мишка тебе дал одностволку?

Я собрался ответить, что купил двадцатку за свои деньги и что Мишка надул меня: у ружья сломан приклад, ствол изъеден ржавчиной. Но Мишка ударил меня под столом ногой и сделал угрожающий знак.

— Пусть поохотится,— сказал Мишка оживленно.— Мы с Колькой вместе снег возили. В городе на всем можно заработать, только не ленись. Снег возишь — деньги платят... Вот угощайтесь баранками. Для вас купил. Они с маком!

— Вы сидели на зайцев ночью?—спросил я Сергея.

— Сидел. Ложитесь спать.

— Убивали?

— Нет.

— А Мишка говорил...

— Врать он здоров... Только слушай!

Мишкина мать вышла, и было слышно, как за перегородкой она взбивала матрац. В комнате запахло сеном.

— Мишк, пойдем посидим,— тихо сказал я.— Сам говорил.

— Говорил... Спать охота.— Мишка зевнул. Зеленый глаз прищурен.— Завтра посидим. Точно говорю!

Нехотя я отправился спать. Мишка скоро захрапел, а я долго еще ворочался и не мог заснуть. Сергей звонко прошлепал босыми ногами по доскам пола. Присел на корточки перед дверкой печки и закурил. Потом прошел через комнату и задул лампу. Запах керосина защекотал ноздри.

Утром меня разбудили. Я испуганно оглядел избу и долго не мог понять, где нахожусь. Мишка сладко посапывал.

— На охоту собираетесь? — спросил Сергей. Лицо у него в мыльной пене, в руках помазок.

Сели завтракать. Я торопливо глотал горячие блины, прихлебывал чай с блюдца. Смотрю на Мишку и злюсь: он долго жует и совсем не торопится.

— Мишк! — Я толкнул его ногой под столом.

— Успеем! — Мишка неторопливо принялся одеваться.

Я удивленно смотрю на него: Мишка вышел из дому без ружья.

— А двустволка где? Сергей не дал?

— С одного ружья постреляем. Раз ты, раз я. Десять патронов нам за глаза хватит!

— Хватит,— согласился я, чтобы только скорей отправиться в лес.

Вылетела Аза. С интересом разглядываю рыжую собаку. Хвост закручен, как часовая пружина. На спине черный ремень. На широкой груди большое белое пятно. В белых чулках передние лапы.

Я торжественно закинул ружье за спину. Неторопливо направился с Мишкой через деревню. Лайка бежит впереди. Во дворах заливисто лают собаки, но Аза держится гордо и не обращает на них внимания.

От леса потянуло холодом. Аза сбежала с дороги и сразу провалилась в глубоком снегу. За толстыми стволами деревьев горела красная полоса зари. Утро наступало медленно. Снег не потерял еще ночной синевы.

Вдруг впереди меня вырвался рыжий зверь. Взвихренный снег летит по сторонам. Я вскинул ружье и, закрыв от страха глаза, со всей силы потянул за скобу. Но выстрелов нет.

— Ищи, вот, вот! — кричит Мишка.

Рыжий зверь подлетел ко мне. Это Аза. Мне страшно смотреть на собаку: чуть-чуть я не застрелил ее. Мы пересекаем поляну. Стоят высокие белые березы. Охота должна начаться где-то в другом месте, которое известно Мишке. Вдруг у меня из-под ног, как молния, вылетела большая черная птица. Я ничего не вижу: снежная пыль засыпала глаза. От испуга я уронил ружье.

— Стреляй! — истошно кричит Мишка.— Стреляй, косач!

За первой птицей из снега выпорхнуло еще несколько. А я все ищу утонувшее в снегу ружье.

— Растяпа! — ругается Мишка.

— Сам хорош. Почему ружье не взял? Ведь говорил: раз я выстрелю, раз ты!

Аза от возбуждения визжит. Носится по поляне и сильными лапами раскапывает круглые птичьи лунки.

— Дай ружье.

Мишка бегает за Азой с ружьем между березами, но тетерева больше не взлетают.

С громким тиньканьем с дерева на дерево перепархивали беспокойные синицы. Они встряхивали ветки, и с деревьев осыпался иней.

— Надо было убить косача! — вздохнул Мишка.— Растяпа! Эх ты! Десять тетеревов взлетело!

Я молчал. Неожиданно мое внимание привлекла большая елка. Вокруг нее на снегу сверкали золотые чешуйки шишек.

— Белка здесь! — сказал Мишка.

— Хватит врать!

— Вот, вот! — Мишка принялся звать Азу. От громкого крика у него на шее вздулись вены и покраснело лицо.

Лайка вылетела из кустов. Острый нос нацелен кверху. Громко и заливисто залаяла и принялась прыгать на дерево, обдирая острыми лапами кору.

— Белку смотри! Чего стоишь? — набросился на меня Мишка.

Он носился вокруг елки. В азарте выломал толстый сук и изо всей силы принялся колотить им по стволу.

Я смотрел на зеленую макушку дерева. Выше по небу плыли легкие облака. На хвое было много снега, и мне казалось, что он тоже плывет вместе с облаками.

Сверху прыгнул рыжевато-серый зверек. Я успел заметить растопыренные лапки и вытянутый пушистый хвост.

— Стреляй! Белка! — завыл Мишка.

Зверек прыгнул на дуплистую березу и, легко оттолкнувшись от шершавого ствола, перелетел на молодую елку.

— Мазила, стреляй!

Аза остервенело лаяла, неслась за белкой, задрав высоко голову с острым носом.

Я вел ружье за белкой. Прицелился и выстрелил. Никогда я не ожидал, что выстрел будет такой громкий. От сильного удара заломило плечо.

С деревьев потек искрящийся снег. Белка продолжала скакать по верхушкам деревьев как ни в чем не бывало. У меня тряслись руки. Я долго не мог вытащить новый патрон.

— На лещине сидит! Стреляй!

Рыжевато-серый комочек перелетал с ветки на ветку. Я вскинул ружье и выстрелил. Снова промах.

Прыгать белке больше некуда: внизу глубокий овраг, а впереди поле. Путь к высоким деревьям и черному лесу преградило ружье.

— Стреляй! Стреляй!

Аза громко, остервенело лаяла, роняя слюну.

Я выстрелил несколько раз подряд. Белка по-прежнему вертелась на одном месте, распушив хвост. Аза сорвала голос и в изнеможении хрипела. Она прыгала на гибкие ветви орешника и пригибала их к земле.

— Дай сюда.— Мишка вырывает у меня из рук ружье и долго целится, зажмурив глаз.

Из короткого ствола вырывается сноп огня. Когда рассеивается дым, я вижу на кустах лещины прыгающую белку. Я схватил рукой снег и жадно съел. Рядом затрещали кусты.

— Кого стрелял? — закричал пожилой мужчина-охотник. Шуба у него расстегнута. Шапка потеряна. Седые волосы растрепаны и мокрыми прядями прилипли ко лбу.— Я считал: десять выстрелов.

— Белку! — отвечаю я испуганно и смотрю на пустой патронташ.

— Думал, на берлогу наскочили! — Охотник вытер рукой пот со лба.— Думал, медведь задрал.

Я не заметил, когда прибежал на лыжах Сергей. Он был в одном пиджаке. В руках новая двустволка.

— Мишка, ты стрелял?

— Колька.

— Не целился, что ли?

— Я глаз зажимал.

— А ты, Мишка, почему не стрелял? Ружье-то твое!

— Я продал.— Мишка повернул к Сергею голубой, правдивый глаз.

Я видел его зеленый, бегающий глаз и ничему теперь не верил.

— С патронами? —допрашивал Сергей.

— Ага! Жалко дробь стало... я высыпал. Боялся, ты ругать будешь, что продал...

Я готов был избить Мишку. Я не мог смотреть в его сторону.

...Со времени моей первой охоты прошел не один десяток лет. Только теперь я понял, что благодаря Мишке открыл удивительный мир: я увидел стремительный полет белки, красное солнце морозного утра, текущий с деревьев снег. Я исходил много лесов и полей, но не стал охотником и совсем об этом не жалею.

ДЕТСКИЕ КУБИНСКИЕ ПЕСЕНКИ

Рисунки

Ф. ЛЕМКУЛЯ.

Эти стихи, ребята, не имеют автора... Их никто не писал, под ними никто не подписывается, но все-таки они, как видите, есть и написаны. И стихи это хорошие, звонкие и веселые. На Кубе знают их все жители острова. Взрослые напевают про дона Кота своим детям, когда укладывают их спать. А дети знают их наизусть от родителей, и читают в кубинском букваре, и тараторят их, как считалки, когда надо в игре выбрать того, кто будет водить. Словом — загадка! Стихов никто не писал, а они есть... В чем тут дело!

Ну, подумайте сами, а разве кто-нибудь писал наше, тоже всем хорошо известное: «Стакан, лимон. Выйди вон!» Или другое: «Эне, Бене, Река, Фука...» Или: «На одном крыльце сидели: Царь, Царевич, Король, Королевич...»

Все это сочинили сами дети, один многоголовый, веселый поэт.

Дон Кот сидел на крыше
В зеленых сапожках,
В лиловых панталонах
И шелковых чулках.

Письмо блондинки-кошки
Читая под луной,
Прочел он: я согласна
Стать вашею женой.

Глазам своим не веря,
От радости дрожа,
Дон Кот упал, бедняжка,
С восьмого этажа.

Но камни — не перина,
Асфальт — не сеновал,
Дон Кот упал на спину
Да больше и не встал.

Несется Пудель-доктор,
Сжимая бинт во рту.
Но доктор не поможет
Несчастному Коту.

И вот его хоронят,
В гробу лежит дон Кот,
По самой главной улице
Процессия идет.

Коту сложили лапки
Крест-накрест на груди,
Все кошки в черных платьях —
Блондинка впереди.

Котята в черных бантах,
Дрожа, идут гуськом
И слизывают слезы
Шершавым языком.

И только мыши пляшут,
Устроив хоровод,
Еще бы — нынче умер
Их лютый враг — дон Кот.

Но на пути у кошек
Был рыбный магазин,
И мигом Кот очнулся
От запаха сардин.

Пустился врассыпную
Мышиный хоровод,—
Вдогонку за мышами
Стрелой летит дон Кот.

Глупая макака

У старого аптекаря
забот невпроворот:
курносая макака
в чуланчике живет.

Однажды выбрав время,
когда старик ушел,
макака все лекарства
поставила на стол.

— Что в этом пузыречке?
Какой приятный цвет!
Принять на всякий случай?
А почему бы нет?

Как золото, касторка
на солнышке блестит,
приму на всякий случай,
приму — не повредит.

Вот в банке валерьянка,
пусть сердце не болит,
приму на всякий случай,
приму — не повредит.

А вот в большой коробке
от облысенья мазь.
Где хлеб? Сейчас намажу
и буду кушать всласть!

Макака заболела
и, говорят, всерьез,
чернеет на подушке
ее курносый нос.

Надеемся, что это
хороший ей урок:
лекарства не конфеты,
нельзя глотать их впрок!

Кем ты хочешь быть?

Ты хочешь быть бывалым
и грозным генералом,
чтобы страх внушал твой вид?
(Молчит.)

Ты хочешь быть штангистом,
скуластым и плечистым,
могучим, словно кит?
(Молчит.)

Ты хочешь скоро-скоро
стать смелым матадором,
звездою всех коррид?
(Молчит.)

Ты хочешь в день весенний
стать центром нападенья,
ударить по мячу?
(Хочу, хочу, хочу!)

Перевела с испанского Марина ТАРАСОВА.

Удивительная дружба

Папа приехал. Ура! Как долго мы его не видели! Соскучились. Ведь целый месяц — это не шутка. Мы все были очень рады, даже Джулька прыгала вокруг, радостно лая.

«Знаете, ребята, я ведь вам двух лисят привез,— сказал папа.— Завтра их сюда принесут. Это степные лисята — огневки».

На следующий день лисят привезли. Они были маленькие, но, несмотря на это, очень дикие и больно кусались. Лисята были почти одного роста, ярко-рыжего цвета, а ушки темные. У обоих хвостик заканчивался белой кисточкой. Черные злые глазки глядели на нас испуганно. Когда их впустили в клетку, они забрались в дальний угол и скалили зубки. Одного мы сразу отдали, а другого оставили у себя и привязали на веревочку. Наша овчарка сразу же подошла к Рыжику (так мы назвали лисенка), обнюхала и приветливо замахала хвостом. А потом стала его лизать, как своего щенка.

Первые дни Рыжик ничего не ел, и брать его в руки без перчаток было опасно.

Потом он свыкся, но к людям относился недоверчиво. Предпочитал общество Джульки. Днем его привязывали на веревочку рядом с собакой. Обычно они вместе спали в будке. И очень интересно было видеть, как из будки выглядывали две мордочки; умная большая — собачья и маленькая, хитренькая — лисья.

Джулька с Рыжиком часто ели из одной миски, и собака никогда на него не рычала. Это нас очень удивляло. Когда у нее были щенята, вместе с ней они никогда не ели: она их отгоняла, пока сама не поест.

Вечером я закрывала лисенка в клетку.

Через недельки полторы Рыжик стал почти ручной. Брал из рук пищу, но брал осторожно, чего-то боясь. Мы даже забыли, что Рыжик — хищник, но скоро я стала свидетелем такого случая.

У нас во дворе жила добрая, ручная курица. Однажды я подходила к крыльцу и вдруг увидела, что в клетке происходит какая-то борьба. Я подбежала ближе и увидела, что лисенок рвет нашу любимицу. Отнять добычу было очень трудно, но все-таки я отобрала. Курица была ранена, Рыжик выдрал у нее половину перьев, но она была жива.

Такой случай был только однажды.

За два месяца лисенок стал ручным и уже не кусался.

Когда меня отвозили в лагерь, лисенка оставили на привязи, а когда вернулись,— его не было. Веревка оборвана. Убежал.

Я думала, что разных животных приручают друг к другу с детства. Но нашей Джульке было пять лет, а Рыжику—месяца четыре. А ведь привязались друг к другу сразу же и почти все время были вместе.

Лена Куц,
г. Новоград-Волынский.

ОСЫ И БОГОМОЛ

Однажды я наблюдал такой случай. В рой ос попал богомол. Осы моментально облепили его со всех сторон и начали кусать. Я думал, он погибнет, но он вышел победителем. Задавил передними лапами шесть ос и убежал. Единственное, что он потерял,— это один ус. Оса откусила.

Я заметил, что свою добычу богомол хватает передними ножками, которые снабжены острыми коготками. Они расположены в виде мелкой пилочки. Передними лапами богомол может перерезать почти любое насекомое. Питаются богомолы стрекозами, бабочками, жуками.

Витя Кныш,
г. Жданов, Донецкой области.

Чья возьмет?

Фото И. Гольдберга.

В подводном мире

Снаряжение пловца-ныряльщика мне купили, когда мне было 12 лет. В этот же день я побежал на речку. Мне не терпелось поплавать. Сначала у меня ничего не выходило, но, потренировавшись, я освоил снаряжение.

Я очень люблю плавать в старом русле реки. Плавал я там всегда со своим товарищем Сашей. Старое русло Муховца — это речка, заросшая водорослями и камышом. В некоторых местах есть как бы озера.

Если с берега посмотреть на эти озера, ничего приметного нет, но стоит нырнуть!..

Зеленоватый туман наполняет подводный лес. Медленно колышутся длинные ленты водорослей. Плывем к середине речки. Среди зарослей стали появляться прогалины с желтым песчаным дном. Иногда среди водорослей на мгновение показывались рыбы и сразу же исчезали. Саша подплыл к ракушкам и стал их собирать. Когда улитку поднимешь со дна, она сразу же прячет мантию в ракушку. Мы подплыли к зарослям водорослей. На одном из кустиков я заметил большую улитку, она медленно ползла вверх, шевеля своими усиками. Саша не удержался и встряхнул кустик. Улитка сразу же спряталась в раковину и, отцепившись от куста, стала, медленно кружась, опускаться на дно. Поднявшись на поверхность и отдышавшись, мы снова ныряем. Перед нами стена водорослей. Мы осторожно раздвигаем их, и нашему взору открывается сказочная подводная опушка. Дно покрыто золотистым песком. На песке важно сидели три большие улитки. Над полянкой кружился хоровод серебристой рыбешки. Заметив нас, они приостановили свой танец и с удивлением стали следить за нами. Но стоило мне сделать одно движение — и подводная опушка опустела. Мы замерзли и поплыли к берегу.

Отогревшись и наговорившись, снова пошли купаться. Только теперь уже не к этому, а ко второму озеру. Берег здесь обрывистый. Внизу я заметил норки. Мы подплыли ближе и около одной из них увидели небольшого рачка. Я его схватил и посадил в мешочек. А Саша достал рукой из норки большого рака. Рак страшно ворочал глазами и угрожающе растопыривал клешни. В камышах мы заметили щуренка; он стоял вниз головой и был такого же зеленоватого цвета, как и окружающие его водоросли.

Мы поплыли к противоположному берегу. На том берегу росли три дерева и несколько кустов, а около воды плотной стеной стояли камыши. Вдруг из камышей выплыли два коричневых клубочка. Это были дикие утята. Они мирно плавали и ныряли, не подозревая о нашем присутствии. А мы выставили из воды кончик трубки и часть маски и медленно приближались к ним. Но тут из-за камышей вылетела чайка. Она стала кричать и летать кругами, выдавая нас. Утята с беспокойством озирались. Мы нырнули вглубь, а когда вынырнули, утят уже не было. Нам пора было возвращаться. У самого берега перед нами проплыла стайка рыбок. Они были зеленоватого цвета с ярко-красными плавниками и доверчиво плавали около наших масок, но поймать их руками так и не удалось.

Олег Басов,
г. Брест.

ПУТЕШЕСТВИЕ В ЛЕТО

«Как это в лето? — спросишь ты.— Ведь путешествовать отправляются в какое-нибудь место, а лето — это не место, это время, время года». На это мы ответим: да, лето — время года. Но какое удивительное! Оно способно любые, даже давно знакомые места превратить в удивительную страну, полную загадок и тайн.

Эти тайны ползают и прыгают среди травинок у тебя под ногами, щебечут, свистят на каждой ветке, порхают с цветка на цветок — успевай только смотреть и открывать, путешественник!

Где путешествие, там и карта. На ней люди отмечают все, что узнали, увидели, открыли. Разгляди получше карту на предпоследней странице обложки. Это карта прожитого лета, карта летних открытий одного человека. Мы не знаем точно, какое место он изобразил. Может, окрестности родного села, может, соседний с лагерем лесочек, может, дальние подступы к дачному поселку или даже городу. Но карта полна событий. Видно, что не раз, а изо дня в день заполнялась она, обрастала записями и пометками наблюдений, расцвечивалась рисунками. Для того, кто ее составлял, все меньше белых пятен оставалось в окружавшей его зеленой летней стране.

Ты тоже можешь составить карту своего путешествия в лето. Она, конечно, будет совсем другая. Ведь лето везде разное, и глаз твой может заметить что-то совсем иное. Может, ты найдешь не только муравейник, но и муравьиные тропы с растущими цепочкой кустиками фиалок и зверобоя?

Может, тебе посчастливится увидеть, как росянка ест комаров и мошек, зажав их в кулачок своего листка? Это вполне вероятно, если поблизости есть кочковатое, поросшее мхом-сфагнумом болото.

Или тебе попадутся на сучках грибы, высушенные белкой?

Да, впрочем, зачем гадать! Пожелаем тебе, чтобы твоя карта и твое лето были особенно интересными.

ГАЗЕЛЬ Бумажная мозаика. Коллективная работа школьников. Алжир.

Рисуют дети Африки

В НАШЕЙ ДЕРЕВНЕ Хусейн Хатата. ОАР.

НА ГОРНОЙ ДОРОГЕ — Кесела Антафу. Эфиопия.

НОВЫЕ ДОМА ДЛЯ ЖИТЕЛЕЙ НУБИИ — Замира Абу эль Магд. ОАР.

Рисуют дети Африки

РАБОТА В ПОЛЕ — Зейнаб Хассан. ОАР.

УРОК — Мохамед Махмуд Хельми. ОАР.

НИЛ — Замиха Мохамед. ОАР.

Не выдержал сыгырган и высунул мордочку из норки. Рисунок В. Константинова.

АЛТАЙСКИЕ СКАЗКИ

Анна ГАРФ **Рисунки В. КОНСТАНТИНОВА.**

Красная лиса и сыгырган-сеноставец

Высоко в горах, у светлого ручья, на каменной россыпи, в щели между двух валунов, жил маленький сыгырган-сеноставец.

Вместе со своими соседями сыгырганами он резал зубами траву и ставил большие стога.

А повыше стойбища сеноставцев жила горная красная лиса.

Вот однажды в пасмурный день вышла она на охоту. Но сыгырган-малыш услыхал ее осторожные шаги, почуял запах, головой повертел да как крикнет:

— Сыйит! Сыйит! Лиса идет!

Все сеноставцы юркнули в свои щели и норы, осталось на каменной россыпи только сухое сено. Понюхала лиса высокий стог и чуть не заплакала.

— Еще ни одна лиса сеном не кормилась, неужто я буду первая?

Выдернула клок, пожевала, но проглотить не может, только язык оцарапала да в горле запершило.

— А все из-за этого пищухи, из-за сыгыргана-сеноставца,— рассердилась лиса.— Погоди-погоди! Съем я тебя и всю семью твою.

Откашлялась, подошла к щели между двух валунов и заверещала ласково:

—Ияу-у, какой старательный хозяин здесь живет, как ровно он траву нарезал, как хорошо просушил ее, как ловко стога сметал! На всей россыпи не найдешь стогов лучше, даже человек мог бы у этого сеноставца поучиться. Вот было бы счастье на такого умницу хотя бы одним глазком взглянуть!

Слыша эти похвалы, сыгырган спокойно в своей норе лежать не может, он с боку на бок ворочается, вздыхает даже.

А лиса все так же умильно тявкает:

— Неужто я никогда его не увижу? Ах, как приятно было бы с ним побеседовать...

Не вытерпел сыгырган и высунул мордочку из норки.

— Ах, как он с лица хорош! — обрадовалась лиса.— Взглянуть бы и на спинку! Говорят, со спины он еще краше. Верно ли это?

Сыгырган спрятал голову и выставил спинку. Тут лиса и ухватила его! Он даже крикнуть не успел.

Бежит лиса к себе в горы, своих деток сеноставцем угостить спешит. Крепко сеноставец зубами лисьими прижат, даже заплакал бедняга.

Услыхала сорока этот плач, распахнула она свою черную шубу с белой оторочкой и полетела следом за лисой.

— Сам-сам ты, сыгырган, лисе в зубы полез, о чем-чем-чем же ты теперь плачешь?

— Как мне не плакать, слез не лить? Отец и мать меня всегда просили, уговаривали: «Не оставляй нас, сынок, куда бы ты ни вздумал поехать, бери и нас с собой». И вот видишь, сорока, случилось так, что сам я в горы еду, а родителей одних дома оставил. Никогда мне этого отец с матерью не простят. Всю жизнь они на меня будут в обиде.

Остановилась лиса и, не выпуская изо рта сеноставца, пробормотала сквозь зубы:

— Я могу и родителей вжять, где они?

— Тут, близехонько, вон в тех камушках.

— Пожови их,— сказала лиса и разжала зубы.

— Сыйит! Сыйит! — крикнул сеноставец и юркнул в щель между камней.

Но лиса спохватилась и успела зажать зубами сыгырганов хвост. Цепко держит, не пускает, но и сеноставец, ухватившись за камень, крепко засел в щели, не вылезает.

Тянула его лиса за хвост, тянула, никак не вытянет.

Рванула изо всех сил да вдруг как перекувыркнется! Затылком о камни стукнулась, еле-еле на ноги встала. В зубах у нее только сыгырганов хвост.

С того дня остался пищуха-сеноставец без хвоста, а у лисы морда вытянулась.

Три маралухи

Давным-давно жил на Алтае старик Кудай-берген. Зубы его пожелтели, кожа от старости высохла, бороденка белая стала, как у белого козла. Но сам старик легкий, быстрый был. Он не водил скота, не пахал земли, а жил охотой. Не было у него ни коня, ни седла, все его имение — тугой лук да три собаки.

Вот почуяли однажды собаки дичь, морды повернули, пошли по следу — трех маралух подняли. Спасаясь от собак, маралухи частым лесом бежали, через ручьи перескакивая, сквозь кустарник продираясь. Собаки ни на шаг не отстают, сам охотник Кудай-берген, старик, без отдыха бежит. Три месяца длилась погоня.

Сколько раз хотел старик лук с плеча снять, стрелу пустить, да в частом лиственном лесу прицелиться на бегу было несподручно.

А маралухи все бегут и бегут, устали не зная, собаки гонят их и день и ночь. На седьмой месяц погони прибежали маралухи к краю земли, с края земли на край неба ступили и дальше все так же неутомимо по небу бегут. Собаки туда же вскочили, за собаками сам Кудай-берген на небо взбежал.

Много-долго не прошло, собаки догоняют, вот-вот догонят трех маралух, даже вперед забежать норовят.

Кудай-старик лук с плеча снял.

— Теперь,— говорит,— в чистом небесном поле вас, маралухи, я не потеряю!

Прицелился, однако поспешил маленько — и промахнулся. Стрела, не задев маралух, чистая, белая, на запад полетела.

— Эх, стар я, а тороплив,— рассердился на самого себя старик.

Он в другой раз усердно, не спеша, прицелился, и вторая его стрела всех трех маралух насквозь пронзила. Красная, кровью обагренная, стрела эта вперед и по сей день стремится.

Но подраненные маралухи не споткнулись, не упали. Шага своего быстрого не сбавили, все так же легко, так же ровно бегут.

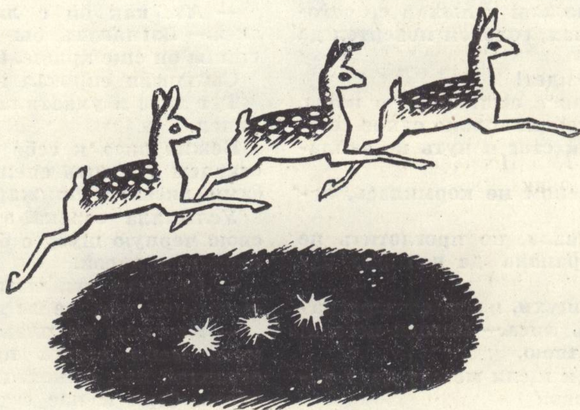
— Земные вы звери или существа небесные,— крикнул старик,— если погнался, буду гнать вас, пока не настигну!

Сказал так и, не передохнув, побежал.

Летней ночью на восточном краю неба погоня эта хорошо видна: три маралухи, три собаки, одна белая, другая красная стрела и позади бодро бегущий старик охотник, Кудай-берген.

Так вот вместе со всеми звездами и движутся они по небу, отдыха не зная, бессмертным неразлучным созвездием Трех Маралух [1].

[1] Три Маралухи — созвездие Орион.

Юрий СОТНИК
Рисунки Ю. КОРОВИНА.

(Продолжение)

СЕРДЕЧНАЯ ТАЙНА ЗАНОЗЫ

Неделю тому назад звено Люси Пролеткиной осталось после уроков. Была его очередь мыть в классе пол.

Уборка класса, мытье пола — дело не очень-то приятное. Но раньше эту работу еще можно было терпеть. Она производилась под наблюдением Киры Леонидовны — женщины энергичной, веселой, любившей посмеяться. В конце сентября Кира Леонидовна тяжело заболела, и у класса появилась новая руководительница — Вера Прокофьевна. Ни Люся, ни другие ребята, оставшиеся сегодня в классе, еще не занимались мытьем полов под надзором Веры Прокофьевны. Но за эти три недели они хорошо познакомились с ней и теперь твердо знали: тоска будет смертная.

Так оно и получилось. Вера Прокофьевна явилась в класс сразу же после звонка. Она была высокая, сухая, жилистая.

— Кажется, все в сборе,— отчеканила она резким голосом.— Это отрадно, что вы такие сознательные. А то на прошлой неделе половина уборщиков разбежалась.

Вера Прокофьевна даже с одним человеком говорила так громко и отчетливо, словно перед ней был шумный класс. Похвалив ребят за сознательность, она взяла стул, поставила его в угол рядом с дверью и села на него, не облокачиваясь о спинку, скрестив руки на груди.

Ребята не первый раз занимались уборкой. Каждый знал свои обязанности. Мальчики принесли ведра с водой, сдвинули парты в одну сторону и принялись протирать их мокрыми тряпками. Девочки посыпали пол содой, плеснули на него воды и стали тереть половицы щетками. Минуты две Вера Прокофьевна молчала, а потом вдруг громко проговорила:

— Так, так! Я вот с вами еще мало знакома. Вот теперь я погляжу, кто из вас белоручка, а кто — настоящий труженик. Вот на таких-то делах и познаются люди.

Вера Прокофьевна хотела подбодрить ребят, а прозвучала эта фраза угрожающе. Все продолжали работать молча. Лишь изредка кто-нибудь коротко произносил:

А ну-ка, помоги! — Это когда нужно было передвинуть парту.

— Ребята, воду!

Двое мальчиков забирали ведра с грязной водой и уходили.

— Не сходит. Потри еще.

Мокрая щетка начинала ерзать на одном месте, где на полу синело чернильное пятно.

Люся намочила в воде большую тряпку и принялась начисто вытирать ею надраенный щетками пол. Выжимая тряпку над ведром, она незаметно для себя вздохнула.

— Вздыхаешь, Пролеткина,— заметила Вера Прокофьевна.— Как видно, тяжела для тебя такая работа. Не приучили тебя дома к простому физическому труду.

— Не тяжелая эта работа, а просто скучная,— сдержанно сказала Люся.

— А по-твоему, значит, человек должен заниматься только тем, что ему интересно? Напрасно ты так думаешь, Пролеткина, интересным делом заниматься легко... Это каждый захочет сделать то, что ему интересно. А вот ты приучи себя терпеливо выполнять работу скучную, неприятную... Вот тогда ты станешь настоящим человеком.

Ребята прекрасно знали, что в жизни приходится заниматься делами скучными, неприятными, но Вера Прокофьевна заговорила об этом в поучительном тоне, и Люсе сразу захотелось ей возразить.

— А мой папа говорит совсем другое,— сказала она негромко, водя тряпкой по полу.

От неожиданности учительница помолчала.

— Так что же говорит твой папа?

— Мой папа говорит, что любую, даже самую скучную, работу можно сделать интересной, если к ней подойти творчески.— Эту фразу Люся произнесла уже погромче. Затем она повернулась спиной к учительнице и принялась полоскать тряпку в ведре.

Кто-то из ребят хихикнул.

— Интересно,— раздался голос Веры Прокофьевны.— Интересно, как же твой папа станет творчески мыть полы? Ты не скажешь мне, а, Пролеткина?

Ребята захихикали еще громче.

Люся злилась на себя. Она и сама не знала, как это творчески мыть полы. Она просто повторила услышанную от отца фразу, лишь бы возразить раздражавшей ее учительнице.

— Что ж ты молчишь, Пролеткина? Мы ждем.

И вдруг Люсю словно осенило. Она выпрямилась и посмотрела на учительницу в упор, склонив голову набок.

— Можно, например, какую-нибудь механизацию провести.

Вера Прокофьевна уставилась на нее во все глаза.

— Что?

— Можно, например, какую-нибудь машину изобрести, чтобы она мыла полы.

— Ух ты! — хохотнул один из мальчишек.

— Люська, ну довольно тебе глупости болтать! — с раздражением сказала Соня Тетеркина.

— Да, Пролеткина! — поддержала ее Вера Прокофьевна. — Прежде чем изобретать, надо вооружиться знаниями, дорогая моя. А пока ты вот стоишь да разглагольствуешь, а твои товарищи трудятся.

Больше Заноза ничего не возражала. Ей уже было не до споров с учительницей. Мысль о поломоечной машине привела ее к такой идее, что сердце у Люси заколотилось от радости, как барабан.

Дело в том, что в школе был клуб — Клуб юных изобретателей, а в клубе был староста, девятиклассник Эдик Лозовский. Он был высокий и стройный. Он ходил всегда с гордо поднятой головой. У него были черные насмешливые глаза и крошечные темные усики. Не только во всей школе, но и во всем мире не было для Люси человека красивее и обаятельнее, чем Эдик. Он казался ей также и самым умным, самым благородным человеком на свете, хотя она ни разу двух слов с Эдиком не сказала. Чего бы только не отдала Заноза, лишь бы ее приняли в Клуб юных конструкторов! Но правила приема в этот клуб были строгие. Туда принимали ребят начиная с шестого класса, да и то с разбором. Туда нужно было явиться с определенной технической идеей, нужно было твердо знать, над чем ты хочешь работать, как эту идею собираешься осуществить. Люся считала Машу Самбо бесчувственной, холодной, не понимающей своего счастья. У Машки были способности к технике, она придумала какое-то там «изготовление мелких деталей способом гальванопластики». Она дважды в неделю посещала клуб, виделась с Эдиком, разговаривала с ним и даже ссорилась с ним, как будто это был не сам Эдик Лозовский, а просто так, обыкновенный мальчишка. Сколько вечеров проворочалась Люся без сна в постели, сколько двоек получила она, пытаясь придумать во время уроков эту самую «техническую идею»! Ничего ей в голову не приходило. И вот теперь эта идея явилась сама собой! Да еще какая идея! Только тупицы, вроде членов Люсиного звена, могли не оценить.

Заноза была самой тихой девочкой в классе, она говорила, не повышая голоса, она даже двигалась бесшумно. Но внутри ее часто клокотали страсти. И вот теперь она молча вытирала тряпкой пол, молча полоскала тряпку в ведре с водой, молча отжимала ее, и никто из ребят не догадывался, что произошло с ней за эти несколько секунд. Сегодняшний день такой будничный, такой обычный, теперь казался ей самым замечательным днем ее жизни. Она уже представляла себе, как Эдик читает газету, а в этой газете написано о ней, о Люсе Пролеткиной, изобретательнице чудесной поломоечной машины, освободившей миллионы школьников от скучной и неприятной работы.

Вместе с другими ребятами Люся поставила на место парты, вернула нянечке щетки, ведра и тряпки, вместе с другими ребятами она умылась. Потом она незаметно отделилась от ребят и побежала на третий этаж, туда, где в двух комнатах размещался клуб. Люся знала, что по расписанию сегодня занятий в клубе нет, но она знала также, что там в любой день после уроков можно застать или руководителя клуба преподавателя физики Митрофана Фомича, или кого-нибудь из активистов.

Еще издали, идя по пустому коридору, она заметила, что дверь клуба чуть приоткрыта. Подойдя к двери, Заноза распахнула ее и остановилась.

Она увидела большую комнату, пустые столы с приделанными к ним тисками, какие-то станки и станочки, модели ракет и самолетов, подвешенные к потолку, множество каких-то приборов в шкафах, на шкафах и на полках вдоль стен. В комнате находился всего лишь один человек...

Этим человеком был Эдик Лозовский!

Он стоял перед столом, держа зажженную лампу на длинном шнуре. По столу двигалась известная всей школе электрическая черепаха. Она двигалась в сторону лампы. Если Эдик внезапно переносил лампу куда-нибудь вбок, черепаха начинала вертеть своей круглой головой — фотоэлементом — и, «увидев» лампу, снова направлялась к ней.

Люся надеялась застать Эдика в клубе, но она никак не рассчитывала столкнуться с ним один на один. Оттого, что ей придется разговаривать именно с Лозовским, Заноза совсем растерялась.

Когда она вошла, Эдик оглянулся, но он смотрел на Люсю не больше двух секунд.

— Откуда ты, прелестное дитя? — спросил он без всякого любопытства и снова занялся своей черепахой.

Люся молчала.

Эдик выключил лампу и стал сматывать длинный электрический шнур. Тут он снова посмотрел на Люсю.

— Ты кого-нибудь ищешь?

Люся отрицательно покачала головой. Она и не подозревала, что у нее сейчас довольно глупый вид: ступни поставлены носками внутрь, растопыренные ладошки прижаты к ногам, голова склонилась набок, а рот слегка приоткрыт.

Эдик взял черепаху и понес ее в шкаф.

— Так в чем же дело? — безучастно спросил он.

— У меня идея, — выдавила Люся.

Наконец-то Эдик проявил некоторое любопытство. Он даже приостановился.

— Гм. Идея? Какая идея?

— Техническая,— тихо ответила Люся.

Эдик уже совсем пристально смотрел на свою обалдевшую посетительницу. Губы его как-то странно подрагивали.

— Ну давай, излагай свою идею.

— Поломоечная машина...

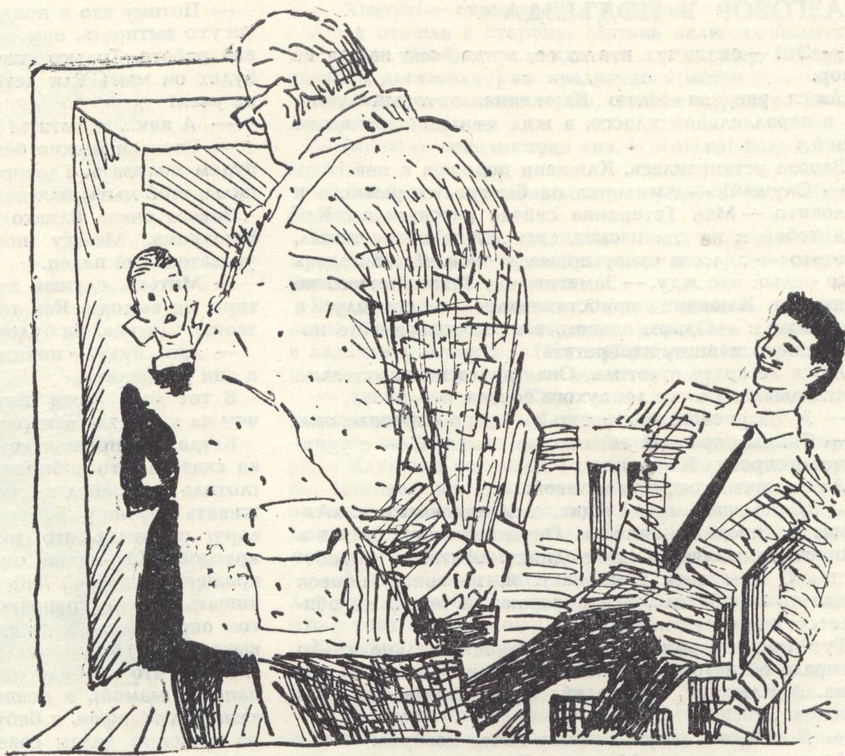
— Что?

— Такая машина, чтобы полы мыть. Я хочу ее изобрести. Чтобы ребятам не мыть полы.

Эдик громко и очень весело захохотал. Он хохотал, идя к шкафу, отпирая его, ставя черепаху в шкаф... А заперев шкаф, он, продолжая смеяться, закричал:

— Митрофан Фомич, идите сюда! Нет, вы только посмотрите, какой экземпляр!

Из соседней комнаты вышел очень высокий, очень полный человек, учитель физики Митрофан Фомич. Ребята прозвали его Дер Элефант, но не только за то, что он был тучен и высок: дело в том, что у него была привычка покачиваться. Он ходил, слегка раскачиваясь из стороны в сторону. Когда он разговаривал с кем-нибудь стоя, он тоже ритмично покачивался, перенося тяжесть своего тела с одной ноги на другую.

— Какой, ты говоришь, экземпляр? — спросил он очень низким, гудящим басом.

Эдик упал на стул, бессильно свесив руки, и захохотал еще громче. Вдруг он вскочил.

— Извините, Митрофан Фомич,— сказал он, сдерживаясь. — Но... но пусть она вам сама объяснит... Вам... вам обязательно самому надо послушать.

Дер Элефант подошел своей качающейся походкой к Люсе. Руки у него были заложены за спину.

— Так что же ты должна мне объяснить?

С появлением учителя все смятение Люси куда-то исчезло.

— По-моему, тут ничего смешного нет, — негромко, но отчетливо сказала она. — Я хочу работать в клубе. И хоть в пятом классе, но у меня есть техническая идея: я хочу изобрести такую машину, чтобы она мыла полы. Чтобы ребятам не приходилось мыть.

Дер Элефант внимательно посмотрел на Люсю, потом оглянулся на Эдика.

— По-моему, тоже тут ничего смешного нет, — сказал он медленно.

Эдик снова хохотнул, но смех его был какой-то неуверенный.

— Митрофан Фомич! Ну, вы только подумайте, в нашем клубе... поломоечная машина!

— И все-таки не вижу тут ничего смешного. Мы увлекаемся моделями космических кораблей, моделями космических ракет, моделями кибернетических машин, но все это лишь модели... а тут нам предлагают построить машину, которая реально облегчала бы труд. По-моему, задача интересная. — Учитель снова обратился к Занозе: — И как же ты собираешься эту задачу решить?

Люся молчала.

— У тебя есть какие-нибудь мысли на этот счет?

— У меня мысли еще нет, но я хочу работать в клубе, чтобы ее изобрести.

Эдик снова заулыбался.

— А вот это уже хуже, дорогая, — сказал, помолчав, Митрофан Фомич. — Одного желания что-нибудь изобрести мало. Нужно хотя бы в общих чертах представлять себе, как ты осуществишь свой замысел. Нужно, понимаешь ли, не только хотеть изобрести, но хотя бы наполовину уже... Ты понимаешь меня?

— Понимаю. До свидания! тихо сказала Люся. Она повернулась и быстро пошла, прижимая ладошки к ногам. Ей хотелось плакать, но даже сейчас, идя по пустому коридору, она сдерживалась. От стыда, досады на себя ушам было жарко. Только теперь, поговорив с учителем, Люся поняла, какую она разыграла дуру перед Эдиком Лозовским.

Но вот она выбежала на оживленную светлую улицу, и настроение у нее вдруг изменилось.

Ладно! Пусть Эдик Лозовский над ней смеялся, но Митрофан-то Фомич сказал, что такая машина нужна! Значит, нужно на деле изобрести такую машину и утереть нос этому противному типу с усиками, показать этому зазнавшемуся пижону, кто такая Людмила Пролеткина!

И Люся начала изобретать. Она не пошла домой, она стала петлять по улицам, по переулкам... Прохожие недоуменно поглядывали на странную девочку с длинными, как червяки, ногами и хорошеньким овальным личиком. Она шла носками внутрь, заложив руки за спину. Она шла, широко открыв глаза, но ничего не видя. Людям приходилось сторониться, чтобы не столкнуться с ней; когда она переходила улицы, машины скрежетали тормозами, а шоферы ругались.

Но ничего у Люси не вышло. Никогда в жизни она не изобретала. Она просто не знала, с чего начать. Побродив так с полчаса, Заноза направилась домой.

РАЗГОВОР У ПОДЪЕЗДА

— Эй! — окликнул кто-то ее, когда она вошла во двор.

Люся увидела Митю Клюквина, который учился в параллельном классе, а жил на одной площадке с ней.

Заноза остановилась. Клюквин подошел к ней.

— Слушай! — заговорил он быстро, отрывисто и деловито. — Мне Тетеркина сейчас рассказала... Как над тобой в классе насмехались... А я сразу понял, что это — дело, и сразу пошел к тебе. Я тебя здесь уже целый час жду. — Заметив, что Заноза ничего не понимает, Клюквин приостановился на секунду и продолжал: — Одним словом, так: хочешь вместе поломоечную машину изобретать?

Люся не сразу ответила. Она долго и внимательно разглядывала своего лопоухого соседа.

— А ты умеешь изобретать? — тихо спросила она.

— Ты что, про мой автомат не слыхала? — с удивлением спросил Клюквин.

Люся молча покачала головой.

— Понимаешь, такой ящик, а на нем надпись: «Автомат по продаже спичек». Опускаешь копейку, а в окошечке появляется еще надпись: «Автомат не работает». О нем весь дом знает. Я, наверное, копеек тридцать заработал... Все опускают, а никто не обижается: смеются только.

Тут Люся вспомнила, что она действительно что-то слышала об автоматическом мошеннике Мити Клюквина. А Клюквин, не дав ей слова вымолвить, продолжал:

— Я и поломоечную машину почти изобрел.

Люся смотрела на Митьку. Врет он или не врет? Только сейчас она убедилась, что не может даже подступиться к такому делу, как изобретательство, а этот лопоухий уже говорит «почти изобрел».

— Ну дальше! — сказала Заноза.

— Электрополотер! Понимаешь? — проговорил Клюквин.

Люся отрицательно помотала головой.

— Мне Тетеркина рассказала, как ты предложила поломоечную машину изобрести... Я сразу понял, что это — дело, и пошел к тебе... Прихожу, а твоя бабушка электрическим полотером пол натирает. Я как посмотрел на этот полотер, так у меня шарики и завертелись: ведь можно же этим полотером полы мыть! Полил пол водой, а полотер надраивает. И можно даже сделать, знаешь, как? Можно сделать так, что и воду ведрами не надо таскать... Можно купить кишку, вроде как у клизмы, только длинную-длинную... Кишку надеть на кран умывальный, провести в класс и из нее поливать... Понимаешь? А?

Никогда в жизни Люся не испытывала столько переживаний, как за один сегодняшний день. То она ликовала, возомнив, что сделала изобретение; потом она ушла из клуба, как оплеванная, поняв, что ее «изобретение» еще вовсе не изобретение; потом она решила, что изобретать могут только люди какие-то совсем особенные... И вот теперь перед ней стоял круглоголовый, с торчащими ушами Митька и предлагал удивительно простую вещь: мыть полы не щеткой, а полотером. Что это, изобретение?

Люся прикинула в уме: натирать пол гораздо легче электрополотером, чем обычной щеткой. Значит, и мыть его будет легче, если только водить по нему полотером, а драить его будут щетки.

Заноза очень пристально смотрела в круглые Митькины глаза.

— Слушай, а почему ты говоришь, что почти изобрел?

Клюквин ответил:

— Потому что я придумал, как мыть пол, а как его насухо вытирать, еще не придумал. А это самая грязная работа. Только сначала полотер испытать надо: будет он мыть или нет? А то, может, я чего-нибудь не учел?

— А как... испытать? Кишку надо купить?

— Сначала можно без кишки... Просто из чайника будем поливать. Главное — проверить, хватит у него силы, чтоб мыть, или нет.

Заноза очень близко придвинула свой нос к носу Клюквина. Между носами она поставила торчком указательный палец.

— Митька, слушай меня: никуда сегодня из квартиры не выходи. Как только наши уйдут, я тебе позвоню. Митька, ты будешь сидеть дома?

— Ага. Буду,— понизив голос, ответил Клюквин, и они разошлись.

В тот день Люся похудела, наверное, не меньше чем на кило: так изнервничалась.

Когда она пришла домой, Маши не было, а бабушка сказала, что собирается ехать в ГУМ. Люся проглотила свой обед за пять минут, лишь бы не задерживать бабушку. Бабушка уже надела пальто, как вдруг заметила, что рукав его испачкан масляной краской. (Как видно, она задела где-то за свежевыкрашенную дверь.) Бабушка сняла пальто и стала отчищать краску тряпочкой, смоченной в бензине, потом она сходила к соседке и попросила у нее пятновыводитель. Когда пальто было вычищено, бабушка сказала, что к обеду она не успеет (она обедала с папой и мамой), и решила пообедать сейчас. Потом зазвонил телефон, и бабушка с полчаса разговаривала по каким-то делам совета пенсионеров. Когда она наконец ушла, звать Митьку было уже поздно: вот-вот должны были явиться родители. За обедом папа с мамой заговорили о том, что надо сегодня же навестить тетю Веру, что это безобразие — так долго не навещать больную старуху. Люся возликовала: тетя Вера жила очень далеко, за Новыми Черемушками. Но пока папа с мамой собирались, вернулась из ГУМа бабушка, а за ней явилась Машка.

Поговорить с Клюквиным по телефону Люся не могла. Она то и дело выходила на площадку, звонила в квартиру Клюквиных и, вызвав Митьку, шептала:

— Еще совсем немножко подожди. Минут через пятнадцать уйдут!

Так оба и протомились, пока их не уложили спать. Зато на следующий день изобретателям повезло. Когда сестры вернулись из школы, на столе в кухне они нашли записку: «Вернусь нескоро. Обедайте сами. Бабушка». После обеда Маша сразу уехала покупать медный купорос для своей гальванопластики. Когда Самбо ушла, Люся почему-то на цыпочках подбежала к телефону, быстро набрала номер и впервые произнесла два слова, которые потом повторяла много раз:

— Митька! Иди!

Клюквин тотчас явился, дожевывая котлету и картошку. Они достали из стенного шкафа полотер. (На них, как всегда, упала раскладушка.) Полотер втащили в кухню.

— Тесновато тут,— сказал Клюквин.— Давай вынесем этот стол и эти стулья! Чтобы уж испытания так испытания!

И они, пыхтя и надрываясь, выволокли из кухни обеденный стол, вынесли все стулья.

Испытания начались. Клюквин поставил электрополотер посреди кухни. Он еще не отстегнул защелку, державшую ручку, и та стояла торчком.

— В чайнике вода есть? — спросил он, разматывая шнур.

Заноза приподняла с плиты чайник и молча кивнула головой.

От волнения ей трудно было говорить.

— Когда я скажу, ты лей. Только потихоньку лей... а я буду орудовать.

— Куда лить? — тихо спросила Заноза.

— Ну, на пол, конечно. Не мне же на голову! — Клюквин вставил вилку в штепсель, и тут же оба вытаращили глаза: полотер взвыл и волчком завертелся на одном месте, наматывая на ручку длинный провод.

Митька быстро выдернул вилку, подбежал к полотеру и схватил его. Оказалось, что выключатель на ручке был поставлен в положение «включено».

Клюквин прижал ладонь к груди и посмотрел на Люсю.

— Фу ты!..— вздохнул он.— У меня даже сердце бьется, так перепугался.

— Он... он прямо, как живой, затанцевал,— пролепетала Люся.

Отдышавшись немного, Митя опять вставил вилку в розетку. На этот раз полотер не пустился в пляс. В доме Клюквиных электрополотера не было, но Митя хорошо изучил эту машину, потому что часто помогал натирать полы своей соседке по квартире. Он нажал ногой на защелку и, взявшись за ручку, поставил ее в наклонное положение.

— Ну... начнем? — сказал он, взглянув на Люсю круглыми голубыми глазками. Он был очень серьезен. Даже бледен.

Заноза молча кивнула.

— Лей! — очень тихо скомандовал Митька.

Люся наклонила чайник, и тоненькая струйка воды полилась на пол. По линолеуму потекли два ручейка: один направился в сторону холодильника, другой — к двери.

— Зигзагами лей,— сказал Клюквин, все еще не включая полотера.

Люся стала покачивать чайник. На полу теперь появились зигзагообразные полосы. Они постепенно растекались, сливаясь в ровную лужу.

— Хватит! — скомандовал Клюквин.

Люся отошла в сторону. Митька включил полотер, тэт завыл. Изобретатель вдвинул его в лужу, площадь которой достигала уже квадратного метра.

Не отрывая глаз от лужи, Заноза медленно пятилась к подоконнику.

— Моет! — воскликнула она.— Митька! Ведь он же моет!

— Во! Моет! — расплывшись в улыбке, подтвердил Клюквин.

Полотер действительно мыл. Вода, которую баламутили щетки и которая брызгами летела во все стороны, стала совсем мутной.

Вой полотера изменился. Он стал низким, прерывистым. Ручка полотера отчаянно дергалась и дрожала в ладонях у Клюквина. Но изобретатели не обращали на это внимания. Митька вошел в азарт.

— Давай лей еще! Сюда лей! Уж испытывать так испытывать! — закричал он под рев полотера.

Люся стала поливать из чайника уже полной струей, а Клюквин принялся водить машину по всей кухне. Наконец он выключил полотер. Наступила удивительно приятная тишина. В кухне пахло горячим машинным маслом. Заноза и Клюквин смотрели друг на друга и счастливо улыбались.

— Митька! — наконец сказала Люся.— Я сколько лет учусь с тобой в одной школе и даже не знала, что у тебя такая голова!

Клюквин пропустил эту похвалу мимо ушей. Он снова заговорил, что сделана только половина дела, что надо механизировать удаление с пола воды.

— Ты вот чего,— сказал он,— ты достань тряпку и вытирай пол, а я посмотрю, что тут можно придумать.

Заноза извлекла из-под мойки тряпку и стала вытирать ею мокрый пол. Изобретатель следил за каждым ее движением: он наклонялся, держась руками за колени; он садился на корточки, глядя, как Люся возит тряпкой по полу; он подымался на цыпочки и вытягивал шею, когда Люся выжимала тряпку над мойкой. Однако на сей раз он ничего придумать не смог. Он попрощался с Занозой, сказал, что позвонит, как только у него появится какая-нибудь идея. А вечером для Люси началась жизнь, которую в книжках зовут жизнью на вулкане.

НЕПРИЯТНОСТИ

Сначала все было очень хорошо. Папа, который работал начальником геодезической партии и которому до смерти надоели командировки, сегодня узнал, что ему уезжать не через неделю, а через два месяца; мама, работавшая юрисконсультом, сегодня отсудила в пользу своего завода двенадцать тысяч рублей с какого-то другого предприятия; бабушка была очень довольна, что наконец-то выгнали из совета пенсионеров некоего Крынкина, клеветника и склочника. Кроме того, у нее отлично получилось новое блюдо — треска с майонезом, запеченная в духовке. Когда у взрослых в семье настроение хорошее, тогда и детям не на что жаловаться. После ужина никто не ушел из кухни, все остались сидеть за столом. Папа, облаченный в теплую пижаму, читал журнал «Наука и жизнь», мама вязала себе джемпер. Папа прочел вслух несколько анекдотов из отдела юмора, мама рассказала о том, как глупо себя вел юрисконсульт «Кожгалантереи». Все очень смеялись.

Тут бабушка решила внести свою лепту в общее веселье. Она откинулась на спинку стула, скрестила руки на полной груди и сказала, хитро улыбаясь:

— Ну, а теперь, граждане, интересно было бы узнать, что это вытворяла наша Мария сегодня на кухне.

Маша выпрямилась и широко открыла глаза.

— На кухне?

— Да, именно здесь, на кухне.

— Когда?

— А вот тогда, когда никого в доме не было. И ты, милая, не прикидывайся, у меня тоже наблюдательность есть.

Маша замотала головой.

— Ничего не понимаю!

— Не понимаешь? Ах, ты, значит, не понимаешь? А кто сегодня в кухне пол мыл? — с торжеством вопросила бабушка и, прищурив левый глаз, уставилась на Машу правым.

Только теперь Заноза смекнула, в чем дело. Ей стало не по себе. Маша тупо смотрела на бабушку.

— Пол?..— машинально переспросила она.

Папа с мамой переглянулись.

— По правде сказать, я тоже ничего не понимаю,— пробормотала мама.— Михаил, а ты что-нибудь понимаешь?

— Гм! Я тоже что-то не очень...

И тут бабушка рассказала, как она вернулась домой, как вошла на кухню и как ей бросился в глаза чисто вымытый пол, который она только собиралась сегодня вечером вымыть.

— Да не мыла я никакого вашего пола! — уже громко воскликнула Маша.— Понимаете, не мыла!

Мама склонила голову набок и опустила вязанье к себе на колени.

— Маша! — укоризненно сказала она.— Ну, до чего же ты все-таки тяжелый человек! Ну, чего ты злишься? Ведь бабушка тебя ни в чем не обвиняет. Бабушка прекрасно понимает, что ты могла нечаянно разлить или рассыпать какие-нибудь химикалии... Пойми ты, что ничего тут дурного нет. Наоборот, это хорошо, что ты догадалась убрать за собой. Какая ты...

Мама не договорила, а Заноза съежилась. Сидевшая с ней рядом Самбо поднялась со стула. Серые глаза ее сузились, скуластое лицо порозовело.

— А я говорю, что я вашего пола не мыла,— сказала она глухим басом, затем она уперлась кулаками в бока, посопела немного и закричала сквозь слезы уже во весь голос:— Я вашего пола не мыла! Ясно вам? Не мыла! Не мыла!

Треснула дверь, ведущая из кухни в переднюю, хлопнула дверь, ведущая из передней на лестницу. Оставшиеся молчали по крайней мере минуту.

— Что за характер все-таки! — вздохнула мама.

Папа смотрел на Люсю.

— Люська, а ты случайно не того?.. Пол не мыла?

Едва только бабушка завела разговор о поле, Люся стала напряженно думать, как ей поступить. Сказать, что это она вымыла пол? Но тогда ее спросят, зачем она это сделала. Сказать, что ей захотелось помочь бабушке? Но в такую добродетельность едва ли кто-нибудь поверит. Значит, честно рассказать про поломоечную машину? Но тогда придется поведать и о том, как мочили в воде электрополотер, а Люся не была уверена, что бабушка это одобрит.

Пока Заноза раздумывала обо всем этом, Маша уже раскричалась, захлопала дверьми, и Люся поняла, что признаваться в чем-нибудь уже поздно. Она слегка пожала плечами и взглянула на папу с грустным удивлением:

— Ну, папа... ну, ты скажи: зачем мне это нужно?

Бабушка вздохнула и покачала головой.

— Что я люблю в своих внучках, так это откровенность,— сказала она.— Пол кто-то из них вымыл из каких-то своих тайных побуждений... Хотя бы из вежливости могли бы соврать, что хотели сделать приятное бабушке. Так нет: «Зачем мне это нужно» — и все тут!

Заноза пожелала взрослым спокойной ночи и удалилась к себе в комнату. Там она быстренько разделась и юркнула под одеяло. Она еще не спала, когда явилась Маша. Люся притворилась спящей, но потом ей захотелось посмотреть, что поделывает ее сестра. Она открыла один глаз как раз в тот момент, когда Маша, держа в руках чулок, пристально смотрела прямо ей в лицо. Самбо дернула подбородком и погрозила Занозе кулаком, а та быстро закрыла глаз.

Утром Самбо проснулась в прекрасном настроении и даже не вспоминала о вчерашнем разговоре. После обеда Люсе позвонил Клюквин и шепотом сказал, чтобы она вышла во двор.

— У тебя двадцать копеек есть? — спросил он, когда они встретились.

— Есть.

— Тогда давай, а то у меня не хватает. Мы сейчас кишку купим.

— Какую кишку?

— От клизмы... ну, для поломойки нашей. У нас в аптеке такую кишку продают — во всей Москве не найдешь!

И он объяснил, что трубки для клизмы обычно продаются уже нарезанными метра по полтора, а тут он увидел в аптеке огромный моток, от которого продавец может отрезать хоть три метра, хоть пять — словом, сколько попросишь.

— А как вытирать пол, ты придумал? — спросила Люся.

— Нет, пока не придумал. Мы сегодня знаешь что сделаем? Прицепим кишку к полотеру, а другой конец — к водопроводному крану. Поглядим, как полотер с кишкой работает.

Сначала Люсе показалось, что нетрудно без всяких испытаний представить себе, как будет работать полотер с кишкой. Потом она вспомнила, что ничего не понимает в технике, и решила не перечить Клюквину. Она только спросила, нельзя ли на этот раз произвести испытания у него в квартире, но Клюквин сказал, что у них квартира коммунальная: там на кухне всегда торчит кто-нибудь из соседей.

И снова, оставшись одна, Заноза позвонила по телефону, тихо сказала: «Митька! Иди!» Клюквин явился с пятиметровой кишкой, один конец которой они привязали к ручке полотера, а другой — с большим трудом надели на водопроводный кран. Снова они водили полотером по мокрому полу, пока от машины не запахло горелым. Клюквин сказал, что вполне удовлетворен испытаниями и что теперь он вплотную приступит к вопросу об откачке воды.

Папа и мама вернулись поздно ночью, а бабушка и Самбо пришли домой еще засветло. Люся была уверена, что бабушка на этот раз не обратит внимания на пол; к ее приходу он уже высох, к тому же он утром был еще совсем чистый. Но вот бабушка ушла на кухню, провела там не больше минуты и вышла оттуда с поджатыми губами и неподвижным лицом. Так она и проходила весь день с поджатыми губами. На внучек она не смотрела, а когда они к ней обращались с чем-нибудь, еле отвечала. Заноза сразу смекнула, в чем дело, и помалкивала, с тревогой поглядывая на старушку.

— Бабушка, чего это с тобой? — наконец спросила она. — Чем ты расстроена?

— Оставь меня в покое,— скорбно и сухо ответила бабушка и удалилась из комнаты.

— Что это с ней? — спросила Маша сестру.

— Ничего не понимаю! — пожала плечами Люся.

И только вечером, когда сестры улеглись спать и потушили свет, бабушка внезапно появилась на пороге.

— Весь день, Машка, ждала, когда ты скажешь правду. И так и не дождалась. Ну, не стыдно тебе, Машка, а?

Самбо села на постели.

— Ну, где я не сказала правду? Где?

— А помнишь, когда мы встретились во дворе, я тебя спросила: «Ну как, надеюсь, ты сегодня пол не мыла?»

— Ну, я ответила: «Не мыла». И еще я сказала: «Чего вы все пристали ко мне с вашим полом!»

Бабушка покачала головой и подняла указательный палец.

— Вот именно! А я, между прочим, сегодня утром на пол специально чернилами накапала, и именно там, где никто не ходит. А к вечеру все пятна исчезли. Стыдно, Мария!

Бабушка тихонько прикрыла дверь, оставив сестер в полумраке.

Заноза очень быстро сообразила, что сейчас произойдет, и успела приготовиться к обороне. Пока Самбо вставала с постели, пока она, сжав кулаки, шла в одной ночной сорочке к Люсе, та быстро вскочила на кровати, прижалась спиной к стене и широко-широко открыла рот. Самбо поняла, что сейчас раздастся такой визг, что не только домашние сбегутся, но и соседи в стену застучат.

А еще через день Клюквин подошел к Люсе и сказал, что у него есть новая идея: надо сзади привязать

к электрополотеру тряпку. Полотер будет мыть пол, а тряпка — вытирать его. Люся уже не рада была, что связалась с изобретателем, но она все-таки впустила его, когда все из дома ушли.

С тряпкой ничего не получилось. Ее то и дело приходилось отцеплять от полотера, чтобы выжать воду. Вечером дела в семье приняли совсем скверный оборот. Бабушка впервые заметила грязные брызги на кафельных стенах и показала их маме. Тут мама, помогавшая бабушке мыть посуду, не выдержала: она сказала, что это в конце концов просто безобразие — пачкать новую квартиру, которую с таким трудом получили.

В кухню вошел папа. Он только что принял ванну и был одет в пижаму, которая ему очень шла. Небольшого роста, худощавый, он был сейчас как-то особенно хладнокровен.

— Значит, таким образом, — сказал он сестрам, постукивая мундштуком папиросы по крышке портсигара. — Я не хочу оскорблять Марию необоснованными подозрениями: может быть, виновата она, а может быть, Людмила. Так что разбирайтесь между собой сами. Но предупреждаю: если это еще раз повторится, будете наказаны обе. Пусть ту, из-за которой пострадала невиновная, мучает совесть.

Больше папа ничего не сказал. Ничего не сказали ни мама, ни бабушка. И даже Мария на этот раз не устроила истерики. Весь вечер она не промолвила ни слова, только громко сопела. Занозе было ужас как не по себе: ведь затишье перед бурей всегда страшнее самой бури.

Бури так и не последовало, но Занозе от этого не стало легче. Дома, пока сестры одевались и завтракали, Самбо как-то очень странно на Люсю поглядывала. В школе на переменах Маша шепталась со своей подругой Ирой, и, встречая Люсю, они тоже как-то странно поглядывали на нее.

Однажды мимо по коридору пробежал Клюквин. Он на две секунды задержался возле Люси.

— Люська! Все! Готово изобретение! — сказал он, торжествующе улыбаясь. — Сегодня звони!

— Ну, знаешь, Клюквин! — начала было Заноза, но изобретатель уже не слышал ее: он спешил куда-то с компанией других мальчишек.

А после уроков случилось такое, что Люся решила не ссориться с Клюквиным. Сбегая по лестнице в раздевалку, она столкнулась с Эдиком Лозовским и Митрофаном Фомичом. Эдик заулыбался и преувеличенно вежливо поклонился ей, а Митрофан Фомич положил ей на темя большую мягкую ладонь.

— Ну-с... как же: не придумала еще, как осуществить свою идею?

— Еще... я... еще не придумала,— тихо ответила Люся.

— Ну, думай, думай! А то я, знаешь ли, хочу предложить работать над этой темой своим конструкторам. Вот, например, товарищ Лозовский наконец понял, что над такой задачей стоит поломать голову. Я не ошибаюсь, товарищ Лозовский?

Высокий, стройный Лозовский опять улыбнулся.

— Нет. Совершенно верно,— сказал он, обращаясь к Люсе, и опять поклонился.

Заноза даже не сообразила, что надо что-нибудь ответить. Она пошла прочь, так осторожно ступая, словно боялась разбудить спящего. Сам Митрофан Фомич торопит ее с изобретением! Сам Эдик Лозовский собирается ломать себе голову над задачей, которую предложила она, Людмила Пролеткина! Нет! Она еще помнит, как он издевательски хохотал над ней. Нет! Нельзя допустить, чтобы этот воображала сам изобрел поломоечную машину! Надо утереть ему нос! Надо опередить его!

Люся бросилась искать Митю Клюквина, но он уже из школы ушел.

А дома она застала у Маши ту же Иру, и они все так же шептались и все так же странно поглядывали на нее. А потом они удалились в комнату родителей, где был телефон. Закрыли дверь и кому-то звонили, и при этом Ирка говорила так тихо, что Заноза, как ни прислушивалась, ничего не могла разобрать. А потом Ирка ушла, но вскоре к Маше пришел кто-то другой.

А потом Заноза заглянула в комнату к Машке и увидела там знаменитого на всю школу сыщика Петю Калача...

А потом бабушка вынула из стенного шкафа мокрый полотер...

А потом, потом вы сами знаете, что произошло.

ЗАНОЗА НАХОДИТ ВЫХОД

Итак, значит, изобретатели тихонько удалились из кухни, оставив детектива взаперти под мойкой. Они вошли в комнату к Люсе и там долго стояли в молчании, хлопая глазами друг перед другом. Сыщик покричал, покричал, чтобы его выпустили, но скоро затих.

— Пылесос спалили, полотер, наверно, тоже это самое...— вполголоса подвел итоги Клюквин.

Люся трагически смотрела на него большими карими глазами.

— Митька, а ты знаешь, что мне теперь будет? Мне теперь в семье лучше не жить!

Изобретатель дернул носом и вытер его рукавом.

— «Что мне будет!», «что мне будет!» — передразнил он.— У тебя отец хотя бы культурный, а у меня, знаешь, какой? Чуть что — и за ремень.

Клюквин скривил рот, часто задышал и стал вытирать рукавом уже не нос, а глаза.

— Мальчишка, а еще ревет,— прошипела Заноза.— Как будто меня Машка не отколотит. Придумать надо что-нибудь, а не реветь.

— Попробуй придумай! — всхлипнул изобретатель.

Заложив руки за спину, Люся деловито зашагала по комнате.

Изобретатель все еще всхлипывал. Из кухни послышался стук и голос детектива:

— Эй, откройте, слышите! Все равно вам никуда не уйти!

Заноза остановилась. Когда детектив перестал кричать, она приблизилась к Клюквину и сказала:

— А вот я и придумала: нам из дома надо уйти.

Митя перестал плакать.

— Куда уйти? — спросил он.

Люся не сразу ответила. Она на цыпочках вышла в переднюю и прислушалась к тому, что делается в кухне. Оттуда не доносилось ни звука. Тогда она вернулась в комнату и прикрыла за собой дверь.

— Понимаешь, мы должны уйти из дома и оставить записку: «Дорогие, там, папа, мама и все такое... Мы понимаем, что вы нас никогда не простите, и поэтому навсегда уходим из дома и будем сами зарабатывать себе на жизнь, и вы нас никогда не увидите». Понимаешь?

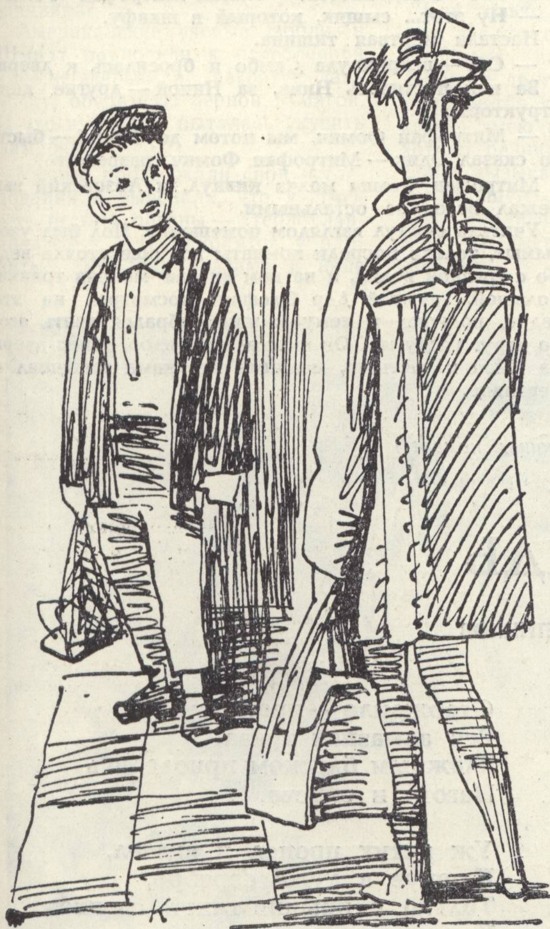
Клюквин обалдело смотрел на невозмутимую Занозу. В глазах у него уже не было ни одной слезинки.

— Как это — «навсегда ушли из дома»? Ты чего?.. А где мы будем жить?

Заноза смерила его таким взглядом, что он почувствовал себя круглым дураком.

— Знаешь, Клюквин, ты хоть и изобретатель, но все-таки ты какой-то недоразвитый. Нигде нам не надо жить. Покатаемся в метро, и все.

— А... а...— начал было Клюквин и умолк.
— «А»! «А»! — передразнила Заноза.— Ты что, не понимаешь? Мы только напишем в записке, что убежали навсегда, а ночью вернемся.
— Да ведь еще больше попадет! — почти во весь голос вскрикнул Клюквин.
— Ой! С тобой говорить... Ну, прямо... Ведь в том-то и дело, что вовсе не попадет! Ты что, родителей не знаешь? Они так рады будут, что мы наконец нашлись, что даже не вспомнят о каком-то там пылесосе.
Люсе еще долго пришлось уговаривать Митьку, прежде чем он понял, что другого выхода нет.
— Ладно,— сказал он.— Схожу пальто надену.
— И вещи какие-нибудь захвати,— приказала Заноза.— Рубашку там, штаны. Хлеба кусок... Как будто мы взаправду навсегда уходим.
Клюквин ушел. Люся быстро натолкала в дерматиновую хозяйственную сумку всяких носильных вещей и продуктов. Потом вырвала из тетрадки листок и нацарапала послание родителям.
Митька задержался. От нечего делать Заноза направилась в кухню, прихватив с собой сумку.
— Эй ты, сыщик! — сказала она вполголоса.— Сидишь?
Детектив под мойкой заворочался. Как видно, ему было уже совсем невмоготу: голос его прерывался, и в нем слышались жалобные нотки:
— Послушай! Ну, ну, давай по-хорошему... Ведь я сломаю же дверь, и все!

— И будешь отвечать, если сломаешь. Знаешь, такая мойка сколько стоит!
— Слушай! Выпусти, говорю! Чего ты этим добьешься?
— Машка тебя посадила, пусть она тебя и выпускает.— Люся помолчала.— А ты знаешь вообще, что ты наделал? Мы с Митькой теперь должны из дома убежать. Навсегда! И нас родные никогда больше не увидят. Ни мама, ни бабушка, ни папа, ни твоя Машка! — Заноза так ясно представила себе вечную разлуку с близкими, что голос ее слегка задрожал.— И все из-за тебя! В другой раз будешь знать, как соваться в чужие дела!
— Убежите? — прохрипело под мойкой.— Нет, это дудки!
Дверца мойки содрогнулась. Но то ли замок оказался прочнее, чем рассчитывал Петя, то ли сам он ослабел, так долго просидев, скрючившись,— дверца не поддалась. Увидев, однако, как она шатается, Заноза отступила в переднюю.
— Скажи Машке, что я записку в комнате оставила! — крикнула она и вышла на площадку лестницы. Там она встретила Митю, выходившего из своей квартиры. Он показал ей авоську, набитую каким-то тряпьем.
— Еле выбрался с этой штукой. Мать дома: то в кухню уйдет, то в комнату войдет, то в кухню уйдет, то в комнату войдет...

СОБЫТИЯ РАЗВОРАЧИВАЮТСЯ

Каждый месяц в Клубе юных конструкторов производилась генеральная уборка. В такие дни все инструменты и приборы тщательно протирались, а если нужно, то и смазывались. Устаревшие модели разбирались или просто выбрасывались.
Из шкафов удаляли все детали, все обрезки материалов, которые уже не могли пойти в дело.
Конечно, не все члены клуба одновременно занимались уборкой. Для этого назначались дежурные, по одному от каждого кружка. Так как в клубе было девять кружков, то и уборщиков обычно было девять человек.
Маша навела порядок в шкафу кружка электрохимиков, потом вместе с авиамоделисткой Ниной Изюминой взялась за мытье полов.
Воду для девочек таскал сам Эдик Лозовский. Смелая, большеглазая Самбо ему очень нравилась. Он жалел, что не может пригласить ее в кино: все-таки неудобно — он в девятом классе, а она в седьмом. Кроме того, Эдик уважал Машу как большого специалиста по гальваностегии и гальванопластике. Маша умела никелировать различные детали; многие девочки в школе носили медные брошки, выращенные ею в растворе купороса, а потом посеребренные с помощью ляписа, купленного в аптеке. Да что там брошки! С помощью своих одноклассников Маша изготовляла тончайшие медные трубочки для различных приборов, медные копии шестеренок, храповиков и других деталей, из которых она многие делала по заказам Эдика.
Во время уборки ребята, конечно, не только работали, но и болтали. Охотно принимал участие в этих разговорах и Митрофан Фомич. То же самое происходило и сегодня, но Самбо не слышала, что говорят вокруг. Мысленно она была у себя на кухне. Что делает сейчас Петька? Привела ли Заноза своего четырехпалого сообщника? Удастся ли детективу поймать с поличным заговорщиков? И тут ее словно что-то ударило в голову: да ведь она же захлоп-

нула дверцу шкафа! Детективу теперь не выбраться из-под мойки!

Отчаянно торопясь, она протерла насухо свой участок пола, сбегала к умывальнику вымыть руки и, вернувшись в клуб, подошла к учителю, который разговаривал о чем-то с Эдиком Лозовским.

— Митрофан Фомич, разрешите мне уйти. Я очень спешу.

— Вот тебе раз! — прогудел Дер Элефант.— А мы как раз хотели тебе новую работу предложить. Ты что-нибудь слышала о печатных схемах?

— Ага.— Самбо кивнула и оглянулась на дверь.

— Вот мы и хотели, чтобы ты производство печатного монтажа наладила,— сказал Эдик.— Для карманных приемников и радиоуправляемых моделей. Для тебя это — ерундовое дело. Согласна?

— Согласна, только... только я, право, очень спешу. Вы извините меня, Митрофан Фомич.

Эдик пригляделся к Маше и, когда она повернулась, чтобы уходить, мягко взял ее за локоть.

— Постой, Самбушка! Ты что-то расстроена. Митрофан Фомич, посмотрите на нее: лица нет!

— Какие-нибудь неприятности? — спросил Дер Элефант.

Самбо не сочла нужным что-нибудь скрывать. Чтобы ее не задерживали, она решила все объяснить.

— Никаких особых неприятностей нет, а просто... ну, в общем, у меня под мойкой Петя Калач сидит.

— Что?.. — спросил Эдик.

— Где, ты говоришь, сидит? — спросил Митрофан Фомич.

— Ну, в кухне. В шкафу под мойкой. Петя Калач.

На несколько секунд воцарилось молчание.

— Гм! — сказал Митрофан Фомич.— А ты не объяснишь нам, на какой предмет он это самое?..

Маша оглянулась и поняла, что ей без объяснений не уйти. Как только она сказала, что у нее под мойкой сидит Петя Калач, все уборщики, конечно, побросали работу. Теперь они стояли вокруг нее плотным кольцом. И Самбо торопливо рассказала всем про таинственную историю с вымытым полом, про то, как она заперла Петю под мойкой, и про то, что лишь пять минут назад она сообразила, что дверца открывается только снаружи.

Затем снова на некоторое время воцарилось молчание. Уборщики недоуменно переглядывались между собой. Но вот долговязый Лозовский наклонился и заглянул Маше в глаза.

— Самбушка! Ты что, с Луны свалилась? Ты не знаешь, чем занимается твоя сестра? Да она же поломоечную машину изобретает!

Самбо тупо смотрела на Эдика.

— Как это изобретает?

— Изобретает машину для мытья полов. Тебе что, не ясно?

— Люська? — спросила Самбо.

— Что Люська? — в свою очередь, спросил Эдик.

— Люська изобретает?..

Юные конструкторы загалдели.

— Ну, Люська, конечно!

— Она поломоечную машину изобретает.

— Ну, машину, чтобы полы мыть.

— Митрофан Фомич, ничего себе! Половина клуба про это знает, а родной сестре ничего не известно!

— Да. Удивительно! — пробормотал Дер Элефант.

И Самбо узнала о том, как ее сестра явилась в клуб и заявила, что у нее есть идея, и как Эдик расхохотался над этой идеей, и как Митрофан Фомич счел идею заслуживающей внимания.

В помещении было очень шумно. Рассказывая обо всем этом, ребята ужасно галдели, перебивали друг друга. Молчал только щуплый, узколицый Юра Достоинов—единственный шестиклассник в Клубе юных конструкторов. И вдруг, когда настала пауза, этот Юра тихо спросил:

— А он не задохнется?

— Кто не задохнется? — сказал Митрофан Фомич.

— Ну этот... сыщик, который в шкафу.

Настала мертвая тишина.

— Ой! — вскрикнула Самбо и бросилась к двери.

За ней пустилась Нина, за Ниной — другие конструкторы.

— Митрофан Фомич, мы потом доуберем! — быстро сказал Эдик.— Митрофан Фомич, разрешите?

Митрофан Фомич молча кивнул, и Лозовский выбежал вслед за остальными.

Учитель окинул взглядом помещение. Пол был уже вымыт, только посреди комнаты все еще стояло ведро с грязной водой, и на нем висела мокрая тряпка. Большой, грузный Дер Элефант посмотрел на это ведро, подошел к нему и уже собрался взять его, но вдруг раздумал. Он вышел в коридор, запер дверь на ключ и частыми, мелкими шажками заспешил к лестнице.

(Окончание в следующем номере.)

ДОЖДЬ

Григорий ПЕТНИКОВ

Дождь, мальчишка босоногий,
Без рубашки, голый дождь!
Вон бежит он без дороги,
Голенастый, среди рощ.

Пляшет в травах, по долине
Дождь-подстега, дождь косой,
Пахнет чистой парусиной,
Коноплею и землей.

Отдождило — просветлело,
Вся алмазная трава.
Влажным блеском приоделись
Нагота и синева.

Уж петух пропел и вышел,
Клюнув в луже серебро,
Только с крыши тихий слышен
Крупных капель разговор.

Темными ночами выползают на охоту змеи. Медленно скользят они среди песков, камней и травы. Вокруг — непроглядная тьма, но это им не помеха. Мгновение — и стальная пружина, стремительно развернувшись, настигает свою жертву. Промахов почти не бывает.

Ученых давно интересовал вопрос: откуда у змеи такая меткость? Ведь вокруг темно, тихо, бывает, что и шороха притаившегося зверька не слышно.

Было хорошо известно, что зрение у змеи неплохое. Но видит ли она ночью так же, как днем? Ученые проделали такой опыт: лишили зрения гремучую змею и поднесли к ней зверька — она бросилась на свою жертву так же стремительно и точно, как и зрячая. Значит, не глаза...

Но может быть, температура тела животного влияет на поведение хищника?

Американские ученые Нобли и Шмидт подносили к ослепленной змее не зверька, а... нагретую лампочку, обернутую черной бумагой. И что же? Змея пыталась укусить лампочку.

Ученые продолжали свои исследования и выяснили, что у змеи есть особые органы — «теплоулавливатели». Они находятся у ядовитых змей под глазами в виде двух небольших ямок, а у неядовитых — питонов и удавов — на губах. Если перерезать нерв, подходящий к этим углублениям, змея перестанет замечать даже очень теплые предметы.

Как же устроен этот удивительный орган?

Тончайшей перегородкой «теплоулавливатель» разделен на две камеры. Во внутренней — всегда температура окружающей среды. Через узкий канал туда свободно проникает воздух. А наружная камера образует широкую воронку. Поворачивая голову, змея как бы «шарит» вокруг себя этой воронкой.

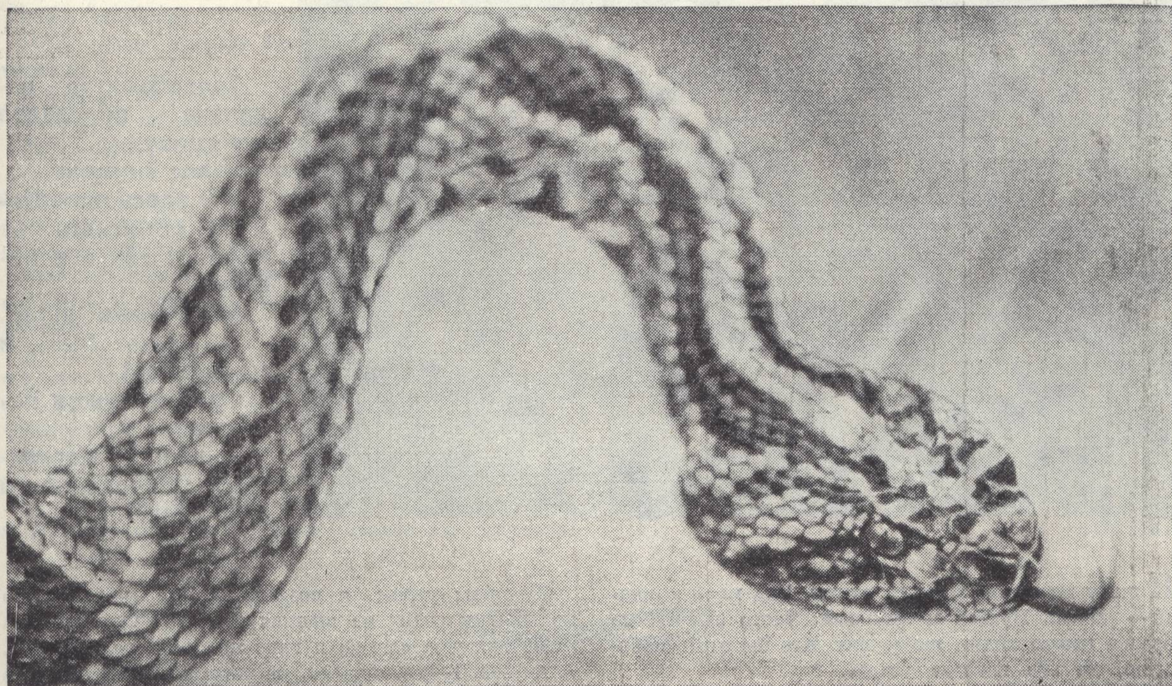
Как только впереди змеи появилось что-то теплое — сразу же перегородка нагревается спереди. А ведь в другой камере все время сохраняется температура окружающего змею воздуха! И эта крохотная разница температур мгновенно вызывает колебания нерва, подходящего к перегородке. Сигнал молниеносно передается в мозг — и змея бросается на свою жертву.

Достаточно ничтожной разницы между температурой тела животного и температурой воздуха — всего 0,2° Цельсия! — чтобы змея почувствовала эту разницу, точно определила положение зверька и настигла его. И это не случайно: ведь животные, которыми питаются змеи — мыши, птицы,— обычно маленькие, и тепла от них идет не так уж много, да оно еще сильно рассеивается в воздухе.

А что произойдет, если змея встретит холоднокровное животное, например, лягушку? Тело лягушки холоднее окружающего воздуха. И снова в передней и задней камерах будет разная температура, и в результате мозг снова получит сигнал о нападении.

Воронки «теплоулавливателей» своими широкими концами направлены вперед и особенно надежно работают непосредственно перед самой мордой змеи, на расстоянии не больше 30—35 сантиметров. А если к неподвижной змее поднести нагретый предмет со стороны хвоста, она его не заметит.

И. ВАЛЬЦЕВА

А ты куришь?

Телеобъектив издалека подглядел эту сцену.

И вот снимок.

Что здесь происходит — объяснять не надо. И так все понятно.

Мальчишки курят.

А может быть, и ты куришь!

Срочно нужно поговорить.

Только договоримся: спокойно и откровенно.

Я живу на самом верхнем этаже. Над моей комнатой — чердак. Пустой и пыльный. Часто слышу: на чердаке кто-то ходит, шебуршит. Кто бы это? Любопытно, да все некогда узнать.

Однажды утром я поднимаюсь на чердак. Два мальчишки сидят на ящиках и курят. Один увидел меня, крикнул «атас!» и вниз по лестнице, убежал. А другой, Вовка, остался, не убежал. На самом деле

его зовут не Вовкой, а совсем по-другому. Но давайте условимся, что здесь он будет зваться Вовкой.

Он сидит и держит сигарету.

— Вовка, дай и мне закурить.

Протянул пачку «Дуката».

Сидим на ящиках, и хочется мне у Вовки спросить:

«Зачем куришь?»

Да понимаю, что глупо. Он мне скажет:

«А вы зачем?»

Это ведь уже не малыш, а двенадцатилетний парень, имеет он свое мнение и свои понятия о том, что хорошо, а что нет.

Вот он сидит рядом со мной, зеленый, пот на лбу, и дымит.

— Матери не говорите, — начинает Вовка.

— Не скажу.

Сидим. Вовка подходит к слуховому окошку, глотает воздух.

— Сигареты у тебя дрянные.

— А вы какие курите?

— «Новость», с фильтром.

— «Новость» — это начальные,— говорит Вовка со знанием дела.—Их одни начальники курят. А я—«Памир». Знаете, дяденька нарисован с палкой. Или вот «Дукат». Они дешевые.

— Но ведь и дешевые денег стоят. Где же ты их берешь?

— Когда как,— отвечает Вовка уклончиво.

И я все-таки задаю вопрос:

— А зачем куришь?

Вовка пожимает плечами.

— Так просто. Все курят.

Это честный ответ. Мальчишка начинает курить, потому что курят другие мальчишки.

Я смотрю на Вовку. Он отворачивается от дыма и жмурится.

— Тебе противно курить?

Вовка задумывается. Потом говорит:

— Не очень. Тошнит вот только. Но это, говорят, пройдет.

Я пошире раскрываю окно и говорю:

— Садись на этот ящик, здесь ветерок.

Вовка пересаживается, как будто просто так.

— Знаете, я даже ревел сначала, никак не мог научиться курить. Как затянусь — кашляю, слезы льются. А ребята, конечно, смеются. Мы с Сережкой сюда, на чердак, специально тренироваться ходим. Лешка из седьмого может четыре сигареты подряд выкурить, и ничего. А раньше, говорят, тоже закашливался.

И такое восхищение Лешкой в Вовкиных глазах, что мне хочется сказать: «Не горюй, и ты научишься». Но я этого не говорю. Мне совсем не хочется, чтобы Вовка выкуривал четыре. И даже одну. Но как сказать об этом Вовке? Он понимает это дело по-своему. Ему не хочется отставать от других мальчишек, тех, что постарше. А может быть, он прав? Разве это плохо — не отставать? Курить вредно для здоровья.

Ну и что? Разве это важно?

А если не важно, тогда в чем же дело? Почему взрослые не хотят, чтобы ребята курили?

Я смотрю на Вовку. Он хороший мальчишка — честный и смелый. Смотрю и думаю: а все-таки Вовка недостаточно смелый. Боится насмешек. Ведь если бы не страх, не оглядка — что ребята скажут,— не курил бы.

Ему хочется быть взрослым. Но взрослеют по-разному. Один покупает гантели. Другой учится водить грузовик или мотоцикл. Третий идет в трудный поход и спит холодной ночью на голой земле. Это в сто раз труднее, чем взять в зубы папиросу, чиркнуть спичкой. Куришь — и дружки тебя считают бывалым парнем. И сам себя тоже начинаешь уважать.

Взрослые курить не велят, ругают, а ты прячешься в подвале, в уборной, на чердаке, за старым сараем и дымишь. А если кто идет — «атас!» — и сигарету в рукав. И жуешь чай, чтобы дома от тебя не пахло табаком. И пускаешься на всякие хитрости, чтобы раздобыть двугривенный на сигареты. Интересно. И другие мальчишки-курильщики переживают похожие трудности. Это объединяет: общая тайна, общий интерес — вот уже и компания. Дружба.

— Витек, оставь покурить.

— Серега, вот пятак, я тебе должен.

— Сашка, сбегай за куревом, до звонка еще есть время.

И Витек оставляет, и Сашка бежит. Товарищество! Легкие правила — и дружба легкая, на табачном дыму замешанная.

Взрослые курят, скажешь ты,— и ничего. Во-первых, и взрослые курят не все. Гагарин не курит. И Юрий Власов не курит. Почти все курящие люди хотели бы бросить курить. Но втянулись, привыкли за много лет — и бросить трудно, не хватает силы воли: слишком въелась дурная привычка. Мальчишка хочет быть похожим на взрослого. Мальчишка курит напоказ, он пижонит. Ведь что такое пижонство? Это — желание выглядеть, казаться таким-то и таким-то. Не быть, а казаться. Главное для такого человека не то, какой он на самом деле, а то, что о нем скажут, что в нем увидят другие. И мальчишки «выкаблучиваются» друг перед дружкой. Ему противно, его мутит, он кашляет, а делает вид, что без сигареты жить не может — такое наслаждение, ну, просто восторг. Притворство? Факт. От трусости, от малодушия. Подлаживаются под других только слабые, трусливые люди.

А может быть, это не так? И ты человек смелый? И куришь ты не из-за того, что неудобно отказаться. Напиши нам. Можно не подписываться. Ответь на два вопроса:

1. ПОЧЕМУ ТЫ КУРИШЬ?
2. МОГ БЫ ТЫ БРОСИТЬ КУРИТЬ?

Разговор мы продолжим в следующем номере.

Л. МАТВЕЕВА

Друг, рядом!

Советы юным собаководам

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР, НАЧАТЫЙ В ПРОШЛОМ НОМЕРЕ.

В ТВОЕМ ДОМЕ ЖИВЕТ ЩЕНОК. К НЕМУ УЖЕ ПРИВЫКЛИ ДОМАШНИЕ, И ОН СТАЛ ВСЕОБЩИМ ЛЮБИМЦЕМ. НО НЕ НУЖНО СЛИШКОМ БАЛОВАТЬ ЕГО. ПОМНИ, ЧТО ИМЕННО В ЩЕНЯЧЬЕМ ВОЗРАСТЕ ФОРМИРУЕТСЯ ХАРАКТЕР СОБАКИ. УДАСТСЯ ЛИ ТЕБЕ ЗАКАЛИТЬ НЕРВНУЮ СИСТЕМУ ЩЕНКА, ПРИВИТЬ ЕМУ ЛЮБОВЬ И ПРЕДАННОСТЬ, СМЕЛОСТЬ И ВЫНОСЛИВОСТЬ — ЭТО РЕШАЕТСЯ СЕЙЧАС, В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ЖИЗНИ ЩЕНКА.

ПРАВИЛА ЩЕНЯЧЬЕГО ПОВЕДЕНИЯ

НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

В твоей семье сложился определенный распорядок дня, и, чтобы щенок не был никому в тягость, нужно научить его правилам поведения в доме и на улице.

Если в квартире уборка, щенок должен спокойно лежать на своем месте, а не бегать за щеткой. Корми его тоже только в определенном месте. Когда ты делаешь уроки, он должен быть на своем месте и не мешать тебе.

Приучи его после прогулки терпеливо ждать у двери, пока ты оботрешь ему грязные лапы.

А когда вы с ним спускаетесь по лестнице, отправляясь на прогулку, следи, чтобы щенок не бежал вниз, а шел рядом с тобой. Иначе он привыкнет спускаться по лестнице бегом, и его трудно будет отучить от этой привычки, когда он вырастет. А взрослая собака, несущаяся по лестнице, будет пугать соседей.

КОГДА ПРИХОДЯТ ГОСТИ

Сначала щенок будет ко всем ласкаться. Нужно отучить его и предупредить знакомых, чтобы они не кормили и не ласкали щенка. Ни в коем случае чужие не должны его пугать или наказывать!

После того, как щенок обнюхал вошедшего, можно дать ему команду: «место!» Если щенок, услышав стук в дверь или увидев чужого, залает — похвали его, погладь, но ни в коем случае не бей и не науськивай щенка. Если маленького щенка часто злить, он становится нервозным.

Если щенок пристает к гостям, дай команду: «ко мне!», — усади около себя или отправь на место.

Не нужно хвалить щенка, если он лает на идущих мимо вашей квартиры, вверх или вниз по лестнице. Пройдет время — и он перестанет реагировать на проходящих и будет лаять только на звонок или стук в вашу дверь.

ЧТОБЫ ЩЕНОК БЫЛ СМЕЛЫМ

Чтобы щенок был смелым, не боялся шума, людей, нужно чаще гулять с ним по шумным улицам и каждый раз изменять маршрут. Чем старше становится щенок, тем дольше нужно гулять с ним.

Испугался щенок на улице чего-то — приласкай его, дай что-нибудь вкусное. Он должен чувствовать, что хозяин рядом и защитит его от беды. Показывай ему, что тебе не страшно. Боится пройти по доске через канаву — пройди сам, вернись и, ласково разговаривая с ним, пройди снова.

Приучай его прыгать сначала через низкие заборчики газонов, с крылечек, со скамеек, постепенно увеличивая высоту. Если ему страшно — перепрыгни сам, а потом помоги и ему перебраться.

Собака будет трусливой, если ты или твои друзья будут ее бить и пугать.

Свою собаку Чару я старался воспитать смелой, когда она была еще щенком, и потом она легко поддавалась дрессировке. Я сдал с ней общий курс дрессировки и защитно-караульную службу на диплом первой степени, а потом передал ее для охраны особо важных объектов.

Олег Сапронов

Это очень интересный вид спорта — буксировка лыжника собакой. Джипси, новая воспитанница Олега Сапронова, за буксировку была награждена серебряным жетоном.

ЩЕНЯЧЬИ ИГРУШКИ

Если у щенка будут свои игрушки (резиновые мячи и спринцовка), он не будет портить вещи и грызть мебель. Не позволяй ему играть со старыми вещами: обувью, чулками, щетками. Они ему скоро наскучат, и он займется новыми. После еды щенок с удовольствием будет играть с крупной вареной костью.

Когда играешь со щенком, не давай ему брать в рот свои руки. Он подрастет и будет больно кусать. Не разрешай щенку, когда он ласкается, прыгать на тебя или на других.

ПОМНИ ПОСЛОВИЦУ: «СОБАКА ВСЕГДА В ХОЗЯИНА»

Если ты неряха, разболтанный, не доводишь дело до конца, собака твоя вырастет неряхой, дрессировать ее будет трудно и дрессировщик из тебя не получится.

ПЕРВЫЕ КОМАНДЫ

МОЯ ЧАМПА

Моей Чампе четыре месяца. Это светло-палевый дог. Раньше у меня была овчарка Ральф, сейчас она в школе подготовки пограничных собак.

«Место!» — это была первая команда, которую Чампа услышала у нас в доме. Когда в первый день она уснула там, где ее застал сон, я подошла и сказала: «место!» Чампа только посмотрела на меня с удивлением. Я повторила команду, отнесла ее на подстилку и еще раз повторила: «место!» Мне пришлось помучиться, прежде чем Чампа поняла, что при слове «место» нужно уходить на свою подстилку.

Одновременно с этой первой командой я учила Чампу команде «ко мне!». Когда мне нужно было ее покормить или хотелось поиграть с ней, я звала ласковым голосом: «Чампочка, ко мне!» Она быстро поняла, что нужно делать, когда у меня в руках была чашка с кормом. А если она кому-то мешает и нужно ее отозвать, я иду на хитрость: зову ее и делаю вид, что нашла что-то на полу. Она любопытная, как все щенки. Сразу подбегает посмотреть. В этот момент я повторяю: «Ко мне!» — и, говоря: «Хорошо, Чампа!» — даю лакомство.

То же делаю, когда на улице Чампа заглядится на прохожих или заиграется. Веселым голосом я даю команду: «ко мне!» — и делаю вид, что убегаю. Чампа не может видеть убегающую хозяйку и догоняет, а я не забываю ее приласкать.

В нашем клубе мы твердо запомнили одно правило: никогда не наказывай подошедшую к тебе собаку и не беги за собакой, когда подзываешь ее. Это правило очень помогло мне, когда я учила Чампу первым командам.

Наташа учит Чампу команде «сидеть!» — лакомство в правой руке над головой щенка. Собака следит за рукой и неподвижно сидит, ожидая награды.

Если Чампа делает то, чего нельзя, я говорю строгим голосом: «Фу!» Это запрещающая команда. Одновременно вытаскиваю у нее изо рта кость или веник, которые она схватила. А теперь при слове «фу» она сама их бросает.

Наташа Володина

КАК «ГОВОРИТЬ» СО ЩЕНКОМ

Обращаться со щенком нужно спокойно и справедливо. Он не понимает человеческую речь, только запоминает звучание слов и интонации твоего голоса. Не заменяй слова команды другими словами, близкими по смыслу, но которые звучат иначе. Например, нельзя команду «ко мне» заменять словами «иди сюда». А команду «сидеть» — словами «сядь» или «посиди». Команда всегда должна звучать одинаково.

Не надоедай щенку: ему тоже нужно иногда полежать спокойно.

Не повторяй команду больше трех раз подряд.

ВОЛЯ

Так зовут мою годовалую овчарку. Я ее не случайно так назвал. Ведь если воспитываешь собаку, нужно и себя воспитывать, тренировать свою волю, выдержку — не раздражаться, не отступать, быть терпеливым и настойчивым.

Сейчас Воля знает все команды, входящие в общий курс дрессировки, и я собираюсь с ней сдавать на диплом. Расскажу, как я учил ее первым командам. Ей было два месяца, когда она узнала команду «сидеть». Это ей трудно удавалось — такой у нее подвижный и веселый характер.

«Апорт!» — любимая команда Воли. Она с нетерпением ждет, когда Саша бросит палку.

Я подзывал Волю к себе, показывал лакомство и поднимал руку с лакомством над ее головой, чуть назад, и одновременно говорил: «Воля, сидеть». Ей хотелось взять лакомство — она запрокидывала голову и садилась. Я тут же хвалил ее: «Хорошо, сидеть!» и отдавал лакомство. Очень скоро, услышав команду, Воля стала садиться в ожидании лакомства. Я ее не обманывал — всегда ласкал и давал маленький кусочек лакомства.

У Воли есть любимая команда — «апорт». Начали мы учить ее с трех месяцев. Брошу игрушку и кричу веселым голосом: «Апорт!». Она схватит игрушку, а я в этот момент отбегаю и зову ее к себе. Как только она подбежит — показываю лакомство и говорю: «Дай!». В обмен на лакомство Воля отдает игрушку.

В этом же возрасте Воля начала учиться не бояться высоты. На прогулках я подходил к скамейкам, осторожно ставил Волю на скамейку и, говоря «вперед», вел по доске, поддерживая за шлейку. Когда она стала сама ходить по доске, я научил ее подниматься по бревну — снова давал знакомую команду «вперед».

Заранее я стал готовить Волю к выводке щенков, которую проводит клуб служебного собаководства. Судьи обязательно смотрят правильность прикуса. По команде «сидеть» я усаживал Волю и потом осторожно раздвигал ее губы, обнажая спереди зубы. В этот момент она слышала новую команду: «покажи зубы». После этого — лакомство. Сейчас Воля спокойно относится к тому, что я смотрю у нее зубы, не пытается открыть рот или вертеть головой.

Саша Зотов

СЛЕДИ ЗА ЗДОРОВЬЕМ ЩЕНКА

Еще раз напоминаем, что как только у тебя появился щенок, сразу же зарегистрируй его в обществе охотников или в клубе служебного собаководства. И обязательно в ветеринарной поликлинике вашего района.

Если щенок плохо ест, вялый, скучный, если у него сухой и горячий нос, немедленно обратись к ветеринарному врачу. У здорового щенка шерсть блестит, настроение хорошее.

ХОЗЯЙСТВО ТВОЕГО ЩЕНКА

Для прогулок со щенком сшей шлейку из мягкой кожи, тесьмы или простроченного в несколько раз материала. Шлейку нужно подогнать по росту щенка. Она не мешает ему, не стесняет в движениях.

Все вещи щенка должны лежать на определенном месте: шлейка вместе с прогулочным длинным поводком (такие поводки нужны ребятам, живущим в районах с большим уличным движением: там нельзя пустить щенка свободно побегать). Тут же должен лежать «апорт» (игрушка, которую щенок носит по команде), щетка и расческа.

Не разбрасывай по квартире вещи своего питомца.

ПРАВИЛЬНО ЛИ РАЗВИВАЕТСЯ ТВОЙ ЩЕНОК

Чтобы ты смог выяснить это, научись правильно измерять щенка и сравни результаты с нашей таблицей.

Для этого тебе понадобится угольник и мягкий сантиметр. Угольник сделай из двух брусков, скрепленных под прямым углом. Сантиметр надо прикрепить в том месте, где соединяются бруски. Основной

Саша Левов показывает, как правильно измерять высоту собаки в холке.

промер — высота — измеряется угольником, как это показано на снимке. Обхват груди измеряется мягким сантиметром за передними ногами. Все измерения нужно делать, когда щенок стоит.

Саша Левов

ЕСТЬ РЕБЯТА, КОТОРЫЕ НЕ МОГУТ В ОДИНОЧКУ КУПИТЬ СОБАКУ ИЛИ ИМ НЕ РАЗРЕШАЮТ ПОСТОЯННО ДЕРЖАТЬ ЕЕ ДОМА. МЫ РАССКАЖЕМ, КАК У СОБАКИ БЫЛ КОЛЛЕКТИВНЫЙ ХОЗЯИН. НА ЭТОТ РАЗ ТАКИМ ХОЗЯИНОМ БЫЛИ ТРИ ПОДРУЖКИ, А МОЖЕТ БЫТЬ И ЗВЕНО ИЛИ ОТРЯД. ЩЕНОК ЖИВЕТ КАК БЫ В ДРУЖНОЙ СЕМЬЕ, ГДЕ МНОГО ДЕТЕЙ, И ЛЮБИТ ВСЕХ СВОИХ ХОЗЯЕВ.

НАШ ДАР

Мы решили коллективно вырастить щенка и подарить его пограничникам.

За щенком поехали пять человек. Выбрали щенка, которому было четыре месяца. Клички у него не было. Хотели назвать его Подарок, но, подумав, сократили и назвали Дар. Надели ошейник и поводок, но он идти не захотел: мешал ошейник. Мы с трудом добрались до электрички, а в городе спрятали Дара в рюкзак, и мальчики по очереди несли его.

В рюкзаке он проехал в метро мимо всех контролеров, потому что молчал и не шевелился — так его напугал шум в метро.

Мне первой доверили нашего Дара. В комнате он увидел себя в зеркале и очень обрадовался. Он рычал и прыгал перед зеркалом и сердился, что «приятель» не хочет с ним поиграть. Дар прожил у меня десять дней, научился ходить на поводке, научился правильно вести себя в доме. Начал даже лаять на посторонних.

Дар любит всех одинаково: и Ариадну, и Олю, и Иру.

Мы мечтаем вырастить Дара сильным и смелым, а летом хотим отвезти его в подарок пограничникам, туда, где уже служит наш первый подарок — Пират. Мы его подарили в прошлом году. Сейчас он уже, наверное, прошел школу и работает на охране границы. Мы хотим повидаться с Борисом Лебедевым, которому вручили Пирата, и с его боевыми друзьями-пограничниками.

Ира Душкина

Таблица среднего роста **щенков** восточноевропейской овчарки

месячный возраст:	высота в холке	обхват пясти:	обхват груди:	вес:
1	22-27	8-10	36-45	3-5
2	33-40	10-12	47-55	8-10
3	43-49	11-12,5	55-62	12-15
4	50-56	11,5-13	60-69	15-20
5	55-60	12-13,5	65-74	20-25
6	58-64	12-14	69-78	25-30

«АНТЕЙ» — самый большой

Его высота — это высота четырехэтажного дома. Длина — пятьдесят пять с половиной метров. Самолет может взять на борт семьсот двадцать человек.

Целая школа, ваша школа, может свободно уместиться — и даже вместе с педсоветом! — внутри воздушного корабля-гиганта, созданного в конструкторском бюро Олега Константиновича Антонова.

«АН-22» назван «АН-ТЕЕМ».

Антей — имя древнего мифического героя, который черпал необоримую силу, прикасаясь к земле — к матери своей Гее.

А наш «АНТЕЙ», и отрываясь от земли, сохраняет свою великую мощь и силу.

Во Франции, на аэродроме Бурже, где открылся XXVI Международный салон аэронавтики и космоса, «АНТЕЙ» произвел неслыханную сенсацию — сбежались зрители, и долго не расходилась толпа, восхищенная советским самолетом.

Американцы до сих пор гордились своим мощным транспортным самолетом «СТАРЛИФЕРОМ-141». Они заявили на весь мир, что он может поднять в воздух тридцать две тонны. Потом оказалось, что не тридцать две, а только двадцать восемь с небольшим.

Наш «АНТЕЙ» может взять на борт восемьдесят тонн!

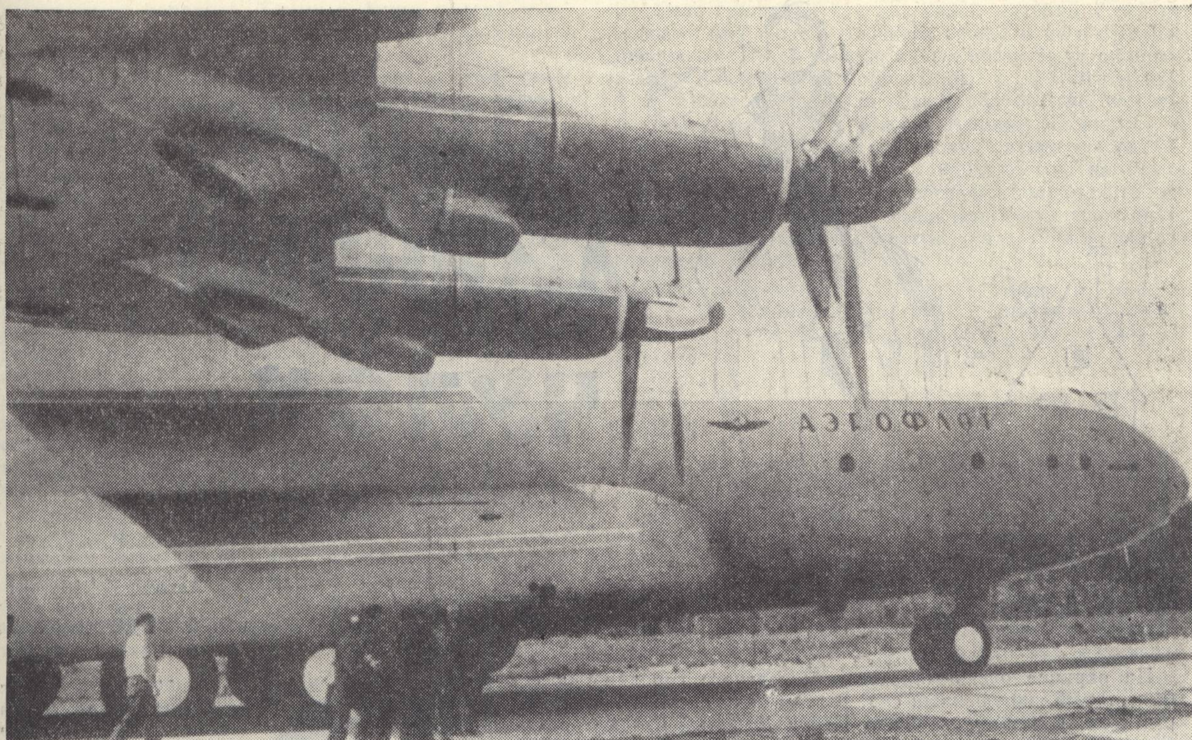
Есть разница?

«СТАРЛИФЕР» несет свои двадцать восемь тонн на шесть с половиной тысяч километров — и это его предел. А «АНТЕЙ», оторвавшись от земли с сорока пятью тоннами, легко пролетает одиннадцать тысяч километров.

Посмотри на фотографии. Это «АН-22» во всю свою гигантскую величину. Ты видишь, как из грузового люка «АН-22» выезжает автобус. Таких автобусов наш «АНТЕЙ» разом берет три штуки, или двенадцать тракторов может уместиться в нем.

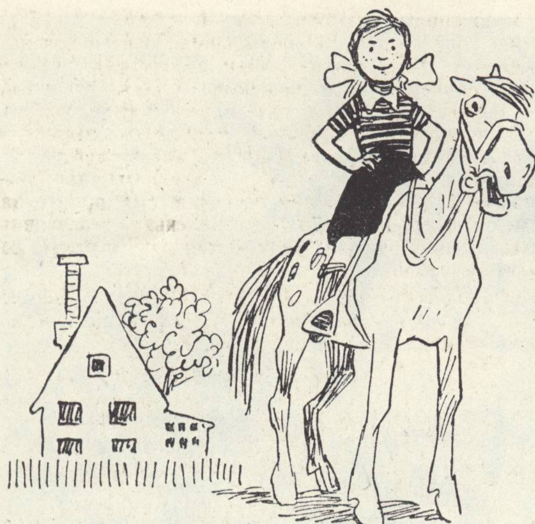
Скоро на воздушных трассах страны будет много «АНТЕЕВ». Конечно, ты сразу узнаешь его в воздухе.

А может быть, тебе повезет, и ты полетишь на «АНТЕЕ». Тогда обязательно расскажи нам об этом.

самолет в мире

ПЕППИ ДЛИННЫЙ ЧУЛОК

Главы из повести

Астрид ЛИНДГРЕН

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

ПЕППИ ПОСЕЛЯЕТСЯ В СВОЕЙ ВИЛЛЕ

На окраине очень маленького шведского городка был старый, запущенный сад. В этом саду стоял старый дом. В этом доме жила Пеппи Длинный чулок. Ей исполнилось девять лет, и, представьте, она жила там совсем одна. У нее не было ни папы, ни мамы, но, честно говоря, это имело свои преимущества: никто не гнал ее спать как раз в то время, когда лучше всего игралось, и никто не заставлял пить рыбий жир, когда хотелось есть конфеты.

Прежде у Пеппи был отец, и она его очень любила. Мама, конечно, у нее тоже когда-то была, но Пеппи ее уже совсем не помнила. Мама умерла давно, когда Пеппи была еще крошечной девочкой, лежала в коляске и так ужасно кричала, что никто не решался к ней подойти. Пеппи думала, что ее мама живет теперь на небе и сквозь маленькую дырочку смотрит оттуда на свою дочку. Поэтому Пеппи часто махала ей рукой и всякий раз приговаривала:

— Не бойся, я не пропаду!

Зато своего отца Пеппи помнила очень хорошо. Он был капитаном дальнего плавания, и его пароход бороздил моря и океаны. Пеппи никогда не разлучалась с отцом. Но вот однажды во время сильной бури огромная волна смыла его в море, и он исчез. Но Пеппи была уверена, что в один прекрасный день ее папа вернется,— она никак не могла себе представить, что он утонул. Она решила, что отец попал на остров, где жило много-много негров, стал их королем и день-деньской расхаживал с золотой короной на голове.

— Мой папа — негритянский король! Не у всякой девочки есть такой удивительный папа,— частенько с видимым удовольствием повторяла Пеппи.— И когда мой папа построит лодку, он приедет за мной и я стану негритянской принцессой. Гей-гоп! Вот будет здорово!

Этот старый дом, окруженный запущенным садом, отец купил много лет назад. Он собирался поселиться здесь с Пеппи, когда состарится и уже не сможет плавать по морям. Но после того, как папа исчез в море, Пеппи отправилась прямехонько в свою виллу, чтобы там дожидаться его возвращения. В комнатах стояла мебель, и, казалось, все было специально приготовлено для того, чтобы Пеппи могла здесь поселиться. Однажды тихим летним вечером Пеппи простилась с матросами на папином пароходе. Они так любили Пеппи, и Пеппи так любила их всех.

— Прощайте, ребята,— сказала Пеппи и поцеловала поочередно каждого в лоб.— Не бойтесь, я не пропаду!

Только две вещи взяла она с собой: маленькую обезьянку, которую звали господин Нильсен,— она получила ее в подарок от папы — да большой чемодан, набитый золотыми монетами. Матросы выстроились на палубе и глядели вслед девочке, пока она не скрылась из виду. Пеппи шла твердым шагом и ни разу не оглянулась. На плече у нее восседал господин Нильсен, а в руке она несла чемодан.

— Странная девочка,— сказал один из матросов, когда Пеппи исчезла за поворотом, и смахнул слезу.

Он был прав, Пеппи и в самом деле была странной девочкой. Больше всего поражала ее необычайная физическая сила, и не было на земле полицейского, который бы с ней справился. Она могла бы поднять лошадь, если бы захотела, и, знаете, она это частенько делала. Ведь у Пеппи была лошадь, которую она купила в тот самый день, когда поселилась в вилле. Пеппи всегда мечтала иметь лошадь. Лошадь жила у нее на террасе. А когда Пеппи хотелось после обеда выпить там чашечку кофе, она, недолго думая, выносила лошадь в сад.

По соседству с виллой находился другой дом, тоже окруженный садом. В этом доме жили папа, мама и двое маленьких милых ребятишек — мальчик и девочка. Мальчика звали Томми, а девочку — Аника. Это были славные, хорошо воспитанные и послушные дети. Томми никогда ни у кого ничего не выпрашивал и выполнял все мамины поручения. Аника не капризничала, когда не получала того, чего хотела, и всегда выглядела такой нарядной в своих чистеньких, аккуратно выглаженных ситцевых платьицах. Томми и Аника дружно играли в своем саду, но все-таки им не хватало товарища для игр, и они мечтали о нем. В то время, когда Пеппи еще плавала со сво-

им отцом на пароходе, Томми и Аника иногда залезали на забор, отделяющий сад виллы от их сада, и говорили:

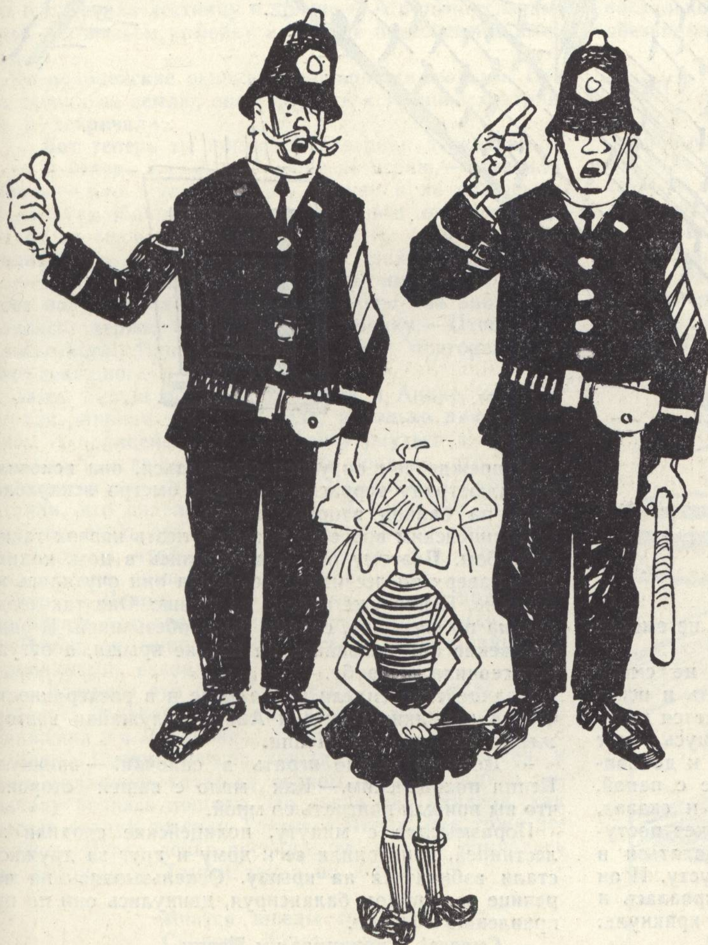
— Как жалко, что никто не живет в этом доме! Вот было бы хорошо, если б здесь поселился кто-нибудь с детьми!

В тот ясный летний вечер, когда Пеппи впервые переступила порог своей виллы, Томми и Аники не было дома. Они отправились на недельку к своей бабушке — погостить. Поэтому они и понятия не имели о том, что кто-то поселился в соседнем доме. На другой день после возвращения от бабушки они стояли у калитки и глядели на улицу, не зная еще, что так близко от них находится товарищ для игр. И как раз в тот момент, когда они обсуждали, чем бы им заняться, и не знали, сумеют ли они затеять какую-нибудь забавную игру, или день пройдет нудно, как всегда, когда не удается придумать ничего интересного, как раз в этот момент открылась калитка соседнего дома и на улицу выбежала маленькая девочка. Это была самая удивительная девочка из всех, которых когда-либо видели Томми и Аника.

Пеппи Длинный чулок отправлялась на утреннюю прогулку. И вот как она выглядела: волосы ее цвета морковки были заплетены в две тугие косички, торчавшие в разные стороны; нос походил на крошечную картофелину, да к тому же еще он был весь в крапинку — от веснушек; в большом широком рту сверкали белые зубы. Она хотела, чтобы платье у нее было синим, но так как синей материи у нее не хватило, она то там, то здесь вшила в него красные лоскуточки. На ее тонких, худых ногах были длинные чулки, причем один коричневый, а другой черный. А ее черные туфли были раза в два больше, чем надо. Папа купил их в Южной Африке, на вырост, и Пеппи ни за что не хотела носить другие туфли.

Но когда Томми и Аника увидели, что на плече незнакомой девочки сидит обезьяна, они просто застыли от изумления. Это была маленькая мартышка, одетая в синие брючки, желтую курточку и белую соломенную шляпу.

Тут и познакомилась Пеппи с Томми и Аникой. Много презабавнейших историй произошло с ними. О некоторых их приключениях вы узнаете из следующих глав.

ПЕППИ ИГРАЕТ С ПОЛИЦЕЙСКИМИ В САЛОЧКИ

Вскоре в маленьком городке разнесся слух, что девятилетняя девочка живет совершенно одна в заброшенной вилле. И взрослые этого городка сказали, что так дальше продолжаться не может. У всех детей должен быть кто-то, кто бы их воспитывал. Все дети должны ходить в школу и учить таблицу умножения. Поэтому взрослые решили, что эта маленькая девочка должна быть отправлена в детский дом. Однажды после обеда Пеппи пригласила Томми и Анику к себе пить кофе с блинчиками. Она расставила чашки прямо на ступеньках террасы. Там было так солнечно, и с клумб доносился аромат цветов. Господин Нильсен карабкался вверх и вниз по балюстраде, а лошадь время от времени тянула морду, чтобы получить блинчик.

— Как все-таки прекрасна жизнь! — промолвила Пеппи и вытянула ноги.

Как раз в этот момент распахнулась калитка и в сад вошли двое полицейских.

— Ах! — воскликнула Пеппи.— Что за счастливый день! Больше всего на свете я люблю полицейских, не считая, конечно, крема из ревеня.

И она двинулась навстречу полицейским, сияя счастливой улыбкой.

— Ты и есть та самая девочка, которая поселилась в этой вилле? — спросил один из полицейских.

— А вот и нет,— ответила Пеппи.— Я маленькая старушка и живу на третьем этаже в одном из домиков на другом конце города.

Пеппи ответила так потому, что хотела пошутить. Но полицейские не нашли эту шутку смешной, они строго сказали ей, чтобы она перестала дурачиться, а затем сообщили, что добрые люди решили предоставить ей место в детском доме.

— А я и так живу в детском доме,— ответила Пеппи.

— Что за вздор ты несешь! — вскричал полицейский.— Где же он находится, твой детский дом?

— Да вот здесь. Я дитя, а это мой дом. Значит, это и есть детский дом. А места, как видите, тут вполне хватает.

— О милая девочка, тебе этого не понять,— сказал другой полицейский и засмеялся.— Ты должна отправиться в настоящий детский дом, где тебя будут воспитывать.

— А в тот детский дом можно взять с собой лошадь?

— Конечно, нет! — ответил полицейский.

— Так я и думала,— мрачно сказала Пеппи.— Ну, а обезьянку?

— И обезьянку нельзя. Ты же сама это понимаешь.

— В таком случае пусть другие отправляются в детский дом, я туда не собираюсь!

— Но ведь тебе нужно ходить в школу.

— Почему это я должна ходить в школу?

— Чтобы научиться разным вещам.

— Каким это таким вещам? — не унималась Пеппи.

— Ну, самым разным. Всевозможным полезным вещам. Например, таблице умножения.

— Вот уже целых девять лет я прекрасно обхожусь без этой таблицы уважения,— ответила Пеппи,— значит, и дальше проживу без нее.

— Ну, подумай, как тебе будет неприятно, если ты на всю жизнь останешься такой незнайкой! Представь себе, ты вырастешь большой, и вдруг у тебя кто-нибудь спросит, как называется столица Португалии. А ты не сможешь ответить.

— Почему это я не смогу ответить? Я ему вот что скажу: «Если тебе уж так нужно узнать, какой главный город Португалии, то напиши прямо в Португалию, пусть они тебе растолкуют».

— И тебе не будет стыдно, что ты сама не смогла ответить?

— Возможно,— сказала Пеппи.— И я не смогу долго заснуть в тот вечер, буду все лежать и вспоминать: ну, а в самом деле, как же называется главный город Португалии? Но я скоро утешусь,— тут Пеппи сделала стойку, прошлась на руках и добавила,— потому что я ведь была в Лисабоне с папой.

Тогда вмешался первый полицейский и сказал, чтобы Пеппи не воображала, что она сможет поступать как хочет, что ей приказано отправляться в детский дом, и нечего больше болтать попусту. И он схватил ее за руку. Но Пеппи тут же вырвалась и слегка шлепнув полицейского по спине, крикнула:

— Я вас осалила! Теперь вам водить!

И прежде чем он успел опомниться, она вскочила на балюстраду террасы, а оттуда быстро вскарабкалась на балкон второго этажа.

Полицейским вовсе не хотелось лезть наверх таким способом. Поэтому они оба кинулись в дом, поднялись наверх по лестнице. Но, когда они очутились на балконе, Пеппи уже сидела на крыше. Она так ловко лазила по черепице, словно была обезьянкой. В одно мгновение она оказалась на коньке крыши, а оттуда перескочила на трубу.

Полицейские сидели на балконе и в растерянности чесали затылки. Томми и Аника с лужайки восторженно следили за Пеппи.

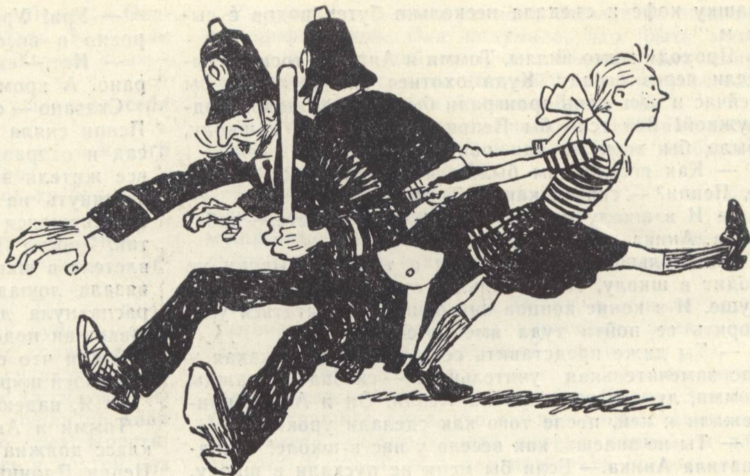
— До чего весело играть в салочки! — крикнула Пеппи полицейским.— Как мило с вашей стороны, что вы пришли поиграть со мной.

Поразмыслив с минуту, полицейские сходили за лестницей, прислонили ее к дому и друг за дружкой стали взбираться на крышу. Оскальзываясь на черепице и с трудом балансируя, двинулись они по направлению к Пеппи.

— Смелее! — крикнула им Пеппи.

Но когда полицейские почти доползли до Пеппи, она, смеясь и визжа, быстро спрыгнула с трубы и перебралась на другой скат крыши. На этой стороне рядом с домом росло дерево.

— Глядите, я падаю! — крикнула Пеппи и, прыгнув с карниза, повисла на ветке, покачалась на ней разок-другой, а затем ловко соскользнула вниз по стволу. Очутившись на земле, Пеппи обежала дом с другой стороны и отставила лестницу, по которой взобрались на крышу полицейские. Полицейские перепугались, когда Пеппи прыгнула на дерево. Но они просто пришли в ужас, увидев, что девочка унесла лестницу. Окончательно рассвирепев, они принялись кричать наперебой, чтобы Пеппи немедленно поставила лестницу на место, иначе они с ней не так поговорят.

— Чего вы сердитесь? — с упреком спросила их Пеппи.— Мы же играем в салочки, зачем же понапрасну сердиться?

Полицейские немного помолчали, и наконец один из них сказал смущенно:

— Послушай, девочка, будь добра, поставь назад лестницу, чтобы мы смогли спуститься.

— С удовольствием,— ответила Пеппи и тотчас же приставила лестницу к крыше.— А потом, если хотите, мы выпьем кофейку и вообще повеселимся вместе.

Но полицейские оказались коварными людьми. Едва ступив на землю, они кинулись к Пеппи, схватили ее и закричали:

— Вот теперь ты попалась, скверная девчонка!

— А теперь я с вами больше не играю,— ответила Пеппи.— Кто жулит в игре, с теми я не вожусь.— И, схватив обоих полицейских за пояса, она выволокла их из сада на улицу. Там она их отпустила. Но полицейские еще долго не могли прийти в себя.

— Одну минуточку! —крикнула им Пеппи и со всех ног бросилась на кухню. Вскоре она снова появилась, держа в руках по блинчику.— Отведайте, пожалуйста! Правда, они немножко подгорели, но это неважно.

Затем Пеппи подошла к Томми и Анике, которые стояли, широко раскрыв глаза, и только диву давались. А полицейские поспешили вернуться в город и сказали тем людям, которые их послали, что Пеппи не годится для детского дома. Полицейские, конечно, утаили, что сидели на крыше. И взрослые решили: раз так, пусть эта девочка живет себе на своей вилле. Главное, чтобы ходила в школу, а в остальном она вольна сама собой распоряжаться.

Что до Пеппи, Томми и Аники, то они прекрасно провели в тот день время. Сперва они допили кофе, и Пеппи, успешно справившись с четырнадцатью блинчиками, сказала:

— Все-таки это были какие-то ненастоящие полицейские: болтали что-то о детском доме, о таблице уважения и о Лисабоне...

Затем Пеппи вынесла лошадь с террасы в сад, и дети принялись кататься верхом. Правда, Аника поначалу боялась лошади. Но когда она увидела, как весело скачут по саду Томми и Пеппи, она тоже решилась. Пеппи ловко посадила ее, лошадь помчалась по дорожке, и Томми запел во все горло:

Мчатся шведы грохоча,
Схватка будет горяча!

Вечером, когда Томми и Аника легли в свои кроватки, Томми сказал:

— А ведь здорово, что Пеппи приехала сюда жить. Верно, Аника?

— Ну, конечно, здорово!

— Знаешь, я даже не помню, во что мы, собственно говоря, играли до нее?

— Мы играли в крокет, ну и в тому подобное. Но насколько с Пеппи веселее!.. А тут еще лошадь и обезьянка! А?..

ПЕППИ ИДЕТ В ШКОЛУ

Конечно, и Томми и Аника ходили в школу. Каждое утро ровно в восемь, взявшись за руки, с учебниками в сумках они отправлялись в путь.

Как раз в это время Пеппи больше всего любила ездить верхом на лошади, или наряжать господина Нильсена, или делать зарядку, которая заключалась в том, что, стоя прямо на полу, она сорок три раза подряд, не сгибаясь, словно аршин проглотила, подскакивала на месте. Затем Пеппи устраивалась у кухонного стола и в полном покое выпивала большую

чашку кофе и съедала несколько бутербродов с сыром.

Проходя мимо виллы, Томми и Аника с тоской глядели через ограду. Куда охотнее они свернули бы сейчас и весь день проиграли бы со своей новой подружкой! Вот если бы Пеппи тоже ходила в школу, было бы хоть не так обидно.

— Как весело нам было бы возвращаться домой, а, Пеппи? — сказал как-то Томми.

— И в школу мы бы тоже ходили вместе,— добавила Аника.

Чем больше ребята думали о том, что Пеппи не ходит в школу, тем печальнее становилось у них на душе. И в конце концов они решили попытаться уговорить ее пойти туда вместе с ними.

— Ты даже представить себе не можешь, какая у нас замечательная учительница,— сказал однажды Томми, лукаво взглянув на Пеппи. Он и Аника прибежали к ней, после того как сделали уроки.

— Ты не знаешь, как весело у нас в школе! — подхватила Аника.— Если бы меня не пускали в школу, я просто с ума бы сошла.

Пеппи, сидя на низенькой скамеечке, мыла ноги в огромном тазу. Она ничего не сказала в ответ и только принялась так брызгаться, что расплескала вокруг почти всю воду.

— Да и сидеть там надо недолго, только до двух часов,— снова начал Томми.

— Конечно,— в тон ему продолжала Аника.— А кроме того, бывают каникулы. Рождественские, пасхальные, летние...

Пеппи задумалась, но по-прежнему молчала. Вдруг она решительно вылила из таза остатки воды прямо на пол, так что замочила штаны господину Нильсену, который, сидя на полу, играл зеркалом.

— Это несправедливо,— строго сказала Пеппи, не обращая ни малейшего внимания ни на гнев господина Нильсена, ни на его залитые водой штаны.— Это совершенно несправедливо, и я не стану с этим мириться!

— Что несправедливо? — удивился Томми.

— Через четыре месяца будет рождество, и у вас начнутся рождественские каникулы. А у меня что начнется? — голос Пеппи зазвучал грустно.— Не будет у меня никаких рождественских каникул, даже самых маленьких,— продолжала она жалобно.— Это необходимо изменить. Я завтра же отправлюсь в школу.

От радости Томми и Аника захлопали в ладоши.

— Ура! Ура! Так мы тебя будем ждать завтра ровно в восемь у наших ворот.

— Нет,— сказала Пеппи.— Это для меня очень рано. А кроме того, я поеду туда верхом.

Сказано — сделано. Ровно в десять часов утра Пеппи сняла свою лошадь с террасы, вынесла ее в сад и отправилась в путь. Несколько минут спустя все жители этого городка кинулись к окнам, чтобы взглянуть на маленькую девочку, которую понесла взбесившаяся лошадь. На самом же деле все было не так. Просто Пеппи торопилась в школу. Она галопом влетела в школьный двор, спрыгнула на землю, привязала лошадь к дереву. Затем с таким грохотом распахнула дверь класса, что Томми, Аника и их товарищи подскочили на своих местах от неожиданности, и что есть мочи крикнула: «Привет!» — помахав своей широкополой шляпой.

— Я, надеюсь, не опоздала на таблицу уважения?

Томми и Аника предупредили учительницу, что в класс должна прийти новая девочка, которую зовут Пеппи Длинный чулок. Учительница и без того уже слышала о Пеппи. В маленьком городке о ней было немало толков. А так как учительница была милой и доброй, то она решила сделать все, чтобы Пеппи в школе понравилось.

Не дожидаясь приглашения, Пеппи уселась за пустую парту. Но учительница не сделала ей никакого замечания. Наоборот, она сказала очень приветливо:

— Добро пожаловать к нам в школу, милая Пеппи! Надеюсь, что тебе у нас понравится и что ты здесь многому научишься.

— А я надеюсь, что у меня будут рождественские каникулы,— ответила Пеппи.— Для этого я и пришла сюда. Справедливость прежде всего.

— Скажи мне, пожалуйста, твое полное имя. Я запишу тебя в список учеников.

— Меня зовут Пеппилотта-Виктуалия-Рульгардина - Крусминта, дочь капитана Ефраима Длинного чулка, «Грозы морей», а теперь негритянского короля. Собственно говоря, Пеппи — это уменьшительное имя. Мой папа считал, что Пеппилотта произносить слишком долго.

— Ясно,— сказала учительница.— Тогда мы тоже будем звать тебя Пеппи. А теперь давай поглядим, что ты знаешь. Ты уже большая девочка и, наверное, многое умеешь. Начнем с арифметики. Скажи, пожалуйста, Пеппи, сколько будет, если к семи прибавить пять.

Пеппи взглянула на учительницу с недоумением и недовольством.

— Если ты сама этого не знаешь, то неужели думаешь, что я стану считать за тебя? — ответила она учительнице.

У всех учеников глаза на лоб полезли от удивления. А учительница терпеливо объяснила, что так в школе не отвечают, что учительнице говорят «вы» и, обращаясь к ней, называют ее «фрекен».

— Простите, пожалуйста,— сказала Пеппи, смутившись.— Я этого не знала и больше так делать не буду.

— Надеюсь,— сказала учительница.— Вот ты не хотела считать за меня, а я сосчитаю за тебя: если к семи прибавить пять, получится двенадцать.

— Подумать только! — воскликнула Пеппи.— Оказывается, ты сама можешь это сосчитать. Зачем же ты у меня спрашивала?.. Ой, я опять сказала «ты»— простите, пожалуйста.

И в наказание Пеппи сама сильно ущипнула себя за ухо.

Учительница решила не обращать на это никакого внимания и задала следующий вопрос:

— Ну-с, Пеппи, а теперь скажи, сколько будет восемь и четыре?

— Думаю, шестьдесят семь,— ответила Пеппи.

— Неверно,— сказала учительница,— восемь и четыре будет двенадцать.

— Ну, старушка, это уж слишком! Ты же сама только что сказала, что пять и семь будет двенадцать. Какой-то порядок в школе тоже должен быть! А если уж тебе так хочется заниматься всеми этими подсчетами, то стала бы себе в уголок да считала бы на здоровье, а мы бы тем временем пошли во двор играть в салочки... Ой, я снова говорю «ты»! Простите меня в последний раз. Я постараюсь в другой раз вести себя лучше.

Учительница сказала, что она готова и на этот раз простить Пеппи. Но что сейчас, видно, не стоит продолжать задавать ей вопросы по арифметике, она лучше будет спрашивать других детей.

— Томми, реши, пожалуйста, такую задачу. У Лизы было семь яблок, а у Акселя — девять. Сколько яблок было у них вместе?

— Да, сосчитай-ка, Томми,— вмешалась вдруг Пеппи,— и, кроме того, скажи: почему у Акселя живот болел сильнее, чем у Лизы, и в чьем саду они нарвали эти яблоки?

Фрекен снова сделала вид, что ничего не слышала, и сказала, обращаясь к Анике:

— Ну, Аника, теперь ты сосчитай: Густав пошел со своими товарищами на экскурсию. Ему дали с собой одну крону, а вернулся он с семью эре. Сколько денег потратил Густав?

— А я хочу знать,— сказала Пеппи,— почему этот мальчишка так сорил деньгами? И что он купил на них: лимонаду или еще чего-нибудь другого? И хорошо ли он помыл уши, когда собирался на экскурсию?

Учительница решила сегодня больше не заниматься арифметикой. Она подумала, что, быть может, чтение у Пеппи пойдет лучше. Поэтому она вынула из шкафа картонку, на которой был нарисован ежик. Под рисунком стояла большая буква «Ё».

— Ну, Пеппи, сейчас я покажу тебе интересную вещь. Это Ё-е-е-е-жик. А буква, которая изображена вот тут, называется «Ё».

— Ну да? А я всегда думала, что «Ё» — это большая палочка с тремя маленькими поперек и двумя мушиными крапинками наверху. Скажите мне, пожалуйста, что общего имеет ежик с мушиными крапинками?

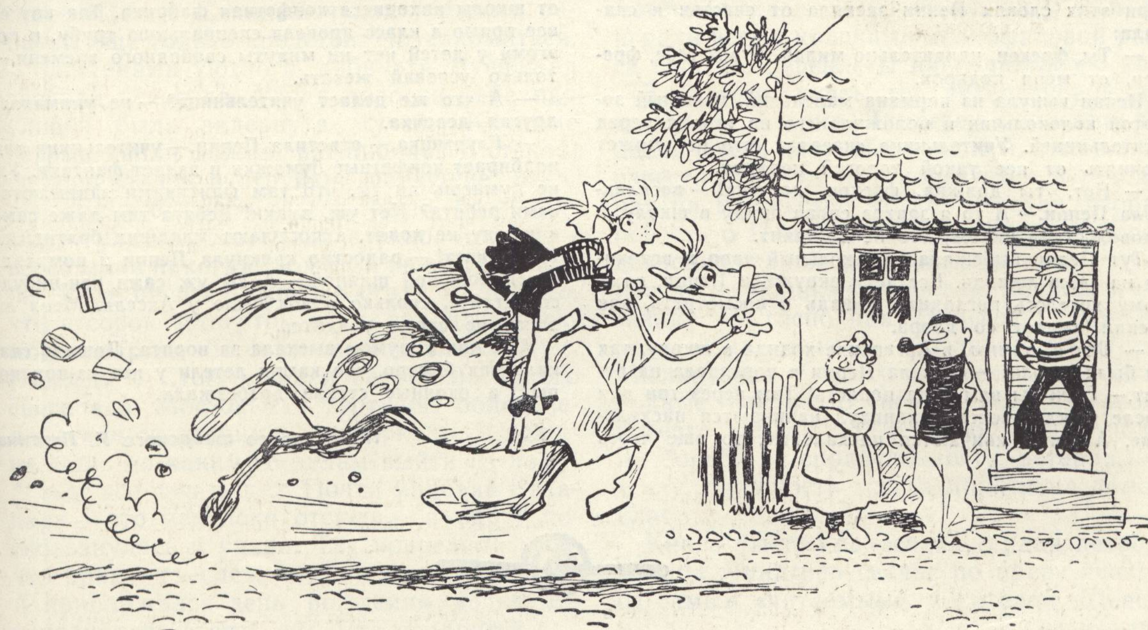
Учительница не ответила Пеппи, а вынула другую картонку, на которой была нарисована змея, и сказала, что буква под картинкой называется «З».

— О!! Когда говорят о змеях, я всегда вспоминаю, как я дралась с гигантской змеей в Индии. Это была такая страшная змея, что вы даже представить себе не можете,— четырнадцати метров длиной, и злая, как оса. Каждый день она пожирала по пять взрослых индийцев, а на закуску лакомилась двумя маленькими детьми. И вот однажды она решила полакомиться мною. Она обвилась вокруг меня, но я не растерялась и со всех сил стукнула ее по голове. Бах! Тут она как зашипит. А я ее еще раз — бац! И тогда она — ух! Да, да, вот точно так это было. Очень страшная история!..

Пеппи перевела дух, а учительница, которая к этому времени окончательно поняла, что Пеппи — трудный ребенок, предложила всему классу нарисовать что-нибудь. «Наверное, рисование увлечет Пеппи, и она хоть немного посидит спокойно»,— подумала фрекен и раздала ребятам бумагу и цветные карандаши.

— Вы можете рисовать все, что захочется,— сказала она и, сев за свой столик, принялась проверять тетради. Через минуту она подняла глаза, чтобы посмотреть, как дети рисуют, и обнаружила, что никто не рисовал, а все смотрели на Пеппи, которая, лежа ничком, рисовала на полу.

— Послушай, Пеппи,— с раздражением сказала фрекен,— почему ты не рисуешь на бумаге?

— Я давно уже ее всю изрисовала. Но портрет моей лошади не уместился на этом крошечном листке. Сейчас я рисую как раз передние ноги, а когда дойду до хвоста, мне придется выйти в коридор.

Учительница на минуту задумалась, но решила не сдаваться.

— А теперь, дети, встаньте, и мы споем песню,— предложила она.

Все дети поднялись со своих мест, все, кроме Пеппи, которая продолжала лежать на полу.

— Валяйте пойте, а я немного отдохну,— сказала она,— а то, если я запою, стекла полетят.

Но тут терпение у учительницы лопнуло, и она сказала детям, чтобы они все вышли погулять на школьный двор, а ей необходимо поговорить с Пеппи наедине. Как только все дети вышли, Пеппи поднялась с пола и подошла к столику учительницы.

— Знаешь что, фрекен,— сказала она,— я вот что думаю: мне было очень интересно прийти сюда и посмотреть, чем вы тут занимаетесь. Но больше мне сюда ходить неохота. А с рождественскими каникулами пусть будет, как будет. В вашей школе для меня слишком много яблок, ежей и змей. Прямо голова закружилась. Ты, фрекен, я надеюсь, не будешь этим огорчена?

Но учительница сказала, что она очень огорчена, и больше всего тем, что Пеппи не хочет вести себя как следует.

— Любую девочку выгонят из школы, если она будет себя вести так, как ты, Пеппи.

— Как, разве я себя плохо вела? — с удивлением спросила Пеппи.— Честное слово, я этого и не заметила,— печально добавила она. Ее нельзя было не пожалеть, потому что так искренне огорчаться, как она, не умела ни одна девочка в мире.

С минуту Пеппи молчала, а потом сказала, запинаясь:

— Понимаешь, фрекен, когда мама у тебя ангел, а папа — негритянский король, а сама ты всю жизнь проплавала по морям, то не знаешь, как надо вести себя в школе среди всех этих яблок, ежей и змей.

Фрекен сказала Пеппи, что она это понимает, что она больше не сердится на нее и что Пеппи сможет снова прийти в школу, когда немножко подрастет. При этих словах Пеппи засияла от счастья и сказала:

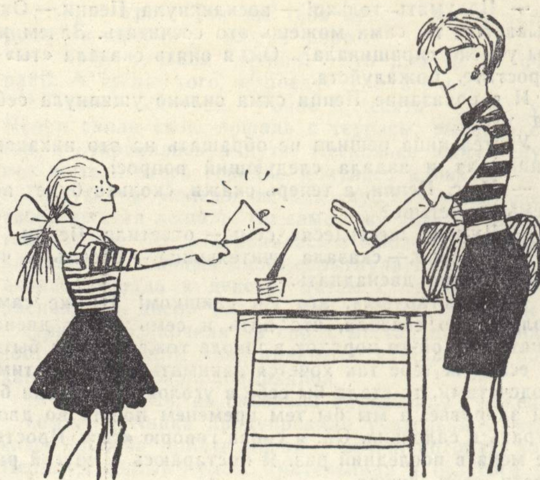
— Ты, фрекен, удивительно милая. И вот тебе, фрекен, от меня подарок.

Пеппи вынула из кармана маленький, изящный золотой колокольчик и положила его на столик перед учительницей. Учительница сказала, что не может принять от нее такой дорогой подарок.

— Нет, ты должна, фрекен, должна! — воскликнула Пеппи.— А то я завтра снова приду в школу, и удовольствия никому это не доставит.

Тут Пеппи выбежала на школьный двор и вскочила на свою лошадь. Все дети окружили Пеппи, каждому хотелось погладить лошадь и посмотреть, как Пеппи выедет со двора.

— Вот я, помню, в Аргентине ходила в школу, так то была школа! — сказала Пеппи и поглядела на ребят.— Если бы вам туда попасть! Там через три дня после рождественских каникул начинаются пасхальные. А когда кончаются пасхальные, то еще через

три дня начинаются летние. Кончаются летние каникулы первого ноября, и тут-то, правда, приходится здорово поработать, потому что рождественские каникулы начинаются только одиннадцатого. Но в конце концов с этим можно справиться, потому что в Аргентине не задают уроков. В Аргентине строго-настрого запрещено готовить дома уроки. Правда, иногда случается, что какой-нибудь аргентинский мальчик тайком залезет в шкаф и, чтобы никто не видел, немножко учит уроки. Но ему здорово влетает от мамы, если она это заметит. Арифметику там вообще не проходят, и если какой-нибудь мальчишка случайно знает, сколько будет пять и семь, и проговорится об этом учительнице, то она поставит его на весь день в угол. Чтением там занимаются только в свободные дни и то, если найдутся книги для чтения, но таких книг обычно ни у кого не бывает...

— Что же они там делают в школе? — с изумлением спросил маленький мальчик.

— Едят конфеты,— ответила Пеппи.— Поблизости от школы находится конфетная фабрика. Так вот от нее прямо в класс провели специальную трубу, и поэтому у детей нет ни минуты свободного времени,— только успевай жевать.

— А что же делает учительница? — не унималась другая девочка.

— Глупышка,— ответила Пеппи,— учительница там подбирает конфетные бумажки и делает фантики. Уж не думаешь ли ты, что там фантиками занимаются сами ребята? Нет уж, дудки! Ребята там даже сами в школу не ходят, а посылают младших братишек... Ну, привет! — радостно крикнула Пеппи и помахала своей большой шляпой.— А вы уж сами как-нибудь сосчитайте, сколько яблок было у Акселя. Меня вы здесь не скоро увидите...

И Пеппи с шумом выехала за ворота. Лошадь скакала так быстро, что камни летели у нее из-под копыт, а оконные стекла дребезжали.

Перевела со шведского Л. Лунгина.

На берегу озера, под раскидистым кленом, среди ромашек, колокольчиков и клевера, опершись на локоть, полулежит и смотрит на меня веселыми умными глазами женщина в клетчатой блузке. Перед ней длинноухая такса устремила свой взор в ту же сторону, что и хозяйка.

Такой я увидел впервые Астрид Линдгрен в Стокгольме на фотографии, полученной вместе с приглашением навестить ее на службе. Служит же «Андерсен наших дней», как сейчас в Швеции называют Линдгрен (после того, как международный совет детской книги во Флоренции наградил ее золотой медалью Ханса Андерсена), в издательстве «Рабен и Шьегрен» главным редактором отдела детской литературы.

И тогда Астрид Линдгрен решила записать и подарить ей историю необычайной девочки, которую звали Пеппи Лонгструмп.

Бойко забегал карандаш, записывая историю, сочиненную еще три года назад.

...— Мама, расскажи мне что-нибудь,— попросила дочурка Астрид.

— Что же тебе рассказать?

— Ну что-нибудь про Пеппи Лонгструмп.

— Имя это Карин придумала в ту самую минуту, и я,— вспоминает Астрид,— даже не спросив, а кто такая Пеппи Лонгструмп, стала рассказывать.

Так родилась эта книжка, снискавшая ее автору заслуженную популярность у детского, да и не только детского, читателя.

Астрид засветила настольную лампу, и

О девочке Карин, ее маме и их приятельнице Пеппи

— Ваши книги «Приключения Калле Блюмквиста», «Расмус-бродяга» и «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» изданы в Москве, на Урале, на эстонском языке в Таллине, на казахском и даже в специальном издании для слепых,— сказал я.— А вот с «Пеппи Лонгструмп» (по-русски — «Пеппи Длинный чулок») нашим ребятам еще только предстоит познакомиться.

За стенами уютного кабинета бушевала осенняя непогода. Узкая полоска неба над улицей была задернута тучей. Крупные острые капли дождя, расшибаясь о стекла, сплющивались в струйки, ползущие вниз.

— Если бы небо всегда было безоблачным,— улыбнулась, глядя в окно, Астрид,— вы со мной никогда, может, и не встретились бы. Ведь писательницей я стала из-за того, что в сорок четвертом году, двадцать восьмого марта, безостановочно валил снег. Никогда в Стокгольме я не видела такого снегопада. Мостовые и тротуары обледенели, стали скользкими, как зеркало. Я должна была по каким-то делам выйти из дому. А снег все шел и шел. Почти миновав Вазапарк — это недалеко отсюда,— я вдруг поскользнулась и упала. Так повредила ногу, что пришлось слечь на несколько недель. А приближался день рождения дочки. Ей исполнялось десять лет. Что подарить?..

сразу стало видно, что озорные ее глаза голубые, а не серые, как мне сначала показалось. На стене, на картине, заиграли нарисованные ребятами тролли, присланные в подарок любимой писательнице.

— А потом словно плотину прорвало. Словно снежный обвал, лавина,— смеется Астрид, показывая на стеллажи у стен, где играли всеми красками целлофановой радуги пестрые переплеты написанных ею книг.

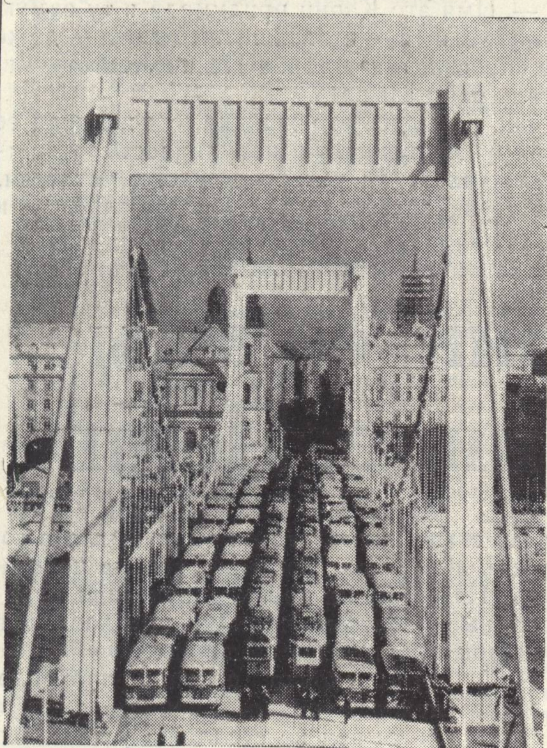
За восемнадцать лет литературной деятельности Астрид Линдгрен написала двадцать шесть книг. Но, пожалуй, наибольшей известностью из них пользуется переведенная на множество языков веселая, озорная повесть о Пеппи, нескладной рыжеволосой девчонке, такой сильной, что одной рукой она легко поднимает рослую лошадь и обезьянку — господина Нильсена. Эта детская мюнхаузениада в отличие от старого Мюнхаузена будит у читателя лишь благородные чувства. В своих действиях героиня повести воплощает детскую жажду подвига, борьбу за справедливость, нетерпимость к злу, готовность всегда прийти на помощь слабому.

Книга быстро завоевала сердца детворы. Астрид Линдгрен сейчас по праву считается самым «читаемым» писателем Швеции.

Геннадий ФИШ

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

ЛЮБИМЫЙ МОСТ БУДАПЕШТЦЕВ

Мост Эржебет — любимый мост будапештцев — переживает сейчас второе рождение.

Красавец мост, соединявший две части города — Буду и Пешт, — во время войны был заминирован немцами, а январским днем 1945 года взлетел в воздух. Сразу же после освобождения со дна Дуная стали поднимать обломки моста. Часть металла пошла на восстановление других мостов Будапешта. Мост Эржебет решили сделать шире, красивее, современнее.

Семь тысяч тонн металла взялись собрать пионеры, и в 1961 году весь металл был собран.

Строительство не прерывалось даже в самую суровую погоду, и вот уже сдана последняя секция. Первым из Пешта в Буду проехал не грузовик: первой по новому мосту прокатилась пивная бочка — такова уж традиция. На снимке вы видите, как мост испытывают на прочность: машины идут в шесть рядов, их общий вес — две тысячи тонн! Новый мост выдерживает в два раза больше груза, чем старый.

ПЁС-АКВАЛАНГИСТ

Шведский аквалангист Свен Лавли совершает подводные прогулки вместе со своей собакой. Он сконструировал для нее специальный акваланг и после этого получил, наверное, единственное в мире удостоверение. Там указывается, что его собака «имеет право заниматься подводными прогулками и охотой».

С. ФРОЛОВ

АТОМ НА КОНСЕРВНОМ ЗАВОДЕ

Если консервам устроить «атомный душ», то есть облучить их гамма-лучами, они дольше обычного сохраняют свою свежесть, не пропадает аромат продуктов, вкус и цвет.

Облучение происходит автоматически. Транспортер доставляет консервы в специальную установку. Затем из колодца с водой поднимаются стержни кобальта-60. Облучение продолжается несколько минут, и продукт готов к длительному хранению.

Приборы не находят в облученных продуктах никаких следов радиоактивности. Исследования в лабораториях ученых продолжаются, и, может быть, вскоре мирный атом будет трудиться на консервных заводах страны.

А. ГРИБАНОВ

„МЕДНЫЕ" ОСЬМИНОГИ

Миллионы тонн редких элементов и драгоценных металлов растворены в морях и океанах нашей планеты. До последнего времени ученые не могли предложить дешевый способ извлечения из воды этих сказочных богатств, но опыты не прекращаются.

Более одиннадцати лет профессор Бауэр из Тюбингена изучает способность морских животных усваивать из воды растворенные в ней вещества. Оказалось, что в крови осьминогов меди в тысячу раз больше, чем в морской воде.

Немецкий ученый получил из крови осьминогов вещество, молекулы которого способны как бы впитывать медь, вбирать ее в себя.

Испытания этого вещества в Неаполитанском заливе прошли успешно, ученый готовится к опытам в океане.

ЧАСЫ ЕГИПЕТСКИХ ЗВЕЗДОЧЕТОВ

На этом рисунке — каменный сосуд с толстыми стенками. Представьте себе, что он до краев полон воды, и лишь из небольшого отверстия внизу она медленно, по каплям, вытекает. Это «клепсидра» — водяные часы древних египтян.

«Клепсидра» — ночные часы. Днем египтяне определяли время по солнечным часам. А ночью, когда жрецы-звездочеты наблюдали за звездами, течение времени показывала «клепсидра». Вот откуда взялись выражения, дошедшие до наших дней, «время истекло», «сколько воды утекло с тех пор, как...»...

По уровню воды в «клепсидре» и определялось время. На внутренних стенках сосуда было двенадцать выемок соответственно двенадцати ночным часам (у египтян было еще двенадцать дневных часов). За один час уровень воды опускался от одной точки до другой. Летом ночной час короткий, а зимой длинный, поэтому расстояние между выемками было короче для лета и длиннее для зимы.

«Клепсидра» появилась в Египте в начале II тысячелетия до н. э. Греки и римляне, познакомившись впоследствии с этими часами, тоже научились их делать.

Р. РУБИНШТЕЙН
Рисунок О. ЗОТОВА.

ПРЕМИЯ ВЕСОМ В ТРИ ТОННЫ

Такую премию получил Михайло Васильевич Ломоносов от императрицы Елизаветы. Почему же в 1748 году две тысячи рублей весили три тонны? Потому что в середине XVIII века в России не было бумажных денег. Были серебряные рубли, из привозного золота чеканили и золотые червонцы, но их было мало.

Только в 1754 году были добыты первые четырнадцать фунтов отечественного золота. И «для нужд царского двора»,

как было записано в указе, впервые начали чеканить золотые монеты достоинством в полтину, рубль, два, пять и десять рублей.

Для народа чеканили медные деньги: «деньгу» (полкопейки), «полушку» (четверть

копейки), копейку, две копейки и пятак.

Медными деньгами выплатили и Ломоносову царскую премию. Премия была большой — больше, чем его жалованье за шесть лет, и весила три тонны двести килограммов!

М. МАКСИМОВ
Фото С. КАРАСЕВА.

ЭЛЕКТРОМОТОР В НАПЕРСТКЕ

Все больше и больше делают сейчас миниатюрных приборов и аппаратов: карманные приемники, крошечные радиостанции и магнитофоны известны всем. Созданием таких приборов увлекся и замечательный мастер Михаил Григорьевич Маслюк из города Жмеринки. Он сделал часы, которые показывают время семидесяти стран, авторучку размером со спичку, крошечный складной нож с двадцатью восемью лезвиями, электромотор, умещающийся в наперстке. Такой коллекции позавидовал бы сам знаменитый Левша!

На выставке в Виннице была показана новая работа мастера — электромотор объемом меньше одного кубического миллиметра. Провод обмотки его в два раза тоньше волоса!

Ю. КОТЛЯР

Морями-океанами

(Продолжение)

Виталий КОРЖИКОВ

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

ПЕДРО, КОТОРЫЙ ГОВОРИЛ ПО-РУССКИ

Ушли мы из Гаваны. И на следующий день остановились в маленьком жарком порту Касильда.

На причале стояли железные склады, и вокруг пахло жженым сахаром. За складами дымился от зноя песок. А впереди, в горах, среди зелени белел городок Тринидад. Как кусочек мела.

Я сбежал по трапу вниз. Прямо перед нами, среди сверкающей воды, на сваях стояли домики. Около них толпились лодки на привязи. Пахло рыбой.

— Буэнос, амигос! — Из-под единственной пальмы к нам направился могучий барбудо из охраны порта и махнул рукой на пляж.— Сегодня доминго, воскресенье. Все на плайе! Жара!

— Жара! — закричали мы.— На плайю! Спускай бот!

Капитан тоже сказал:

— На плайю!

Через полчаса застучал мотор. Мы собрались отходить, но с причала донесся крик:

— Эй, подождите! — Рыжий круглый артельщик Степан бежал с мячом в руках. Он прыгнул в бот, и мы поплыли к пляжу.

Пляж был коричневым от купальщиков. Наш матрос Рослый первым разбежался, плюхнулся в воду и выскочил:

— Парни, вода горячая.

Разбежался и я по горячему песку — бултых. Тут же полетела в воду вся команда. И всей командой мы выскочили: горячее море! Словно забрались в нагретую ванну.

Детворы вокруг полно. Прыгает, кувыркается детвора. И нам попрыгать захотелось. Забрался я Степану на спину и с него — вниз. А потом — Степан с меня. Тяжелый, брызги от него «до неба». Смотрим, и мальчишки начали по-нашему. Карабкаются друг на друга, только белые пятки мелькают.

А мы давай по-другому.

Станем вчетвером в круг. Руки сплетем — стул сделаем. А пятый заберется, усядется. Раскачаем его и — вверх. Тут полпляжа сбежалось. Никогда такого не видели. Разглядывают нас. Лезут на руки, кричат:

— Руссо сальто!

Полпляжа вверх тормашками полетело! Мужчины, мальчишки! Только женщины стоят, посмеиваются.

Степан принес мяч. Выбил я его из рук. Ищу, кому бы перебросить. А впереди мальчишка вдруг как закричит:

— Давай! Сюда давай! — По-русски кричит.

Я бросил ему мяч и поплыл. Степан за мальчишкой погнался. Тот перекинул мяч мне, а я плыву и его рукой вперед подгоняю. И дальше, дальше.

Зафыркались, смотрим, народ уже далеко, вокруг одни волны. Степан кричит:

— Не надо дальше. Акулы здесь!

А у меня по ногам вдруг что-то как скользнет! Бросился я в сторону, перепугался. А из-под ног тот мальчишка вынырнул.

— У пляжа нет акул.— И поманил меня рукой.

Нырнул он вниз, я за ним. Перед лицом закачалась трава. И прямо перед нами показалась большая сетка. Бархатными травинками обросла. Вот почему нет акул! Мальчишка уцепился за нее. Я тоже. Тут и Степан подплыл. Ухватились все втроем за сетку.

Смотрим, над головой тень мелькнула — мяч закачался. Вот-вот перевалит через сетку. Вынырнули мы разом. Схватил я мяч и поплыл к берегу.

Вылезли из воды. Сели на песок. Педро — так звали мальчишку — в него весь зарылся. Только голова и руки торчат. Я говорю ему:

— Хорошо ты по-русски разговариваешь.

Он сморщился недовольно:

— Нет, неважно! Французский и немецкий я знаю лучше.

Я подумал: «Наверное, он из богатых».

А Педро говорит:

— Если бы книги были!.. Всего не купишь.

— Приходи ко мне,— говорю.— У меня книг много.

Он серьезно задумался. Покачал головой:

— Сегодня нельзя. Вечером я учу стариков... Завтра!

ГДЕ ЖИЛ МИСТЕР ТВИСТЕР?

Утром я выглянул на палубу. Рядом с судном стояли вагоны. Из них вываливали пузатые мешки с сахаром. Обхватывали каждый мешок петлей, и подъемный кран тянул его в трюмы.

Грохнулся один мешок на палубу, лопнул. Из него брызнули желтые кристаллики. Тут же к нему подбежал мальчишка. Тот самый Педро! Достал клубок бечевы, ковырнул несколько раз громадной иглой. Готово! Он воткнул иглу в заплатанную рубаху и подошел ко мне.

— Книги!

Я повел Педро в каюту. Он увидел полку, оглядел все книги и показал пальцем на толстую красную книжку.

— Эту! — Он вытащил Маршака. На одной странице он остановился, прочитал: — Мистер Твистер.— Повернулся ко мне и крикнул: — Я его знаю!

— Нет! — Я рассмеялся. — Если он и был, то давным-давно умер. Еще когда я был маленьким, про него эту книгу читал.

— Нет! Он у нас жил совсем недавно,— возразил Педро. Он сунул голову в книгу и стал читать: — Мистер Твистер — бывший министр, мистер Твистер — делец и банкир... Си! — закричал он весело по-кубински.— Мы все его знаем.— И побежал на палубу.

Через минуту вокруг Педро собралась толпа, так что его не стало видно. Только со всех сторон торчали такие черные спины, будто обуглились от солнца. Все заглядывали в книгу, кричали и смеялись.

Из книги на них смотрел мистер Твистер и сердито курил сигару. Вокруг него сейчас стояло столько цветного народу! Кто-то кричал:

— Касильда!

Другой:

— Тринидад!

А высокий, крепкий мулат важно выпускал дым колечками и говорил:

— Гавана!

Растерянный Педро вынырнул из толпы и подошел ко мне.

— Все его знают. Только почему-то говорят, что он жил в разных городах!

Грузчики подошли следом. Один выступил вперед, отер рукавом лицо. Стал показывать пальцем на Тринидад, потом на пляж и щелкнул пальцами. Педро согласно кивнул головой и повернулся ко мне.

— Грузчик говорит, что Твистер жил в Тринидаде, а ездил купаться на пляж в Касильду.

— На большом «мерседесе»! — зарулил руками грузчик.

— Этот грузчик таскал его чемоданы,— сказал Педро.

— И синьора у мистера была с мартышкой. И сама как мартышка.

— У этого не было дочери,— заметил высокий мулат.— И он не курил. А тот, что в Гаване, был когда-то министром, ездил на нескольких машинах. И с дочерью. А на фабрике, где я работал, ему заказывали сигары. Самые лучшие!

— Нет. Это тот, что был в Касильде. Он очень не любил негров,— сказал маленький старичок негр и пожевал губами.— Очень не любил. Он самый первый сбежал, когда началась революция.

— Ты думаешь, тот, что жил в Гаване, очень любил негров? — сказал высокий мулат.

Стало жарко. Просыпанный сахар потек по палубе горячей коричневой струйкой. Запахло жженым. А спор не прекращался.

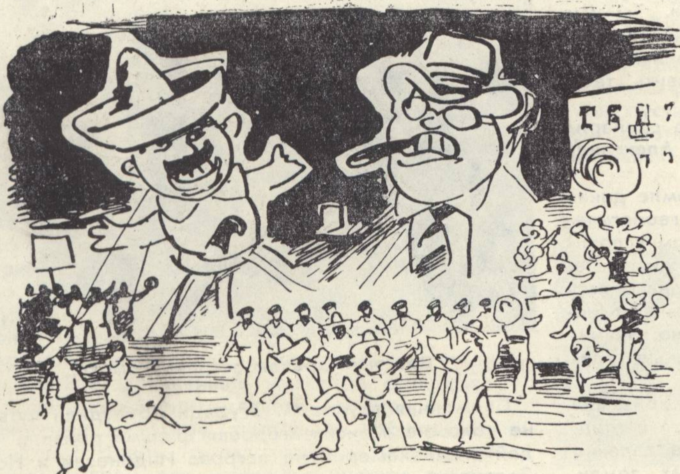
На палубу спрыгнул крановщик. Он сердито зачерпнул из ведра банкой, взмахнул руками и растопырил пальцы.

— Чего вы спорите! И в Касильде, и в Тринидаде, и в Гаване все они были, янки! Всех их выгнали!

— Си! — тихо улыбнулся старик негр.— Он убежал сам...

— Из Гаваны тоже,— сказал высокий.

— Тогда надо работать! — заворчал крановщик и полез на кран.

КАК СЖИГАЛИ СТРАШИЛИЩ

Вечером у ворот порта остановился маленький «джип». Из него выпрыгнули Педро и толстый парень-шофер и направились к нам.

— Карнавал. Сегодня у нас карнавал! — сказал Педро, а шофер весело выбил такт ногами: кар-на-вал!

Мы набились в машину так, что она крякнула, и тронулись. Скоро впереди стали вспыхивать какие-то огни, послышался гул. Раздалась музыка, загрохотали барабаны. И все заплясало под неоновым светом.

По улице потянулся настоящий поезд. Тысяча негров бежали друг за другом, двигали взад-вперед локтями, а на помосте сидел оркестр с барабанами. Кто-то пел. Несколько человек плясали на месте друг перед другом.

Мы вылезли из машины, и нас окружила толпа огней. Над нами горели и прыгали факелы.

Барабаны вдруг немыслимо загрохотали. И прямо на нас зашагали и поехали гигантские страшилища. Будто хотели нас растоптать.

Один был в сомбреро, с громадным ножом за поясом. Другой, толстый и злой, курил сигару — целую пароходную трубу.

— Мистер Твистер! — подтолкнул меня Педро.

А впереди на повозке торчал зубастый человек, таращил глаза и хватался за пистолет. Батиста. Над Иванычем-коком поднимал громадный кулак какой-то фанерный янки.

Но тут вышли барбудос с автоматами и взяли их под стражу. Педро запел: «Куба — си, Куба — си, Куба — си, а янки — но!» И вдруг все подхватили песню и стали плясать. Народ двинулся к

морю. Будто огонь пополз по дороге.

Вот море зашелестело у ног. Страшилищ стянули прямо на песок. Педро подбежал ко мне. Вложил в руки факел, и мы сунули огонь прямо в пузо Твистеру. Кто-то расправлялся с Батистой. Страшилища вспыхнули, закорчились, а вокруг них плясал народ и кричал:

— Янки — но!

Вверху над пламенем проносились испуганные летучие мыши.

Кто-то ударил по Твистеру палкой. Он злобно пыхнул искрами и развалился. Шляпа его полетела в море.

— Конец! — сказал Педро и поднял выше факел.

Мы пошли к пароходу. А сзади гремела музыка, и с неба в море падали звезды.

СОЛЕНЫЙ САХАР

Надоело уже стоять без настоящего дела. Идет погрузка — ни покрасить, ни подраить: кругом пыль. И хоть на Кубе стоим, а уже хочется в море. Боцман приехал. Поработать бы как следует.

Как-то пришел Педро. Принес две палки. Как лыжные. Говорит:

— Пробуй!

Отрезал кусок — и себе в рот. И я отломил. Стал жевать. А палка словно медом насквозь пропитана. И Рослый пожевал, за зубы схватился.

— Ну,— говорим в один голос,— так здесь и сахар-то добывать нечего. Выдавил из тростника, и все.

Педро посмотрел на нас. Наклонил голову. И говорит:

— Ладно, завтра, если хотите, сможете попробовать. Поедем в кооператив. Рубить тростник.

Сказали мы капитану. Он согласился:

— Хорошо! Пусть, кто хочет, едет. Только и меня, старика, не забудьте. Я тоже поработаю.

Приехали мы в кооператив. Обступили нас крестьяне. По плечам хлопают. Мачете нам получше выбирают. Это ножи такие для рубки тростника. Мне мачете выбрал Педро. Я взял его, в ладони подбросил — хорош. Как меч. Таким рубить можно!

Перед работой пригласили нас завтракать. Подали салат. Я за солонкой потянулся. Посыпал все солью, принялся есть, а у меня все сладкое! В солонке вместо соли сахарная пудра! «Еще бы,— думаю,— сахар-то даровой!»

Пошли мы на плантацию. Тростник выше головы поднимается. Как бамбук. Мы с капитаном рядом стали. Прорубаемся, как сквозь джунгли. Только наши мачете — хрусть, хрусть, хрусть. Еще и полчаса мы не поработали, а уже липкими стали. Спина — от пота, руки — от патоки.

Скинули мы рубахи. А Педро все вперед идет.

Капитан распрямился, себя по животу хлопнул:

— Худеть, худеть надо. Не годится так. Отстаю! — И опять пошел тесать.

Скоро первая усталость прошла. Перестала болеть спина.

Капитан кричит:

— Ну, держись!

А я себе смеюсь.

— Чего мне держаться: мне живот не мешает.

Скоро мы Педро догнали.

Тут говорят:

— Перерыв!

Хотел я разогнуться и чуть не повалился от боли. Спина не выпрямляется. Еле-еле разогнулся. И пот по щекам покатил.

Пошли мы на обед в столовую. Сели. Нам принесли целую ветвь бананов. И жареные бананы подали. Сел я за стол, взял сахарницу, потрусил. А сахар солоноватый какой-то. Капитан сахарницу с другого стола взял. Потрусил, попробовал. Говорит:

— Что такое? И в эту, кажется, кто-то соли добавил.

А это все пот ползет по губам.

(Окончание в следующем номере.)

Современник динозавров и нелетающие птицы

О. ТИХОМИРОВ

Скоро выходит на экраны необыкновенный фильм. Называется он **«Зачарованные острова»**. Ты увидишь в нем животных, которые почти исчезли с лица земли,— реликтовых животных. Но фильм этот снимался не для того, чтобы только удивить тебя. Для чего же?

Вот как отвечает на такой вопрос автор сценария и режиссер «Зачарованных островов» **Александр Михайлович Згуриди:**

— Все меньше и меньше остается на земле диких животных. Причины разные. Менялись геологические периоды, изменялся климат, и к новым условиям могли приспособиться далеко не все животные. Многие из них гибли, исчезали совсем. Однако есть и такие животные, которые стали редкостью по вине человека. Человек истреблял их бездумно, хищнически, и теперь их осталось мало, считанные единицы.

Мы задумали сделать фильм, который призывал бы людей охранять природу, беречь зверей и птиц, заботиться о них. И вот мы отправились в далекие путешествия, чтобы побывать в тех уголках земли, где еще сохранились редчайшие виды животных...

Вот он — дракон острова Комодо!

Съемочная группа А. Згуриди объездила чуть ли не полсвета. Поиски «героев» фильма привели людей с кинокамерой на острова Индонезии и Новой Зеландии, в пышные австралийские леса и к суровым берегам Курильских островов.

Нелегкие это были путешествия. Создатели фильма то «поджаривались» под тропическим солнцем, то мерзли в холодной воде возле Курил.

«Герои» фильма «Зачарованные острова» чаще всего скрывались от человека с кинокамерой. Их приходилось терпеливо подкарауливать. Но операторы должны были не только запастись терпением. Им нужно было хорошо изучить повадки животных, чтобы заранее знать, как звери и птицы будут себя вести.

Человек может наблюдать за естественным поведением птиц, если он хорошо укроется в шалаше и будет сидеть там тихо. При съемке зверей недостаточно и этого. Чутье позволяет зверю обнаружить притаившегося человека. Поэтому оператор должен уметь выбрать то место, где он спрячется с камерой. И прежде всего нужно учитывать направление ветра. Если сесть так, что ветер дует от человека к зверю,— пропали все старания: зверь не придет.

В фильме «Зачарованные острова» много удивительнейших животных. Некоторые из них, кажется, появились чуть ли не из сказки.

Дракон острова Комодо́! Это диковинное существо — гигантский варан — ударом хвоста сбивает оленя. Можно подумать, что кадры с драконом снимались на какой-то другой планете. Вот это доисторическое чудовище неторопливо передвигается и словно бы выстреливает время от времени раздвоенным язычком. Длинное тело дракона как бы покрыто блестящей кольчугой. Попробуй-ка подступись к такому! Уж, конечно, не захочешь. А вот оператору нужно. И он ползет с кинокамерой в руках, чтобы снять эти кадры и показать их тебе.

Съемки, сделанные в Новой Зеландии, позволят нам увидеть бескрылых нелетающих птиц и самое древнее животное на земле — гаттерию.

Как же это так: птицы — и вдруг нелетающие? Дело в том, что в Новой Зеландии нет ни хищных животных, ни ядовитых змей. Поэтому у птиц отпала необходимость подниматься в воздух, спасаться от преследования. Пищи же кругом вдоволь.

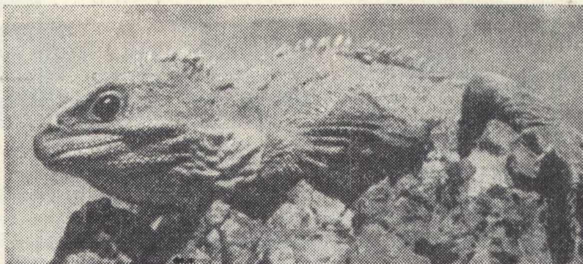
В новозеландских лесах, где растут папоротники, похожие на пальмы, обитает много нелетающих птиц. Здесь и рыженькая века, и черная болотная курочка с красной головкой — пуке́ка, и птица киви, которая украшает герб Новой Зеландии. Шесть бессонных ночей подстерегали операторы нелетающего попугая. Но самый редкий кадр — это кадр с птицей таккехе́. Считалось, что эта птица вымерла несколько десятков лет назад. Даже ученые удивлялись, узнав, что экспедиции удалось найти таккехе.

А на безлюдном острове Стефенсона, в проливе Кука, засняли гаттерию, которую называют «живым ископаемым». Этот представитель клювоголовых пресмыкающихся появился на земле 150 миллионов лет назад. В ту пору в морях еще водились ихтиозавры (гигантские пресмыкающиеся с рыбообразным телом), а по земле бродили исполинские ящеры — динозавры.

Настоящим заповедником реликтовых животных можно назвать Австралию. В фильме мы видим самых разнообразных сумчатых животных, обитающих только в этой стране: медведя коала, кошку, белку-летягу, хищного и злобного зверька — «тасманского дьявола», серого и древесного кенгуру.

Сохранились в Австралии и первозвери — утконос и ехидна. Эти древнейшие животные откладывают яйца, а детенышей выкармливают молоком.

Редкостные животные тщательно охраняются в Австралии. В одном из заповедников устроен специальный водоем для утконосов (кстати, заметим, что их осталось несколько десятков). Здесь за их подводной жизнью наблюдают ученые. Здесь же снял утконосов и оператор.

Каменным изваянием застыла гаттерия.

После южных широт экспедиция отправилась далеко на север, к маленькому острову Уруп на Курилах. Там нужно было снять киноочерк о каланах. Калан — это пушной зверь (еще его называют морским бобром и морской выдрой). Мех калана необыкновенно дорог. Одна шкурка стоит пять тысяч долларов. Раньше каланы водились по всему северному побережью Тихого океана. Но из-за ценного меха зверек был почти истреблен. Еще бы немного времени, и он мог исчезнуть навсегда.

У нас охота на калана запрещена, и этих морских животных с каждым годом становится все больше и больше. Сейчас их уже около тысячи.

За восемь минут проходят на экране кадры, посвященные каланам. Но как трудно было снять их! На съемку ушло несколько месяцев: то плохая видимость, то осторожные животные не подпускают близко человека, уходят.

Чтобы снять, как каланы охотятся за морскими ежами и рыбами, оператора пришлось одеть в специальный водолазный костюм и дать ему плавучую кинокамеру.

Закончилась экспедиция на острове Барса-Кельмес. Он находится в Аральском море. Весь остров— заповедник сайгаков (степных антилоп).

Впервые удалось снять на пленку, как пугливые сайгаки кормят детенышей и как идут на водопой к берегу моря. К морской воде они привыкли здесь и пьют ее так же охотно, как и пресную.

Еще недавно сайгаки были под угрозой полного истребления. Чтобы этого не случилось, охоту на них запретили на несколько десятилетий. Теперь уже тысячные стада этих быстроногих, изящных животных пасутся в казахских и калмыцких степях. Лишь один враг остался у сайгаков — волки. Но ведь и тут можно прийти на помощь. В фильме показана охота на волков с вертолетов.

Так пусть же всегда и везде человек будет другом животных! В этом главная мысль «Зачарованных островов».

А это морские бобры — каланы.

ОТКРЫТИЯ? ГДЕ ИХ ТОЛЬКО НЕТ!

Скажите, ребята, никто из вас не охотился на птеродактиля? А на морского змея? Тоже нет? Жаль! Впрочем, не все еще потеряно. Многие, очень многие открытия ждут вас впереди.

— Открытий-то будет много,— согласитесь вы.—Но при чем тут птеродактиль? Они же вымерли давно. Теперь их разве что в музее встретишь. А змеи морские так и вовсе только в сказках попадаются.

Вы так думаете? А вот послушайте, кого увидели однажды участники научной экспедиции, исследовавшей в 30-х годах нашего века внутренние области Камеруна в Африке: «Странное существо появилось так внезапно, что они не успели перезарядить ружья. Услышали свист кожистых крыльев: «шисс-шисс!» — увидели черного, похожего на дракона «вампира», который быстро приближался, зловеще щелкая зубами, и, потеряв самообладание, бросились бежать.

«Дракон» налетел на Жоржа, тот упал ничком, прикрыв лицо руками. Животное спланировало над ним и... полетело дальше. Химерическое создание скрылось в мглистой дымке тумана...»

Это не из фантастического романа. Это отрывок из вполне серьезной книжки молодого советского биолога *И. Акимушкина «Следы невиданных зверей»*, вышедшей недавно в издательстве «Мысль» вторым изданием. Первого издания я и в глаза не видел. Книжка такая увлекательная, что ее, наверное, в один день раскупили.

Книжка задумана для взрослых, но написана так просто, что и вы ее прочтете с удовольствием. Автор решил рассказать, сколько зверей и птиц открыто на Земле за последние полвека и сколько пока еще таинственных и загадочных существ можно открыть в будущем.

Вы опять удивляетесь:

— Где же они прячутся, эти таинственные существа? Почему их еще не открыли?

Да потому, что на Земле много труднодоступных мест и исследовать их необычайно сложно. Думаете, речь идет об Антарктиде или Гималаях? Не только о них. Около четырнадцати миллионов квадратных километров суши (это почти две трети территории СССР!) покрыто непроходимыми тропическими лесами. Еще четыре миллиона квадратных километров занимают чудовищные морские глубины, куда человек проникал всего несколько раз, да и то лишь с помощью траления.

Вот они, родники удивительных загадок, которые еще таит Земля!

Некоторые из вас мечтают о полетах в космос. Этим ребятам я особенно советую прочитать книжку И. Акимушкина. Может, они после этого переменят маршрут путешествия?

С. СИВОКОНЬ

Рассказы морского охотника

Я давно был знаком с автором этой книги, Дмитрием Шашуриным, знал, что он много ездит, интересно пишет и рисует. И все-таки недавно я понял, что очень мало знал его...

Это я понял летом прошлого года на Москве-реке. Здесь, вдали от города, вовсю работали речные охотники: пытались подстрелить рыбину. Но все неудачно. И вдруг я заметил среди них своего товарища. С подводным пистолетом в руке он упрямо нырял ко дну, вскидывая вверх ласты, потом всплывал, выдувал из трубки воду, набирал воздух и снова нырял. Так повторялось много раз, и я, не отрываясь, смотрел на него. Дмитрий вынырнул, и я увидел: в его руках бился большой скользкий, пробитый гарпуном налим. Здесь я не выдержал и окликнул его.

Он подплыл к берегу, снял маску, и торжествующая, совсем мальчишеская улыбка победы появилась на его лице. Еще бы, выследить и убить такую рыбину не просто!

А потом я купил книжку рассказов *Дмитрия Шашурина «Бакенщик из Большого леса»*, выпущенную издательством «Детская литература», и во второй раз открыл для себя этого человека. Сознаюсь, я не мог оторваться от этой книжки, и когда прочел ее, удивился, что в ней всего чуть более ста страничек. Ведь сказано в ней очень много.

Писатель воевал, был с экспедициями в Каракумах, исколесил полстраны, и, конечно же, трудно найти у нас среди писателей второго такого завзятого морского охотника!

ЕСЛИ РЕБЯТА ВСЕЙ ЗЕМЛИ...

Я хочу рассказать тебе об одной книжке, которая хоть и невелика, но весьма примечательна.

Ты помнишь, шел французский фильм «Если бы парни всей земли...»? Выражение это, емкое, сильное и мужественное, видно, многим полюбилось, и та книга, о которой я тебе говорю, тоже называется «Если ребята всей земли...».

Достань эту книгу и прочти. А когда всю прочтешь, подумай, ведь тут, в этом сборнике, собраны рассказы писателей из двадцати двух стран мира. Здесь, на этих страницах, столько разных ребят, и все они издалека, оттуда, где ты никогда не был... Книга эта — своего рода фестиваль.

Прочти ее — не пожалеешь.

С. ФЕДОРОВ

Шашурин пишет о том, что знает и любит, и это сделало его книгу правдивой, увлекательной и, я бы сказал, мудрой. Ведь вот что получается: читаешь у него о том, какое это великолепное занятие — плавать в морских глубинах, подкарауливать и метко бить по лобанам и скатам, читаешь о суровой природе Каракумов, о далеком трудном детстве, читаешь все это, а тебе в душу постепенно западают большие, важные мысли о том, как надо любить и беречь красоту, дружить и ценить дружбу, быть трудолюбивым, самостоятельным, мужественным человеком, верным своей мечте...

Все в этой книге всерьез, со значением, все, даже такой полуфантастический рассказ, как «Собака, которая распугала всю рыбу»,— его нельзя читать без смеха. Со страниц этой книги улыбается нам человек, любящий жизнь и природу, полный мальчишеской порывистости и мечты, человек, которому есть что сказать, и я немножко завидую тем, кому еще предстоит прочесть эту книгу.

Только один совет: ее нельзя читать торопясь — многое можно пропустить.

А. МОШКОВСКИЙ

Маленький человек с большим сердцем

Вы, наверное, слышали, ребята, по радио красивую и грустную песню «До свидания, Рим»... Ее поют во всем мире. А знаете, кто эту песенку написал? Ренато Рашел — известный в Италии эстрадный певец, поэт и композитор. Он сочинил немало таких песен. Ко многим из них Ренато сам пишет слова. Голос у него добрый, теплый, и недаром Ренато называют любимцем Рима.

Ренато — большой друг ребят, но поет всегда для взрослых. А не так давно он стал сочинять сказки, как он сам говорит, для «самых маленьких» и для «самых взрослых». Первая его книжка называлась «Пиколетто»—в переводе это значит «малыш». Говорят, в ней много интересных песенок. Хорошо бы ее послушать по радио! После первой книжки жители Рима стали называть самого Рашела «Пиколетто».

А вторая книжка переведена на русский язык. Вот она перед вами. Называется «Ренатино не летает по воскресеньям». О ней я и хочу вам рассказать.

Ренатино — маленький человек с большим, добрым сердцем. Он такой маленький, что его легко поднимают в воздух тринадцать красных воздушных шариков. Вот он и придумал летать на работу каждый день, уцепившись за шарики. Кроме воскресенья.

По воскресеньям Ренатино съедает целую тарелку пельменей в помидорном соусе и, понятно, становится намного тяжелее, тут тринадцать красных шариков уже не в силах его поднять.

А где же работает Ренатино? Хотите адрес? Красный Дуб, четвертая ветка справа, гнездо № 3. Он присматривает за только что вылупившимися воробышками, пока родители улетают по делам.

Для птенцов Ренатино придумывает сказки, а воробышки сидят, раскрыв клювы, и слушают. Кроме воробьев, его слушает еще Андреа, дочь лесника. У Андреа тоже будет своя история, погодите! Узнаете. А пока послушайте одну из сказок Ренатино:

«Жил-был однажды индийский раджа. И такой он был богатый, что, продав все свои бриллианты, все замки и золото, мог бы купить... двух центров нападения и левого защитника. А надо вам сказать, что в Италии футболистов продают и покупают, как вещи на рынке. И чем лучше футболист бьет левой ногой в правый угол и правой ногой в левый угол, тем дороже он стоит».

Самое интересное, что в Италии так оно на самом деле и есть. Ренатино не соврал.

Прочтите, ребята, книжку Р. Рашела «Ренатино не летает по воскресеньям» вслух. Пусть ее послушают и самые маленькие и самые взрослые. Увидите, она всем понравится: тут столько веселой, озорной правды!

М. МАРИНА

Советую прочитать

Называется эта книга «Полярный летчик». Она очень понравилась мне.

Автор ее — Герой Советского Союза Водопьянов.

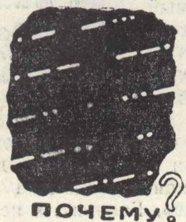
Я так разволновалась, когда прочитала о том, что случилась авария около Байкала! И совершенно забыла, что летчик и весь экипаж остались живыми.

Я раньше и не думала, что такой тяжелый был перелет.

Галя Орлова,
«Кам-Брод» Куйбышевской области.

Почему и Отчего

Почерк тире и точек

Дорогая редакция! Здравствуйте!

Меня зовут Айдын. Я недавно читал книгу Александра Авдеенко «Горная весна». Там пишется, что один из шпионов — Джон Файн — имел свой собственный радиопочерк, по которому его могли узнать его хозяева. Но ведь сигналы азбуки Морзе нельзя передать, как захочется, они ведь строго определенны. Объясните мне это, пожалуйста.

Айдын Гусейн-Заде,
г. Баку.

В том-то все и дело, дорогой Айдын, что каждый радист, работая на телеграфном ключе, обладает только ему одному свойственной манерой передачи. Одни и те же точки и тире (слышатся они как «ти» и «таа») могут звучать по-разному. Есть радисты, которые удлиняют тире, другие, наоборот, укорачивают их; у одних работа плавная и четкая, как будто сигналы передает автоматический датчик, у других передача неровная, с ускорением или замедлением скорости. Вот по этим признакам при соответствующем навыке можно отличить и запомнить почерк радиста.

В книге А. Авдеенко «Горная весна» по почерку передачи узнавали радиста-шпиона. Такие факты бывали, бывают и поныне. Но случается, что особый радиопочерк помогает выручить из беды.

Помню, когда я служил на Балтийском море, пришлось мне нести радиовахту. И вот поздно ночью, что-то около трех часов, вращая ручку настройки приемника, я услышал сигналы азбуки Морзе. Работа на ключе была четкой, с правильными интервалами, но я сразу уловил маленькую особенность: точки были очень короткими. Так обычно работали я и один мой друг, который находился в то время на спасательном судне. Я успел записать несколько последних цифр радиограммы, не зная, от кого она и кому адресована. Но почерк, очень знакомый почерк радиста, заставил меня насторожиться, и я стал внимательно слушать. И не напрасно. Буквально через минуту я услышал свои позывные и позывные радиостанции спасательного судна. Радиограмма была передана повторно. Это было важное и срочное боевое сообщение.

А. БАРАНОВ

От камушка до Вселенной

Дорогая редакция! Ответьте, пожалуйста, на мой вопрос: есть ли в мире что-нибудь неподвижное?

Коля Бубнов,
г. Москва.

Это зависит от того, что подразумевать под словом «мир». Если мир ограничивать только планетой, на которой мы живем, то в этом мире, безусловно, кое-что недвижимое есть. Например, дом, гора, поленница дров, забор, куча песку или земли.

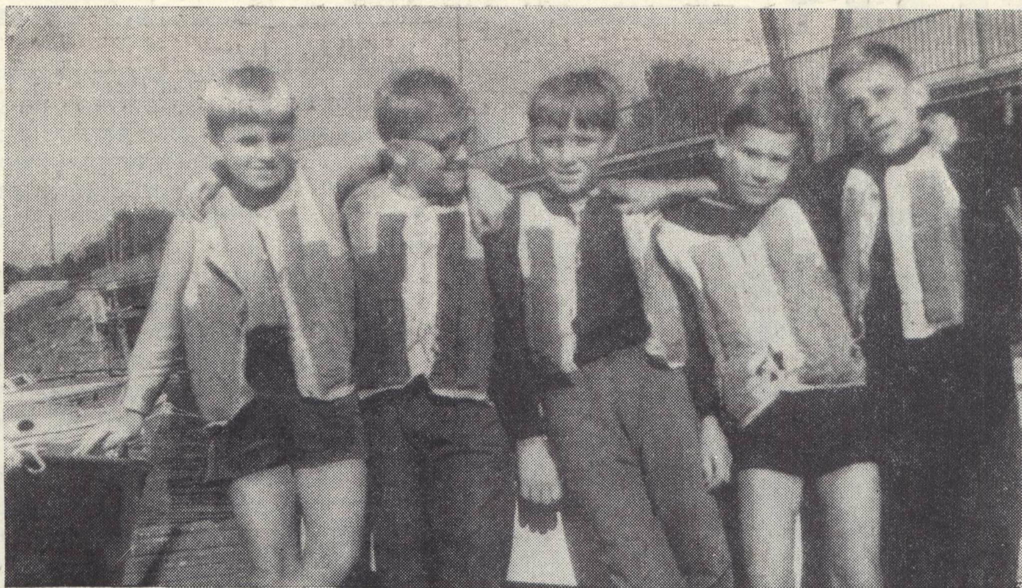
Они неподвижны? Можнс ответить: да. Но сразу же возникает вопрос: по отношению к чему? Дом неподвижен по отношению к горе, у которой стоит, поленница дров, забор, куча песку неподвижны по отношению к дому и друг другу. И все вместе они неподвижны по отношению к Земле. Но если ты вспомнишь, что Земля вращается вокруг своей оси и при этом мчится по своей орбите вокруг Солнца, то придется сказать, что они движутся, описывая за год в пространстве спиральную линию.

А если принять во внимание, что и Солнце движется вокруг центра звездной системы, к которой оно принадлежит, то спиральный путь твоего дома и других неподвижных для Земли предметов будет выглядеть еще сложнее.

Как видишь, едва мы вышли за пределы Земли, неподвижные тела сразу оказались подвижными. Если под словом «мир» понимать Вселенную, то в этом мире пока что не удалось обнаружить ни одного объекта, который был бы неподвижен: ни среди звезд, ни соеди галактик, к которым принадлежат эти звезды, ни в большой Вселенной — Метагалактике. Все, что составляет Вселенную, движется по отношению одно к другому, и порой с очень большими скоростями.

И. КАНАВЕЦ

СПОРТ

Оптимисты выходят в море

Александр
СВЕТОВ

НА БЕРЕГУ ПИРИТЫ

Это случилось в самом начале лета. Ребята стояли у пирса и, жмурясь от солнца, из-под ладошек смотрели, как в поисках ветра разбрелись по морю яхты. Вот, напружинив паруса, несется по волнам темно-вишневый «Летучий голландец», за ним стайкой плывут белоснежные, словно лебеди, «Финны», голубые «Ерши», а там «Драконы».

— Смотрите,— показывает Тийт Илумяе,— вот так акробат!

Матрос на «Драконе», чтобы откренить яхту, повис за бортом, держась за ванты. Он и в самом деле похож на акробата — ловкий, сильный, гибкий. В глазах у ребят восхищение.

— Вот бы нам так!—вздохнул Калев Ваппер.

Эти слова услышал рослый, широкоплечий человек.

— А почему бы и нет? — улыбаясь, говорит он. У него бронзовые волосы, выгоревшие брови, смуглое обветренное лицо и глаза цвета балтийской волны. Мальчишки сразу узнали его. Да и как не узнать! Это же Александр Чучелов. Почетный мастер спорта, серебряный призер Римской Олимпиады.

— В море дорога никому не закрыта,— продолжает Чучелов,— только... надо кое-что знать и кое-что уметь. О, совсем малость,— лукаво улыбается он и перечисляет, что именно.

Прежде всего — столярничать. Тот, кто не умеет держать в руках топор и рубанок, кто не может сколотить хотя бы табурет, будет плохим хозяином своей яхты. И слесарить яхтсмену надо, и владеть малярной кистью, и знать, какой грунт положить под хлорвиниловую эмаль, как прошпаклевать борта и днище, чтобы ни одна капля воды не просочилась в яхту, чтобы краска ложилась зеркальным блеском.

Но это, оказывается, не все. Яхтсмен должен получше швеи владеть иглой. Кое-кто из мальчиков фыркнул:

Ставится парус, крепится гикашкот...

— Вот еще! Зачем? Мы не девчонки!

— При чем тут девчонки? — пожимает плечами Чучелов.— Девчонки не будут за вас чинить паруса. Сами! Все будете делать сами!

Но и этого еще недостаточно, чтобы стать повелителем ветров. Прежде чем выйти в море, надо изучить навигацию, а это значит подружиться с математикой, с географией, знать астрономию, понимать карты, уметь пользоваться компасом. Другой бы испугался: столько всего! Но если ты изо дня в день видишь море и, стоя на берегу, с завистью провожаешь взглядом парусники, на которых уходят в плавание другие, никакие трудности тебя не устрашат.

Короче говоря, в тот летний день многие таллинские ребята решили стать яхтсменами. Им обещал помочь Александр Чучелов. И не только он. Мастер спорта Тави Орг согласился быть их тренером. Правда, Тави Орг сказал, что начинать придется не с великолепных килевых яхт звездного класса, не с «Драконов» и «Летучих голландцев» и даже не с «Ершей», а с маленького, похожего на скорлупку швертботика. Это несколько разочаровало ребят. Но когда будущие мореплаватели узнали, что швертботы-малютки надо строить самим, они обрадовались. Самим — это дело другое!

Яхты строили здесь же, на берегу Пириты, в яхт-клубе спортивного общества «Калев», а детали готовили в столярной мастерской средней школы № 42. Там ребятам помогал преподаватель труда Хиегу — большой любитель парусного спорта.

Это очень приятно, когда из твоих пусть еще не очень умелых рук выходят шпангоуты и мачта, а листы авиационной фанеры послушно гнутся, превращаясь в корпус лодки, изящной и легкой. Даже для одиннадцатилетнего Калева Ваппера не составляет большого труда поднять ее. И вот два десятка корабликов спущены на воду. По сравнению с судами, на которых ходят взрослые, эти яхты совсем маленькие, почти игрушечные. Кажется, что «Летучие голландцы», «Финны» и «Драконы», стоящие у пирса, удивленно покачивают мачтами, как бы говоря: «Смотрите-ка, что это еще за недомерки?»

Но яхты «мальчикового» размера знай себе покачиваются на волнах как ни в чем не бывало. Одни из них выкрашены в белый, другие — в голубой, третьи — в синий или вишневый цвет. У каждой свое имя: «Катюша», «Аня», «Сирена», а на одной даже выведено: «Котенок». Эти имена придумали своим корабликам сами ребята, кому какое нравится. А все вместе яхты-малютки называются «Оптимисты».

Вероятно, добрый и веселый человек придумал такое название. И ничего нет удивительного в том, что и хозяев яхт — таллинских мальчишек, а поздней и девчонок —в Эстонии называют оптимистами.

ОСЕДЛАВШИЕ ВЕТЕР

Ветер обычно доставляет «сухопутным» спортсменам одни неприятности. Если, например, он дует в лицо бегуну, тот не сумеет показать хорошую скорость. А если ветер попутный,— еще хуже: судьи не зачтут рекорд ни в беге, ни по прыжкам в длину. Скажут: «Спортсмену помогал ве-

тер». Опасаются ветра и стрелки: порыв ветра может отклонить пулю в полете. Чтобы этого не произошло, приходится брать поправку на ветер.

А вот яхтсменам без ветра — как без рук. Если нет ветра, беспомощно повисают паруса, и яхта оказывается в плену у водяного простора. Но зато когда фордевинд наполняет паруса или задувает с угла кормы бакштаг, яхта плавно и весело скользит по морю. Одно удовольствие!

А если ветер дует в борт? Ну что же, и это не плохо. Яхтсмен знает, как надо поступать в таком случае. Он приспустит в воду выдвижной киль — шверт (отсюда и название «швертбот»), выберет покороче гикашкот, чтобы парус стал к ветру под углом градусов в сорок пять, и тогда, повинуясь боковому ветру — галфвинду, судно по-прежнему будет двигаться вперед.

А если ветер встречный? Если, как шутят моряки, дует «вмордувинд»? На первый взгляд кажется, что яхта должна пятиться назад. Когда на занятиях тренер сказал, что яхта может плыть не только по ветру, но и против ветра («*почти* против ветра», уточнил он), ребята удивились: разве может тачка двигаться навстречу человеку, который толкает ее?

— Тачка не может,— улыбнулся Орг,— а парусник может. Почему? Очень просто. Все дело в том, что при встречном ветре яхтсмен старается держать яхту так, чтобы ветер дул не в лоб, а чуть сбоку, в скулу яхте. При этом к намеченной цели идут лавируя, зигзагами, или, как говорят моряки, галсами. Вести судно круто к ветру — искусство. И здесь важен не только опыт рулевого, но и «нрав» судна.

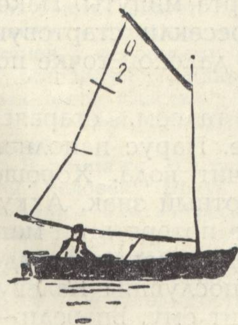
Но вот юные яхтсмены научились управлять парусами, делать повороты, сменять галс.

Наконец тренер сказал:

— Молодцы! Вы оседлали ветер.

ГОЛУБЫМИ ДОРОГАМИ

Похвала оказалась преждевременной. Однажды в сильный шквал Аллан не сумел справиться с парусами, яхта накренилась, черкнула парусом по волне, вода хлынула через фальшборт, и яхта легла на бок, распластав по воде парус, как бабочка намоченные крылья. На Аллане был, конечно, пробковый жилет. Соблюдая правила «потерпевших кораблекрушение», мальчик взобрался на возвышаю-

— Вот как надо вязать кноп,— показывает Тави Орг.
Аккуратно заделанные концы — своего рода морское щегольство. Но и не только щегольство. Растрепанные снасти — признак, что на судне хозяин — неряха. А море любит порядок и точность. Оно не терпит нерях.

щийся среди волн бок «Оптимиста». Ребята отбуксировали его в гавань и помогли вытащить яхту на берег.

— Поворот оверкиль,— смеялись они.

Но тренер отнесся к происшествию серьезно, потому что, как оказалось, Аллан неважно плавал. Яхтсмен, который плохо плавает, не яхтсмен. Его нельзя выпускать в море. Это железный закон парусного спорта. Что же делать? Отчислить? Нет, учить!

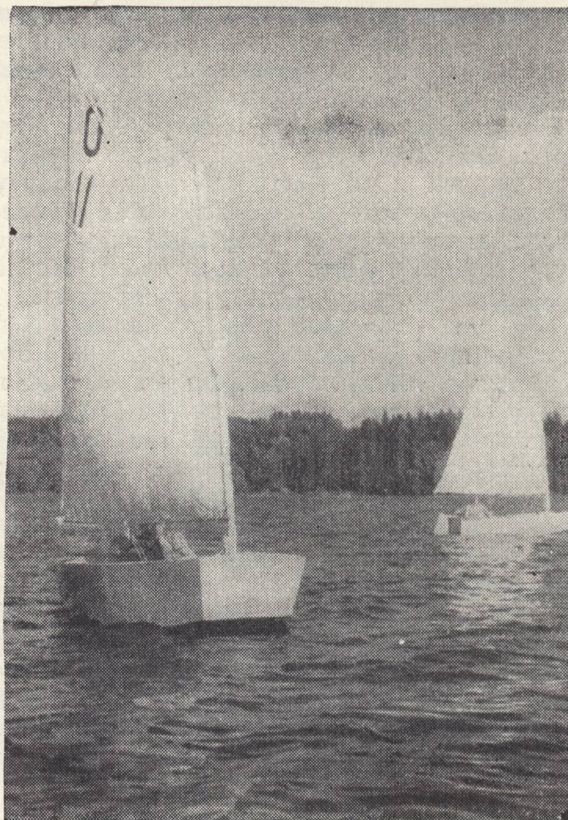
На берегу лесного озера Пюхаярве, в двухстах пятидесяти километрах от Таллина, яхтсмены разбили тренировочный лагерь. Помогло спортивное общество «Калев»: выделило средства, назначило тренеров. Под вековыми соснами поставили палатки. В бледное северное небо потянулись дымки костров. На озере расцвели паруса.

Это было великолепно! Ребята ходили под парусами, занимались плаванием, легкой атлетикой, играли в волейбол, проводили соревнования. Через месяц, загорев и окрепнув, они вернулись в Таллин.

— Ну-ка, покажитесь,— встретили их в яхт-клубе,— какими вы стали, чему научились?

Оптимисты смущенно пожимали плечами и загадочно бросали:

— Соревнования покажут.

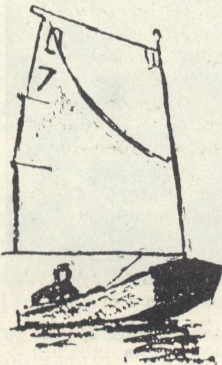

По синим волнам Пюхаярве скользят белокрылые «Оптимисты».

ИСПЫТАНИЕ

Наступил день соревнований. Не каких-нибудь, а прибалтийской регаты.

Над водой кружились и кричали чайки. Остро пахло водорослями. Подернутое легкой рябью море дышало, словно огромный притаившийся зверь. Низко ползли тяжелые облака.

— Не надейся, моряк, на погоду, а надейся на парус косой...— тихонько напевал Калев Ваппер где-то приставшую песенку, стараясь не выдать своего волнения. Даже в школе перед экзаменом по арифметике он не волновался так. А вдруг растеряется, забудет все, что говорил ему тренер Тави Орг? Вдруг не сумеет взять ветер или точно лечь на курс, вдруг при повороте заденет знак? Нет, не следует об этом думать! Не следует, готовясь к борьбе, думать о поражении...

Вот и судам класса «Оптимист» пора на старт. Напряженно вглядываются яхтсмены в очертания судейского катера. Главное — не упустить момент, когда под частые удары рынды опустится к подножию мачты сигнальный шар. Рында вызванивает оставшиеся до старта минуты. Наконец сигнал! Яхты пересекли стартовую линию и устремились к далекой точке поворотного знака.

Калев идет левым галсом, стараясь брать как можно круче. Парус наполнен ветром. За кормой журчит вода. Хорошо идет яхта! Вот и поворотный знак. Аккуратно и точно, чтобы не потерять ни метра дистанции, ни секунды скорости, надо обогнуть его... Паруса послушны Калеву. И ветер исправно служит ему. Впереди —

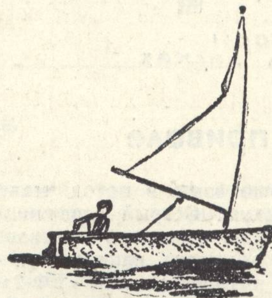
никого. Сгрудившись, белеют позади паруса соперников. Нет, теперь не догнать им Калева!

Финиш. Кто-то протягивает мальчику руку, помогает сойти на берег, кто-то похлопывает его по плечу. Победа!

Кажется, совсем недавно это было. И в то же время так давно! Минуло лето, прошумела дождями осень. Зима пришла, с ее снегами и морозами. Пользуясь каждым погожим днем, оптимисты бегали на коньках, ходили за город на лыжах, играли в хоккей. Все это и само по себе интересно и в будущем пригодится. Море любит сильных! И вот у мальчиков вторая навигация. Снова их суденышки вышли на просторы Балтики. И, провожая их от причалов, говорят взрослые спортсмены:

— Счастливого вам плавания, оптимисты! Попутного ветра!

Будущим юным капитанам

Первые в Советском Союзе «Оптимисты» были построены в прошлом году у нас, на Таллинской экспериментальной верфи спортивного судостроения. «Оптимисты» сразу же пришлись по сердцу ребятам. Выпуск судов этого класса продолжается. Адрес верфи: Таллин, Пирита, ул. Регати, д. № 1.

Наша судоверфь выпускает детские швертботы «Оптимист» в виде заготовок для самостоятельной сборки. Цена комплекта — 127 рублей. В комплект входят все необходимые для постройки судна материалы и чертежи. Парус, руль, шверт, мачта и другие части вооружения прилагаются в готовом виде. Постройка «Оптимиста» из материалов, входящих в комплект, несложна.

Можно приобрести детский швертбот и в собранном виде. Цена готового «Оптимиста» — 164 рубля. Для плавания на нем необходимо только поднять парус и научиться управлять им. Научиться можно за несколько часов. Практика показала, что управление этим судном вполне доступно ребятам, начиная с семи-восьми лет.

Поскольку флот «Оптимистов» быстро растет, я хочу познакомить будущих юных капитанов с основными правилами безопасности плавания на судах этого класса.

1. Каждый яхтсмен умеет плавать.

2. В экипаже «Оптимиста» — один человек. Брать на борт пассажира или матроса не разрешается. Выходить в плавание следует по меньшей мере двум лодкам одновременно, чтобы в случае необходимости один яхтсмен мог оказать помощь другому.

3. Перед выходом нужно проверить наличие в лодке объемов плавучести и правильность их крепления.

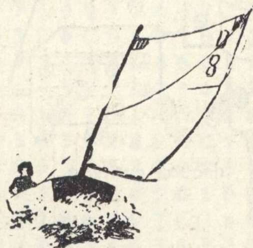
4. В лодке должны находиться, по крайней мере, одно весло или гребок, а также черпак или ковш.

5. Выходя в плавание, юный яхтсмен непременно должен надеть спасательный пояс.

6. На больших водоемах начинающий яхтсмен не должен отходить далеко от берега. Если ветер сильный или шквалистый, выход из гавани следует отложить.

7. «Оптимисты» в темноте и ночью не ходят. При закате солнца все детские швертботы должны быть у причалов или на берегу.

8. В управлении парусным судном надо быть внимательным и всегда начеку: следить за движением других «Оптимистов» и всех прочих парусных, гребных и моторных судов.

9. Юный яхтсмен не зазнается. Он никогда не позволяет себе никакой небрежности, особенно в соблюдении правил безопасности.

10. Если во время плавания погода изменилась и поднялся сильный ветер, надо тотчас возвращаться в гавань; в сильный ветер «Оптимист» может перевернуться. А если все же это случилось? Не впадай в панику. Вряд ли найдется яхтсмен, который бы ни разу не переворачивался. Пугаться не надо, потому что ведь ты умеешь плавать и на тебе спасательный пояс, помогающий держаться в воде. Главное — никуда не отплывай от своего судна, а держись около него и за него. Тогда идущие на помощь смогут легко тебя увидеть и возьмут на борт.

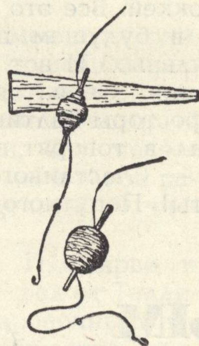
Эти правила — азбука яхтсмена. Усвоить их и строго соблюдать — первый шаг, чтобы стать хорошим моряком. Когда управление судном освоено, каждый рулевой стремится испробовать свои силы в соревновании с другими. Но «хитрости гонок» — это уже знания классом выше. О них поговорим в другой раз.

Хейно КУЙВЫГИ,
начальник отдела технического контроля верфи, мастер спорта

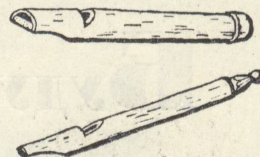
ПИОНЕРСКАЯ КОПИЛКА

Узоры на палках

Солонки из коры

Поплавки из коры

Берестяной туесок

Свистки из бузины или тростника

На привале

Хорошо взять в поход маленькую мастерскую. Острый перочинный ножик, шило, несколько листков наждачной бумаги, напильничек (надфиль), пузырек с клеем «БФ-2» вполне уместятся в кармане рюкзака. Эти инструменты помогут тебе на привале смастерить массу полезных и красивых вещей из лесных материалов.

Как сделать СВИСТКИ из бузины или тростника, показано на рисунке.

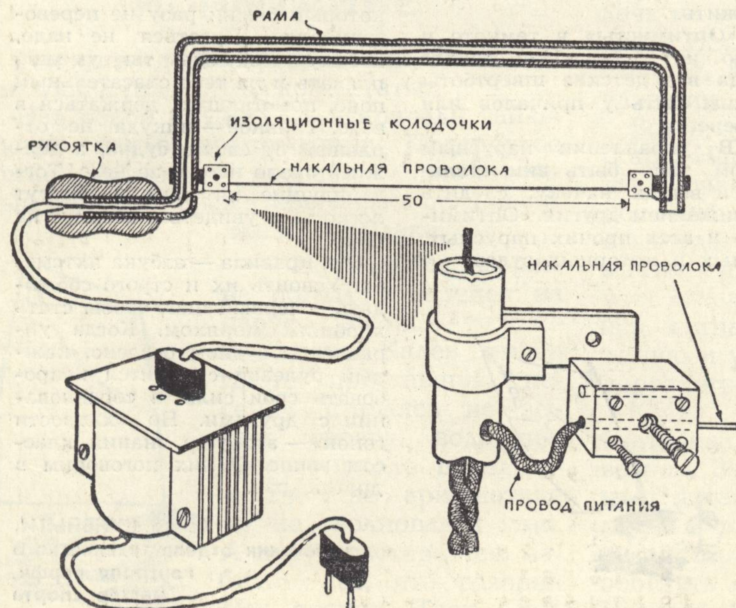
УЗОРЫ НА ПАЛКАХ делаются разными способами. Можно сначала закоптить палку над костром. Потом слегка промаслить, а узоры вырезать ножом или пропилить напильником, тогда они будут светлыми. Можно, наоборот, сначала вырезать узоры, потом закоптить палку и потереть наждачной бумагой. Теперь палка светлая, а узоры темные.

Чтобы сделать маленькие СОЛОНКИ, нужен кусок сосновой коры, перочинный нож и лист наждачной бумаги.

ПОПЛАВКИ — из сосновой, березовой или ивовой коры. На рисунке видно, как они сделаны.

Когда будешь мастерить ТУЕСОК, не забудь, что отверстие для берестяного ремешка прямоугольное. Сначала сделай поперечный надрез на коре, затем продольный, иначе кора даст трещину. Донышко из дощечки вставляется боком, а затем поворачивается.

Художник О. ЗОТОВ

Электрическая пила

Попробуйте металлической пилой разрезать стекло. Ничего не выйдет. Гетинакс, текстолит, оргстекло — каждому известно, как трудно обрабатывать эти материалы. Совсем другое дело, если у тебя в руках электрическая пила.

Металлическая рама с деревянной ручкой, крепежные хомутики, изоляционные колодки, осветительный шнур — вот основные детали электрической пилы. Каждую из них нетрудно изготовить самому или приобрести в магазине.

Рамой служит изогнутая железная трубка диаметром 10 мм. Толщина стенок трубки—1,5—2 мм. К изгибам рамы металлическими хомутиками прикрепите изоляционные колодочки (они продаются в магазине электротоваров). На раме, где будут крепиться хомутики, просверлите отверстия и в них пропустите питающие прово-

да (понадобится два метра обычного осветительного шнура). Каждый провод подсоедините к своей колодочке. Между колодками натяните нихромовую проволоку. Диаметр ее зависит от того, какой материал вы будете резать. Для оконного стекла нужна проволока диаметром 0,6—0,8 мм; для текстолита, гетинакса — 0,4—0,5 мм; для фанеры, пенопласта, полистирола, полиэтилена, эбонита, оргстекла—0,1—0,3 мм. Напряжение на пилу подается 10—20 вольт при работе с толстой проволокой и до 40—50 вольт, если проволока меньшего диаметра. Для питания лучше всего использовать автотрансформаторы типа «ЛАТР-1», «ЛАТР-2» и другие мощностью более 200 ватт. В любом случае напряжение, снимаемое с трансформатора, должно регулироваться плавно или скачками через 5—10 вольт.

В отличие от обычной электрической пила не перерезает материал, а плавит его там, где прикасается раскаленная проволока. Поэтому для каждого материала нужно подбирать температуру нагрева проволоки.

Не забывайте постоянно перемещать проволоку так же, как полотно металлической пилы. Чтобы разрезать стекло, положите проволоку пилы на линию разреза и включите напряжение питания. Проволока накалится, и стекло отломится по линии нагрева.

Электрической пилой можно пользоваться и как лобзиком. В этом случае просверлите в материале отверстие и проденьте через него накальную проволоку пилы. Затем закрепите проволоку в изоляционных колодочках и включите напряжение. Все остальное, как при работе с лобзиком.

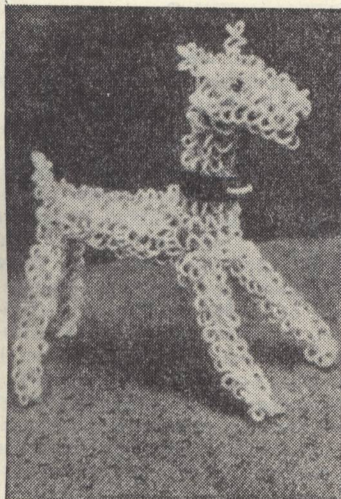
Б. ИВАНОВ

Когда за окном дождь

СУВЕНИР ИЗ ЛАГЕРЯ

Такую смешную собачку фокстерьера можно привезти из лагеря кому-нибудь в подарок. Сделать ее очень легко. Сначала подготавливается «скелет» из толстой изолированной проволоки. Потом проволоку (6—8 м) потоньше наматывают на вязальную спицу или длинный гвоздь — получается длинная эластичная спираль. Слегка растягивая ее, обматывают вокруг основы. Две черные бисеринки или пуговицы — глаза — сразу сделают живой эту фигурку.

ЗАСЕКАЙТЕ ВРЕМЯ

Многие ребята жалуются, что не умеют сосредоточиться, собрать свое внимание. Вот одна из тех игр, которые помогают тренировать внимание.

Здесь 25 горизонтальных рядов цифр. В каждом ряду нужно найти и подчеркнуть те пары цифр, которые в сумме составляют 10. Например: 2 9 *4 6* *1 9* 3 *5 5* 6 7. На решение задачи дается 10 минут. Если тебе потребуется больше времени, твои результаты не засчитываются. У тех, кто успел вовремя, результат определяется по числу пропущенных пар цифр. За каждую пропущенную пару насчитывается очко. Всего надо найти 143 пары цифр.

0—26 очков — признак отличной собранности и внимательности. Поздравляем!

27—37 очков — хороший результат. Несколько выше среднего уровня.

38—48 очков — «три с плюсом». Внимательность обыкновенная.

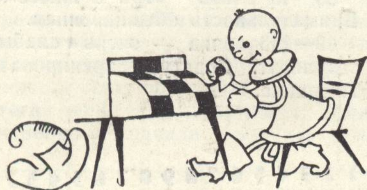
49—143 очка — очень слабый результат. Советуем тренировать внимание.

2 9 1 4 8 7 5 6 3 9 4 6 7 8 8 3 1 2 3 4 5 6 7 8 9 8 7 6 5 4 3 7
9 8 7 6 5 4 3 2 1 9 8 7 6 5 4 3 1 4 2 1 5 2 1 6 2 1 7 2 8 1 9 2
1 2 3 4 5 6 7 8 9 1 2 3 4 5 6 7 1 5 2 1 6 3 1 7 4 6 1 3 5 1 2 4
3 3 4 6 7 3 8 2 9 1 4 5 6 7 3 4 9 1 2 9 1 2 3 1 9 8 7 6 5 1 9 0
5 3 9 8 2 7 7 4 6 7 5 3 7 0 9 8 8 0 2 8 3 8 2 0 8 2 4 6 5 9 3 4
2 0 5 6 3 7 7 0 3 9 5 7 4 9 7 4 5 5 0 5 5 3 3 5 5 4 4 6 5 5 0 5
6 4 3 2 8 9 7 6 3 7 8 2 0 9 3 8 2 4 5 7 8 6 4 0 1 8 2 5 8 6 4 0
7 6 5 5 4 7 4 4 4 6 6 6 8 8 8 3 1 3 4 5 1 7 8 9 1 3 1 4 1 5 6 1
3 2 1 3 2 1 1 2 3 1 2 3 5 4 3 7 8 2 3 9 2 3 7 2 3 6 3 2 4 3 7 6
9 8 7 9 8 7 8 7 6 8 2 6 7 6 5 7 0 1 9 8 6 8 4 7 4 3 2 8 9 6 1 0
1 9 8 7 3 8 2 6 4 5 5 9 1 0 8 8 4 2 3 4 5 6 8 3 4 5 6 7 9 4 6 7
2 4 6 8 2 4 6 8 3 6 9 1 1 8 1 9 4 4 5 5 5 6 6 6 6 7 7 7 7 7 3 8
8 3 6 5 9 1 7 2 3 7 5 9 4 3 7 6 7 7 6 6 5 5 4 4 3 3 2 2 1 1 9 9
9 1 8 2 7 3 6 4 5 5 8 1 8 3 7 2 9 1 0 8 2 0 7 4 5 6 7 8 9 2 3 4
2 7 3 4 8 5 5 6 4 7 2 3 7 8 0 2 6 7 7 5 6 7 5 6 7 5 6 4 5 7 6 6
6 3 8 6 0 9 1 8 7 6 4 3 8 2 9 2 8 7 6 5 4 6 5 4 3 5 4 3 2 3 2 1
9 7 5 4 3 3 5 4 6 8 2 2 5 4 6 6 8 5 7 4 6 3 5 2 9 6 6 4 5 3 4 2
4 0 4 3 9 3 4 7 3 6 8 2 4 7 4 6 3 6 4 7 5 8 6 9 7 2 8 3 7 2 8 3
9 0 1 6 1 9 8 4 6 3 2 8 7 6 4 2 8 4 8 7 6 5 9 0 7 1 1 5 1 6 8 2
8 3 6 5 4 2 8 9 6 6 1 0 3 6 8 2 6 7 5 4 6 9 8 4 5 7 3 4 2 8 9 1
4 8 6 5 4 8 7 6 9 8 3 4 7 3 8 9 6 4 7 4 6 7 6 4 7 6 4 7 3 4 6 8
8 9 5 7 3 8 6 9 0 1 0 2 8 5 3 7 8 2 3 2 8 1 8 1 7 1 6 1 5 6 4 8
6 4 2 8 6 4 9 7 6 2 8 0 1 8 3 6 5 2 8 3 6 6 7 7 8 8 9 9 1 1 2 2
4 8 2 9 5 1 6 3 8 3 7 8 4 6 7 5 2 2 6 6 3 3 7 7 4 4 8 8 5 5 9 9
6 2 4 8 2 7 4 6 3 8 9 6 1 9 8 4 8 3 2 8 4 5 5 9 1 8 2 6 4 3 7 9

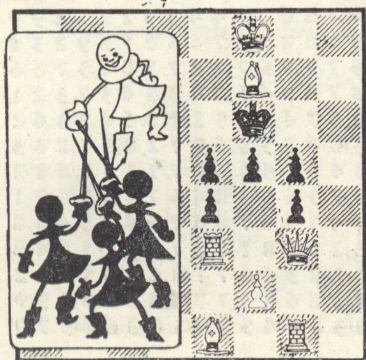

ПОМОГИТЕ ПЕШКИНУ

Все ли правила шахматной игры знаете вы, ребята? Надеюсь, все. А вот Пешкин никак не может усвоить правило взятия на проходе. Смотрите, он на арифмометре подсчитывает: сколько ударов будет направлено на белую пешку f2, если она пойдет на f4?

А в самом деле, как вы думаете, сколько? И еще напишите: во сколько ходов будет заматован черный король после смелого броска пешки с f2 на f4?

НА ОДНОЙ ЛИНИИ

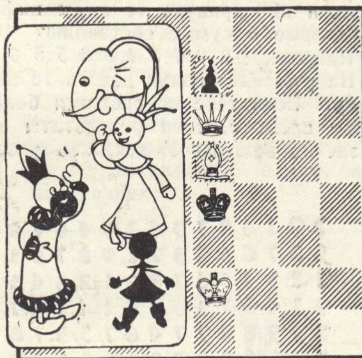
Многие читатели журнала прислали нам свои задачи. К сожалению, большинство этих задач имеет существенные недочеты. Советую вам, друзья, тщательно проверять решения своих задач. Не гонитесь за количеством. Лучше составить одну хорошую трудную задачу, нежели несколько таких, которые решаются без труда.

Важно, чтобы на доске не было лишних фигур, чтобы первый ход решения не отнимал свободных полей у черного короля, чтобы этот ход не бросался сразу в глаза.

Надеюсь, эти советы пригодятся **Саше Пустовойтенко** из Харькова, **Алексею Данилову** из Тацинского района, Ростовской обл., **Володе Крутикову** (Ленинград) и другим ребятам.

Обдумывая понравившуюся позицию, устраняйте лишние фигуры, улучшайте конструкцию задачи.

Посмотрите, как «отшлифована» следующая позиция.

Действующих лиц этой шахматной драмы очень мало, все фигуры и пешки красиво расположены на одной вертикали «е». Фигур мало, а решить задачу нелегко. Попробуйте найти, как белые, начиная игру, дают мат в три хода черному королю.

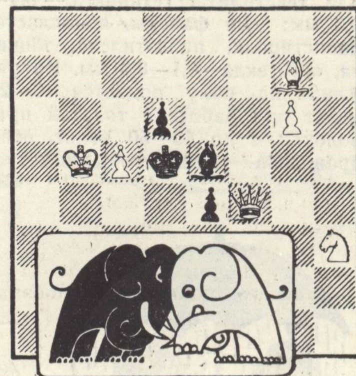
И ЕЩЕ ДВА ЗАДАНИЯ...

А вот еще два задания Пешкина.

Составьте примечания к короткой партии, которая была сыграна в турнире школьников деревни Брусинец, Вологодской области. Белыми играл **Коля Мальцев**, черными — **Костя Баженов.** Вот как развернулись события:

1. d2—d4 d7—d5 2. c2—c4 c7—c6 3. Kg1—f3 Cc8—g4 4. Kb1—c3 Kg8—f6 5. e2—e3 d5:c4 6. Cf1:c4 b7—b5 7. Kf3—e5 Cg4:d1 8. Cc4:f7 мат.

Решите задачу, которую прислал Слава Замарацкий (Иркутская обл.).

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода черному королю.

ГРАМОТА ДРУЗЬЯМ ПЕШКИНА

Много шахматистов участвовало в заочных соревнованиях, которые проводились в стране шаха (журнал № 3). Задача «Мат в пять ходов» решается так: 1. Kf6—h5! h7—h6 2. Kc8—e7 Kph8—h7 3. Ke7—g6! Kph7:g6 4. Cc4—g8! Kpg6:h5 5. Cg8—f7 мат.

Тем ребятам, которые решали эту задачу по-другому, советую проверить внимательно позицию, чтобы убедиться в правильности этого единственного решения.

В поединке О. Андреева—Л. Рубцова была разыграна испанская партия. Лена Рубцова хорошо использовала ошибочный ход белых 10. Ka3, и неудачный маневр 12. Фc4.

Грамотами «Ферзя и ладьи» Пешкин награждает **Колю Добровольского** и **Сашу Билла** (Запорожская обл.), **Хабиба Кучумова** (д. Старо-Куручево, БАССР), **Даниэля Шинкарь** (Елгава), **Витю Куприянова** (п. Купавна, Московской обл.), **Женю Падом** (г. Баймак), **Александра Киселева** и **Колю Володина** (Кировская область), **Володю Астахова** (Рязань), **Шуру Шинделевича** (Актюбинск), **Борю Чибизова** (с. Пустотино, Рязанская обл.), **Александра Булавина** (с. Паново, Алтайский край) и других ребят.

КРИПТОГРАММА С АНАГРАММАМИ

Напомним: если какое-либо слово — имя существительное путем перестановки в нем букв превращается в другое слово, тоже имя существительное, то каждое из этих слов будет анаграммой по отношению к другому. Так, например, слова «рамка» и «марка», состоящие из одних и тех же букв, но в различном порядке поставленных, являются парной анаграммой.

Бывают и сложные анаграммы, когда новое слово составляется из букв, входящих в состав двух или даже трех отдельных слов. Например, из слов «рама» и «ринг» с перестановкой букв можно составить слово «маргарин». (РАМА + РИНГ = МАРГАРИН).

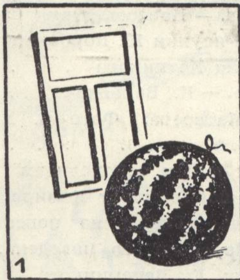
Чем не пример на сложение: слова — «слагаемые» и слово — «сумма».

Криптограмма, которая здесь напечатана, зашифрована сложными анаграммами. Их восемь, каждая помечена порядковым номером. Слова — «слагаемые», как в ребусе, обозначены рисунками. К каждой паре или тройке слов нужно подобрать их анаграмму — слово — «сумму».

Вот значения восьми слов, которые должны составиться путем перестановки букв: 1. Бойница. 2. Особый вид объявления. 3. Частица высушенного растения. 4. Сельскохозяйственная машина. 5. Ткань, используемая для украшения комнаты. 6. Народный игровой танец. 7. Название областного города. 8. Столица автономной республики.

Когда решишь все восемь анаграмм, постарайся найти способ расшифровать криптограмму. В ней записана мудрая поговорка. Учти при этом, что каждое дробное число в криптограмме обозначает какую-либо одну букву.

Задача составлена по материалу В. Езерцева из г. Калуги.

	1/7	2/4	3/2	1/8	2/3	4/1	5/8	6/6	
3/7	1/1	7/3	6/3	2/2	7/2	5/1	4/3	2/10	4/5
8/5	8/1		7/1	3/1	5/4	2/10	6/1	4/6	3/5

НОМЕР ДОМА ШКОЛЫ

Когда Коля переехал в новую квартиру и у него спросили, где он живет, Коля ответил:

— Я, Вася и Саша живем почти рядом, на одной линии со школой. Я живу ближе всех, всего через восемь домов от школы, Вася — через шесть домов от меня, а Саша еще дальше — через три дома от Васи. Кстати, если сложить номера домов, где живут Вася и Саша, то получится число, которое в два с половиной раза больше номера моего дома.

Этих сведений достаточно, чтобы назвать номер дома школы.

ОТВЕТЫ *на задачи,* ПОМЕЩЕННЫЕ В № 4

КТО КОГО СИЛЬНЕЕ!

Судя по первой схватке, Топс сильнее Шарика и Вертуна, так как перетянул их обоих.

Во второй схватке силы противников оказались равными. Но стоило перевести Шарика на правую сторону к Кудряшу, а Вертуну занять место в паре с Топсом, как правая группа взяла верх над левой. Значит, Шарик сильнее Вертуна.

Но если Вертун слабее Шарика, то равенство сил во второй схватке (Топс, Шарик — Вертун, Кудряш) могло быть лишь в том случае, если Кудряш сильнее Топса.

Таким образом, самый сильный из четырех щенков — Кудряш, на втором месте — Топс, на третьем — Шарик, на последнем — Вертун.

НАКАЗАННОЕ ЛЮБОПЫТСТВО

По условиям задачи год рождения Ивана Антоновича и год, когда ему исполнится 45 лет, отличаются только порядком двух последних цифр в этих числах. Ближайший год — 1966-й, но в числе 1966 последние две цифры одинаковы, перестановка их ничего не дает. Следующие три года не отвечают условиям задачи, так как из меньшего числа нельзя вычесть большее. Возьмем следующие годы: 1970 — 1907 = 63; 1971 — 1917 = 54; 1972 — 1927 = 45.

Значит, учитель родился в 1927 году, и сейчас, в 1965 году, ему 38 лет.

ВОТ ТАК ЧИСЛО!

В шестом примере ребуса требуется разделить загаданное число на $1\,^2/_3$, то есть разделить его сначала на 5 и частное умножить на 3. Но число может делиться на 5 лишь в том случае, если на конце его стоит цифра 5 или 0. Так как ноль в ребусе отсутствует, то, следовательно, буквой Е обозначается цифра 5. В пятом примере видим, что 5 требуется разделить на 4. Очевидно, что в частном (на месте буквы П) получится 1.

Из второго примера в ребусе легко находим, что буква О в конце произведения может обозначать только цифру 2, так как $1 \times 2 = 2$.

Снова вернемся к пятому примеру. Разделить делимое на 4 удастся лишь в том случае, если на месте единиц (буква Н) будет 4 или 8, поскольку на месте десятков (буква О), как мы уже знаем, находится цифра 2. Если допустить, что буквой Н обозначается цифра 4, то, проверяя это по первому примеру, мы нашли бы, что буквой И обозначается цифра 2, а нам уже известно, что 2 обозначается буквой О. Следовательно, Н = 8. Произведя деление (28 : 4), найдем, что Р = 7.

Остается неизвестной лишь цифра, обозначенная буквой И, но и она легко определяется из первого примера ребуса (8 : 2 = 4). Таким образом, загаданное число — 142 857.

Содержание

На обложке:

На уху будет. Цветное фото Н. Бохонова.

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор В. Пархоменко.

А 02347 Подписано к печати 6/VII 1965 г. Тираж 540 000 экз. Изд. № 1330. Заказ 1370.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 3,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

перепелиный луг

У нее три лисенка.

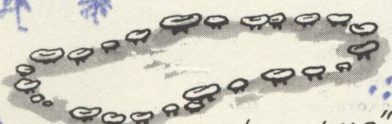
В лагерь →

Муравейник взяли под охрану!

„Столовая" дятла

„Ведьмино кольцо"

14.VII

12·VII здесь встретили гадюку

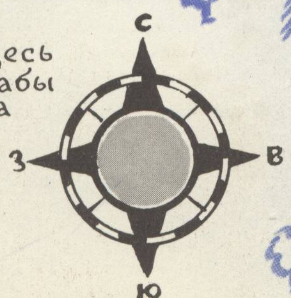
норы стрижа в глинистом обрыве

соловей №1 поёт на черёмухе

здесь у жабы нора

3 июля я здесь видел, как из личинки вышла стрекоза

Белка уносит орешки, которые я оставляю.

Куличок оставляет на песке очень ясные следы

У ручейников домики из всякой всячины.

Заяц бежал от ручья. Неужели с водопоя ?!!

В водорослях щука стоит в засаде

соловей №2. У него меньше „колен"

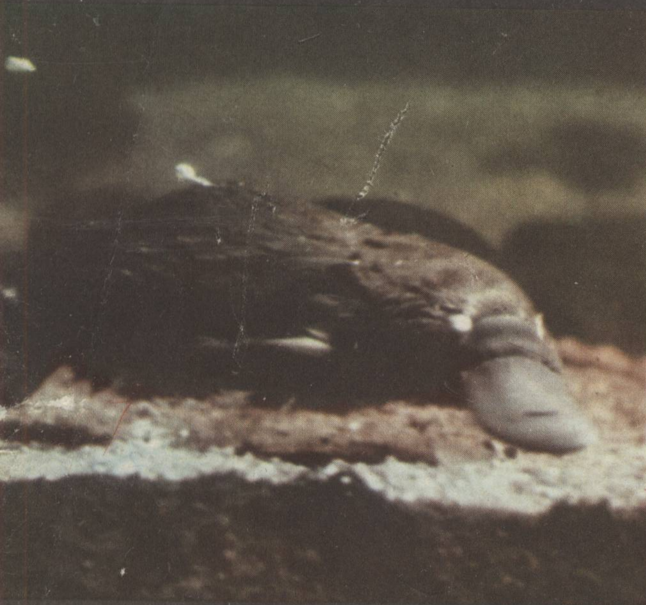
Чибис очень смешно кричит и летает, как бабочка

на этом пеньке зеленая ящерица загорает

Цена 25 коп.

Индекс 70694

Присмотрись-ка получше к этим животным. Ты не встречал их ни в лесу, ни в степи, ни на болоте. О некоторых ты, может, даже и не слышал.

Это редкостные животные, и обитают они в далекой Австралии и Новой Зеландии. Слева сверху вниз: киви, утконос, тасманийский дьявол; справа вверху: сумчатый медведь, или коала; внизу: кус-кус.

Хочешь узнать о них подробнее! Хочешь увидеть, как они плавают, прыгают, летают! Тогда посмотри кинокартину «Зачарованные острова». О ней мы рассказываем в этом номере.

